63.3(0)3
E78

4 3883/3

29.
10

53

63.3(0)3
Е-78

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

9
Е78

ДРЕВНИХЪ

ПРОСВѢЩЕННЫХЪ НАРОДОВЪ

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ЦАРСТВЪ

ДО

ЛѢТОСЧИСЛЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

Библиотека Тобольского Гос. Музея инв. № 4530
88
02
81

Соч. И. Ертова.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Александра Смирдина.
1825.

Печатать позволено:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

Въ С. Петербургѣ, 31 Октября 1824 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ТМ-23924/140

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Исторія Римлянъ, отъ основанія Рима до начала Пуническихъ браней. Произшествія 489 лѣтъ, отъ 753 до 264 года до Р. Х.

Главы. Стран.

I. Родословіе Ромула и исторія предковъ его. Произшествія 417 лѣтъ, отъ 1170 до 753 года до Р. Х. - - - - - - - - - - 3.

II. Основаніе Рима. Царствованіе семи Царей до изгнанія Таркви-нія Гордаго. Произшествія 244 лѣтъ, отъ 753 до 509 года до Р. Х. - - - - - - - - - - 11.

Главы. Стран.

III. Правленіе Консуловъ до учрежденія народныхъ Трибуновъ. Произшествія 17 лѣтъ, отъ 509 до 491 года до Р. Х. - - - - - - 60.

IV. Отъ учрежденія народныхъ Трибуновъ до учрежденія Децемвировъ, сочинителей уложенія. Коріоланъ, Цинцинатъ, начало полеваго закона. Произшествія 40 лѣтъ, отъ 491 до 451 года до Р. Х. - - - - - - - - - - - 76.

V. Отъ учрежденія Децемвировъ или десятиначальниковъ до изгнанія ихъ. Сочиненіе законовъ. Смерть Виргиніи. Произшествія трехъ лѣтъ, отъ 452 до 449 года до Р. Х. - - - - - - - 102.

VI. Отъ изгнанія Децемвировъ до разрушенія Галлами Рима. Учрежденіе военныхъ Трибуновъ, Цензуры. Опредѣленіе войскамъ жалованья. Подвиги Камилла.

Главы. Стран.

Произшествія 60 лѣтъ, отъ 449 до 389 года до Р. Х. - - 116.

VII. Отъ возобновленія Рима до войны съ народами Южной Италіи. Внутренніе раздоры. Моровая язва. Постелесланіе, водруженіе булавы. Произшествія 47 лѣтъ, отъ 389 до 342 года до Р. Х. - - - - - - - - - - 131.

VIII. Продолжительная война съ Самнитянами и прочими народами Южной Италіи. Произшествія 60 лѣтъ, отъ 342 до 282 года до Р. Х. - - - - - - - 139.

IX. Кровопролитная война съ Пирромъ, Епирскимъ Государемъ. Состояніе Римлянъ предъ началомъ Пуническихъ браней. Произшествія 18 лѣтъ, отъ 282 до 264 года до Р. Х. - - - - - 148.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Продолженіе Римской Исторіи. Пуническія и другія внѣшнія брани до разрушенія Карфагена, Коринфа и Нуманціи. Произшествія около 130 лѣтъ, отъ 264 до 133 года до Р. Х.

Главы. Стран.

I. Историческое обозрѣніе Карфагена и Сициліи. - - - - - - 167.

II. Первая Пуническая война, продолжавшаяся 24 года, отъ 264 до 241 года до Р. Х. - - - 186.

III. Отъ конца первой до начала второй Пунической войны. Произшествія 23 лѣтъ, отъ 241 до 218 года до Р. Х. - - - - - - 204.

IV. Вторая Пуническая война. Причина и начало войны. Дѣла Италійскія. Дѣла Испанскія. Дѣла Сицилійскія. Дѣла Италійскія, Сицилійскія и Африканскія. Окончаніе войны. Произшествія

Главы. Стран.

17 лѣтъ, отъ 218 до 201 года до Р. Х. - - - - - - - - 215.

V. Война Македонская и Сирійская. Конецъ жизни Аннибаловой и Сципіоновой. Дѣла внутреннія. Произшествія 30 лѣтъ, отъ 201 до 171 года до Р. Х. - - - 310.

VI. Война съ Персеемъ, послѣднимъ Македонскимъ Царемъ. Разграбленіе Епира. Тріумфъ Павла Емилія. Дѣла внутреннія. Произшествія 22 лѣтъ, отъ 171 до 149 года до Р. Х. - - - 331.

VII. Третія и послѣдняя пуническая война. Разрушеніе Карфагена, Коринфа и Нуманціи, и другія произшествія въ продолженіи 16 лѣтъ, отъ 149 до 133 года до Р. Х. - - - - - - - - - - 352.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ИСТОРІЯ РИМЛЯНЪ

ОТЪ ОСНОВАНІЯ РИМА ДО НАЧАЛА ПУНИЧЕСКИХЪ БРАНЕЙ.

Произшествія 489 лѣтъ, отъ 753 до 264 года до Р. Х.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родословіе Ромула и исторія предковъ его. Произшествія 417 лѣтъ, отъ 1170 до 753 года до Р. Х.

Наконецъ мы приступаемъ къ изложенію Исторіи такого народа, въ которомъ всѣ свойства страстей человѣческихъ и большая часть нравственныхъ понятій развились до высочайшей степени; въ которомъ Природа выказала все то, что есть въ человѣкѣ и великаго и порочнаго, и которой мужествомъ, терпѣніемъ и искуствомъ правленія покорилъ всѣ просвѣщенные народы древняго міра, и основалъ къ рожденію Искупителя такую Имперію, какой на землѣ отъ самаго начала по сіе время несуществовало. Исторія такого народа любопытна для ума наблюдательнаго. Въ ней заключаются всѣ причины возвышенія и паденія Царствъ, добронравія и развращенія народовъ; соображая же важнѣйшія произшествія въ Римской Исторіи съ произшествіями, случившими-

ся въ Исторіи другихъ древнихъ народовъ, мы можемъ въ полной мѣрѣ изобразить физической и нравственной характеръ человѣка, какъ въ общемъ объемѣ, такъ и въ частныхъ подробностяхъ.

Не входя ни въ какія споры и сомнѣнія скажемъ просто, что Римляне родословіе Царей своихъ выводятъ отъ Енея Князя Троянскаго, которой по разрушеніи Греками Трои за 1170 лѣтъ до Р. Х. удалился съ остаткомъ войскъ своихъ въ Италію, вышелъ на берегъ и хотѣлъ насильно овладѣть мѣстомъ для построенія города. Владѣтельный Князь или Царь тамошней земли, по имени Латинъ, вошелъ съ Енеемъ въ переговоры, и добровольно уступилъ ему часть земли для поселенія; Еней же за сіе великодушное страннопріемство обѣщалъ помочь Латину въ войнѣ противъ Рутуловъ, сосѣдняго народа. Троянское войско, по тогдашнему времени хорошо обученное и сражавшееся нѣсколько лѣтъ съ героями древности, было гораздо превосходнѣе Рутульскаго, и потому Латинъ съ помощію Енея одержалъ надъ непріятелемъ многія побѣды, взялъ нѣсколько городовъ и принудилъ его заключить миръ на выгодныхъ для себя условіяхъ.

Оказанная въ сей войнѣ услуга Троянцевъ не осталась безъ награды. Латинъ въ благодарность выдалъ за Енея одинакую дочь свою Лавинію, а Еней въ знакъ признательности назвалъ свой городъ, по имени супруги, Лавиніумъ.

Спустя три года снова загорѣлась война съ Рутуллами за то, что Латинъ для супружества дочери своей предпочелъ чужестранца Рутульскому Князю. Еней и въ сію войну остался побѣдителемъ, убилъ собственноручно Рутульскаго Князя, но лишился тестя въ сраженіи. Еней по праву наслѣдства вошелъ на престолъ Латиновъ и, желая соединить два народа, назвалъ вообще своихъ подданныхъ Латинами, далъ имъ одинакія права, одни законы и одинакое богослуженіе; согласилъ Троянъ войти въ брачные союзы съ Латинами, и чрезъ таковое благоразумное учрежденіе поставилъ правленіе свое на прочномъ основаніи.

Однакожъ Еней не долго наслаждался спокойнымъ царствованіемъ. Ему хотѣлось совершенно подчинить себѣ Рутулловъ; но сіи, узнавъ намѣреніе Енея и опасаясь могущества его, вошли въ союзъ съ Етрусками, сильнѣйшимъ то-

гда народомъ, и приготовились къ защитѣ. Въ день рѣшительной битвы Еней пропалъ безъ вѣсти: полагаютъ утонулъ въ рѣкѣ, подлѣ которой происходило сраженіе. Етруски ободрились, осадили Лавиніумъ, въ которомъ принялъ начальство Асканій сынъ Енеевъ отъ Креузы, первой супруги погибшей при разрушеніи Трои. Лавинія, оставшись беременною и опасаясь пасынка своего, скрылась въ лѣсъ къ надзирателю за стадами отца своего. Добродушный пастухъ построилъ ей въ лѣсу хижину и принялъ на себя попеченіе о содержаніи ея.

Между тѣмъ, по заключеніи съ Етрусками мира, народъ, не видя Лавиніи, подозрѣвалъ Асканія въ убійствѣ ея и угрожалъ ему явнымъ возмущеніемъ. Тщетно Асканій доказывалъ невинность свою. Народъ не слышалъ оправданія, и естьли бы пастухъ не вывелъ жителей изъ заблужденія, то дѣло необошлось бы безъ кровопролитія.

Въ продолженіе сихъ произшествій Лавинія разрѣшилась отъ бремени сыномъ Сильвіемъ, и введена была попечителемъ своимъ въ городъ съ юнымъ Царевичемъ. Народъ принялъ съ восторгомъ дочь Латинову; Асканій же, от-

клоняя отъ себя всякое подозрѣніе, оставилъ ее правительницею своего города; а самъ заложилъ другой городъ Албу гораздо пространнѣйшій, въ которой перевелъ часть жителей изъ Лавиніума и изъ прочихъ селеній.

По смерти Асканія явились два искателя Престола Енеева: старшій сынъ Асканіевъ Юлвій, и Сильвій, сынъ Енеевъ отъ Лавиніи. Народу предоставлено было рѣшить споръ, и Сильвій объявленъ законнымъ наслѣдникомъ, а Юлвію и всему потомству его предоставлено право Первосвященства, которое и оставалось нѣсколько столѣтій въ родѣ Асканіевомъ такъ, что Юлій Цесарь, произшедшій отъ сего колѣна, по прошествіи болѣе тысячи лѣтъ, получилъ сіе титло.

Потомки Сильвіевы до пятнадцатаго колѣна пользовались не оспоримо правомъ царствованія, которое продолжалось въ городѣ Албѣ около 400 лѣтъ. Въ послѣднемъ колѣнѣ два брата Нумиторъ и Амулій раздѣлили наслѣдство. Первый взялъ Царство, а послѣдній всѣ оставшіяся сокровища. Амулій, пріобрѣвъ богатство, овладѣлъ и царствомъ, согнавъ Нумитора съ Престола; опасаясь

же, чтобъ дочь его Рея Сильвія не произвела законныхъ наслѣдниковъ, посвятилъ ее въ Весталки, хранительницы священнаго огня. Чрезъ нѣсколько времени Рея была схвачена, изнасилована, повѣствуютъ, богомъ Марсомъ, но думаютъ самимъ Амуліемъ, и будучи заключена въ темницу разрѣшилась отъ бремени двумя сыновьями. Амулій приказалъ бросить ихъ въ Тибръ; но случилось, что рѣка отъ прибылой воды выступила изъ береговъ далѣе обыкновеннаго теченія своего. Исполнитель приговора, не размышляя о семъ случаѣ, или изъ жалости къ младенцамъ, пустилъ люльку на воду по близости берега въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было теченія. Вода скоро сбыла, и люлька обсохла на мѣстѣ.

Фастулъ, пастухъ Амуліевъ, идучи въ то время по берегу, увидѣлъ люльку съ близнецами, принесъ ихъ въ свою хижину и сталъ воспитывать вмѣсто дѣтей своихъ, назвавъ ихъ Ромуломъ и Ремомъ. Дѣти росли вмѣстѣ съ пастухами, занимались въ полѣ пасеніемъ стадъ и охотою. Они скоро отличились отъ ровестниковъ своихъ и умомъ, и мужествомъ, и смѣлостію. Однажды пасту-

хи Нумиторовы отняли нѣсколько скотинъ у пастуховъ Амуліевыхъ. Ромулъ и Ремъ погнались за похитителями, настигли ихъ и отняли добычу; но въ другой стычкѣ пастухи схватили Рема и привели къ Нумитору. Ростъ, видъ и смѣлые отвѣты Ремовы внушили въ Нумитора подозрѣніе, что приведенный къ нему виновникъ не есть сынъ пастуха; узнавъ же отъ Рема, что онъ имѣетъ еще брата близнеца, что они пріемыши и, соображая годы ихъ со временемъ преступленія дочери своей, находилъ, что внучата его должны быть точно такихъ же лѣтъ, какихъ Ромулъ и Ремъ.

Между тѣмъ Ромулъ давно уже подбиралъ къ себѣ подъ начальство сначала пастуховъ, а потомъ уже всѣхъ преступниковъ, бѣглыхъ невольниковъ и бродягъ. Фаустулъ же, узнавъ о несчастіи Рема и опасаясь худыхъ послѣдствій съ нимъ, открылъ Ромулу тайну ихъ рожденія, и самъ пошелъ къ Нумитору съ тою люлькою, въ которой нашелъ дѣтей на берегу Тибра и на которой была неизвѣстная ему надпись. Но по смущенному виду былъ замѣченъ при входѣ въ городъ стражею Амулія, взятъ и представленъ къ похитителю Престола. Ро-

мулъ же, пылая мщеніемъ на Амулія и желая исхитить заключенную въ темницу мать свою, приближался къ городу со всею шайкою бродягъ, къ которой на пути пристало и еще много недовольныхъ настоящимъ состояніемъ своимъ.

Слухъ о приближеніи Ромула тотчасъ разнесся по городу. Амулій пришелъ въ великое смущеніе и не зналъ на что рѣшится. Онъ не могъ положится на вѣрность жителей, которые, будучи угнѣтены жестокимъ правленіемъ его, внутренно преданы были Нумитору. Ромулъ, не теряя времени и воспользуясь общимъ смятеніемъ, вошелъ въ городъ, соединился съ выпущеннымъ братомъ и съ большею частію приставшихъ къ нимъ жителей, лишилъ Амулія жизни и возвелъ на престолъ законнаго Государя, дѣда своего Нумитора.

Нумиторъ, въ изъявленіе благодарности и по собственному желанію внучатъ, позволилъ имъ съ собранною дружиною поселится особымъ городомъ на тѣхъ самыхъ холмахъ, на которыхъ они пасли стада и были воспитаны. Вскорѣ стеклось со всѣхъ сторонъ множество охотниковъ поселится въ новомъ горо-

дѣ; ибо основатели объявили убѣжище въ ономъ всѣмъ преступникамъ и невольникамъ, избѣгающимъ наказанія и господства надъ собою. Но братья при построеніи города поссорились, и совмѣстничество ихъ было причиною, что Ромулъ умертвилъ Рема и остался одинъ начальникомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основаніе Рима. Царствованіе семи Царей до изгнанія Тарквинія Гордаго. Произшествія 244 лѣтъ, отъ 753 до 509 года до Р. Х.

I Ромулъ, основатель Рима.

Основаніе Рима полагаютъ вообще за 753 года до Р. Х. Ромулъ, зная безпокойный и своевольный нравъ своихъ подданныхъ, совѣтовался съ дѣдомъ своимъ Нумиторомъ, какого рода учредить правленіе. Перебирая разные роды правленій въ Италіи и Греціи, не находили ни одного прочнаго и приличнаго по состоянію Римлянъ. Въ слѣдствіе сего Ромулъ не принялъ на себя власти Самодержавнаго Государя, но допустилъ къ участію въ правленіи, и знатнѣйшихъ

гражданъ, и всѣхъ вообще подданныхъ, не допуская однакожъ ихъ до своевольства.

По сдѣланному тогда исчисленію нашлось три тысячи гражданъ, способныхъ носить оружіе, и триста конныхъ всадниковъ. Ромулъ, отдѣля каждую тысячу особо, назвалъ оныя трибами, и каждую трибу раздѣлилъ на десять сотенъ или курій, предоставя каждой трибѣ выбрать надъ собою трибуна или тысяченачальника, и каждой куріи куріона или сотника, причисля къ нимъ по равному числу всадниковъ, т. е. по десяти къ каждой сотнѣ. Потомъ каждой трибѣ и каждой куріи приказалъ выбрать по три человѣка изъ пожилыхъ, семейныхъ и извѣстныхъ по своей честности гражданъ и, присовокупя къ онымъ одного по собственному своему выбору, составилъ изъ сихъ ста человѣкъ пошомственное дворянское сословіе подъ надзваніемъ Патриціевъ или отцевъ; а прочихъ гражданъ всѣхъ вообще назвалъ плебеянами или простолюдинами. Но чтобъ соединить сіи два сословія общею пользою, и не допустить вкоренится ненависти съ одной и презрѣнію съ другой стороны, Ромулъ узаконилъ каждому

плебеянину избрать себѣ изъ Патриціевъ одного Патрона или покровителя, которой обязанъ былъ закономъ защищать своихъ Кліентовъ отъ всякихъ притѣсненій, разбирать ихъ ссоры, помогать добрыми совѣтами и ходатайствовать за нихъ во всякихъ тяжбахъ и судахъ. Кліенты въ замѣну того обязаны были помогать недостаточному Патрону въ содержаніи; давать приданое дочерямъ его, выкупать изъ плѣну, когда бы случилось Патрону такое нещастіе, и даже подавать голосъ въ рѣшеніи народныхъ дѣлъ согласно съ мнѣніемъ Патрона.

Такая связь была очень сильна между дворянствомъ и народомъ. Первое старалось имѣть болѣе Кліентовъ, что бы въ случаѣ надобности имѣть въ нихъ надежную подпору; послѣдній же старался ввѣрить себя такимъ Патриціямъ, которые могли быть истинными покровителями. Отъ сего Патриціи пріучались любить и защищать Плебеянъ, а сіи привыкали почитать Патриціевъ, какъ истинныхъ защитниковъ и благодѣтелей своихъ.

Изъ пожалованныхъ въ Патриціи ста гражданъ Ромулъ учредилъ совѣтъ

старѣйшинъ или Сенатъ, которому поручилъ наблюденіе законовъ, рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ, изложеніе сужденій, отсылаемыхъ въ народное собраніе. Право рѣшенія хотя предоставлено было народу, но оное не имѣло силы безъ утвержденія Сената. Прочіе суды и должности учреждены были сообразно тогдашнему времени и народнымъ обычаямъ. Собственно же себѣ или Царской власти предоставилъ Ромулъ главное начальство надъ войсками, созывъ Сената и народнаго собранія, опредѣленіе войны или мира, рѣшеніе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и титло Первосвященника.

Такимъ образомъ Ромулъ, удѣля большую часть внутренняго правленія Сенату и народу, главнѣйшую власть оставилъ въ своихъ рукахъ, и могъ управлять даже народными голосами. Къ наружному величеству Царской власти опредѣлилъ къ особѣ своей 12 ликторовъ или приставовъ, которые должны были ходить предъ Государемъ съ орудіями наказанія за преступленіе, т. е. съ пуками розгъ и съ воткнутыми въ средину оныхъ топорами; сверьхъ того учредилъ охранительную стражу изъ трехъ сотъ всадниковъ.

Земли также раздѣлены были Ромуломъ на три неровныя части, изъ коихъ одна обрабатывалась на содержаніе Государя и государственной потребности; другая часть на содержаніе священства, а третія самая большая раздѣлена была народу на ровные участки такъ, что каждому жителю досталось земли около двухъ десятинъ. Военная служба и земледѣліе предпочтены были предъ всѣми другими занятіями, и одни земледѣльцы имѣли право записываться въ службу на защиту отечества. Сіе учрежденіе было причиною, что Римляне въ продолженіе пяти столѣтій пренебрегали торговлею, рукодѣліями и другими полезными или прибыточными занятіями, уважая только войну и земледѣліе.

Ромулъ для умноженія народа позволилъ селится въ Римѣ всѣмъ выходцамъ изъ сосѣднихъ владѣній и даже бѣглецамъ и преступникамъ, принимая ихъ въ число гражданъ. Сія мѣра, дѣйствительно умножала народонаселеніе, но имѣла ту неудобность, что переселенцы, будучи по большей части люди холостые, затруднялись въ женидьбѣ; ибо сосѣди, презирая сихъ бродягъ, не соглашались вы-

давать за нихъ дочерей своихъ. Ромулъ принужденъ былъ употребить хитрость и насиліе къ пріобрѣтенію женскаго пола. Онъ учредилъ въ честь Нептуну великолѣпное празднество съ различными играми. Въ назначенный день стеклось великое множество зрителей изъ окрестныхъ городовъ и селеній съ женами и дѣтьми. Ромулъ предварилъ своихъ подданныхъ, чтобъ они на всякой случай запаслись оружіемъ, и когда данъ будетъ знакъ, то чтобъ старались хватать молодыхъ женъ и дѣвицъ для супружества. Предпріятіе удалось, и до семи сотъ жертвъ было плодомъ сего насилія. Ромулъ въ утѣшеніе похищенныхъ дѣвъ приказалъ совершить обрядъ бракосочетанія каждой пары по обычаю той земли, изъ которой невѣста была похищена; а молодые мужья ласками и снизходительнымъ обхожденіемъ постарались облегчить участь сѣтующихъ по родинѣ женъ своихъ.

Однакожъ сіе насиліе не прошло безъ послѣдствій. Отцы, мужья и родственники похищенныхъ дочерей и женъ поклялись отмстить вооруженною рукою похитителямъ. Сабиняне, народъ многочисленной и воинственной, были изъ

всѣхъ опаснѣйшими для Римлянъ непріятелями. Но медленное ихъ приготовленіе къ войнѣ было причиною, что прочіе обиженные народы, неожидая ихъ, одни напали на Римлянъ. Ромулъ побѣдилъ ихъ одного за другимъ, и какъ цѣль военныхъ дѣйствій его состояла въ умноженіи подданныхъ, то онъ позволилъ всѣмъ покореннымъ народамъ селится въ Римѣ, предоставя имъ право гражданства; также и часть Римскихъ гражданъ переселилъ въ покоренные города. Такимъ образомъ, вмѣсто бѣдствій отъ войны, онъ умножилъ число подданныхъ и могущество свое.

Наконецъ и Сабиняне, въ числѣ двадцати тысячь, подъ начальствомъ Царя своего Тація напали на Римлянъ. Ромулъ, усилясь прошедшими побѣдами, могъ уже противится непріятелю; однако же, по долгомъ и упорномъ наступленіи, Сабиняне ворвались въ Римъ, и могли бы разрушить его, естьли бы похищенныя Сабинянки, привыкнувъ уже къ новымъ мужьямъ своимъ, не бросились въ ряды сражающихся и слезами и прозьбами своими не заставили положить оружія. Слѣдствіемъ сего примиренія было, что Римляне и Сабиняне соединились въ одинъ

Библ... ...ского
... 4530

народъ и учредили одно общее правленіе. Сабинскій Царь Таціи долженъ былъ царствовать вмѣстѣ съ Ромуломъ, и сто знатнѣйшихъ Сабинскихъ гражданъ удвоили число Римскихъ Сенаторовъ. Пять лѣтъ продолжалось сіе общее правленіе, а на шестой годъ Таціи погибъ на одномъ сраженіи, и Ромулъ остался Государемъ надъ обоими народами.

Безпрестанныя побѣды надъ непріятелями доставили Ромулу подъ конецъ тридцати осьми лѣтняго царствованія его до 47 тысячь гражданъ, способныхъ носить оружіе, въ томъ числѣ до тысячи конницы. Въ продолженіе сего времени Ромулу не понравилась усилившаяся власть Сената; ему хотѣлось самому быть нестѣсненнымъ въ волѣ самодержавнымъ Государемъ. Сенаторы проникли въ намѣренія его и, предупреждая замышляемой Ромуломъ перевороть, самаго его умертвили въ Сенатѣ, разглася въ народѣ, что Царь волею боговъ похищенъ на небо.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе жизни и свойствъ сего Государя, но нельзя не замѣтить, что учрежденный имъ въ Римѣ образъ правленія могъ почитаться превосходнѣйшимъ изъ

всѣхъ бывшихъ въ древности смѣшанныхъ правленій. И какъ Римъ подобно Спартѣ былъ городомъ военнымъ, то сравнивая Ромула съ Ликургомъ, можно отдать преимущество Италіянскому законодателю передъ Греческимъ. Не говоря о томъ, что изобрѣтенный Ромуломъ образъ правленія ближе подходилъ къ Природѣ человѣческой и не внушалъ презрѣнія къ другимъ народамъ, Ромулъ превзошелъ Ликурга и въ данныхъ подданнымъ своимъ занятіяхъ. Ликургъ, отнявъ у согражданъ своихъ всякую работу, кромѣ военной, учредилъ для разогнанія скуки безполезныя въ свое время и вредныя въ послѣдствіи общества для напрасныхъ пересудовъ; Ромулъ напротивъ того, поставя земледѣліе въ число благороднѣйшихъ занятій, изгналъ изъ города праздность, и приучилъ буйныхъ подданныхъ своихъ къ полезнѣйшей и, можно сказать, самой невиннѣйшей работѣ, которая гораздо лучше, нежели собранія, приучала Римлянъ къ справедливымъ понятіямъ.

2. Нума Помпилій.

По смерти Ромула около года продолжалось междуцарствіе, въ продолже-

ніе коего Сенаторы занимали по очереди должность Царя по пяти дней каждой. Наконецъ народъ, соскучась быть подъ управленіемъ пятидневныхъ Царей, настоятельно требовалъ избранія безсмѣннаго Государя; но Сенаторы не могли согласится между собою, кому предоставить честь сію. Римляне, какъ первые основатели города, хотѣли избрать Царя изъ своего сословія; но Сабиняне, имѣя равное право гражданства, доказывали, что справедливость требуетъ заступить мѣсто Ромула Сабинскому Царю. Наконецъ по долгомъ преніи согласились предоставить Римлянамъ право избранія Царя съ тѣмъ только, чтобъ Царь сей избранъ былъ изъ Сабинскаго племени. Выборъ палъ на зятя Таціева Нуму Помпилія, котораго Римскіе Сенаторы избрали Царемъ въ той надеждѣ, что онъ по добродушію и безпристрастію своему непокусится на уничтоженіе правъ Сената, въ чемъ и не обманулись.

Сей добродѣтельный мужъ, по тихому нраву своему отказавшійся отъ всѣхъ государственныхъ должностей, проживалъ въ городѣ Курахъ, занимаясь домашнимъ хозяйствомъ, любомудріемъ и

примиреніемъ гражданъ, когда они при взаимныхъ ссорахъ приходили къ нему спрашивать совѣта, или предоставляли споръ на его рѣшеніе. Честность его столько была всѣмъ извѣстна, что коль скоро объявили имя его, то всѣ единодушно, и Римляне и Сабиняне, утвердили сіе избраніе. Но не такъ легко было согласить Философа къ принятію на себя тяжкаго бремени управлять людьми. Когда прибыли Послы къ Нумѣ отъ Римскаго Сената съ объявленіемъ о избраніи его въ Царское достоинство, то онъ долго отговаривался отъ сей несвойственной характеру его должности; однакожь, почитая себя не въ правѣ противится общему желанію народа и волѣ боговъ, принужденъ былъ оставить мирное уединеніе и посвятить себя на службу для благоденствія людей.

Нума вошелъ на Престолъ, будучи сорока лѣтъ отъ рожденія. Онъ вскорѣ увидѣлъ, что подданные его, собранные побѣдами изъ разныхъ племянъ, не были соединены между собою ни какими кровными узами, и отличались какъ нравомъ, такъ и самою вѣрою. По сему онъ счелъ необходимо нужнымъ направить мысли народа къ однимъ общимъ

понятіямъ. Вѣра и чувство справедливости казались ему надежнѣйшимъ средствомъ къ смягченію грубости тогдашнихъ нравовъ. Онъ внушилъ Римлянамъ благоговѣніе къ Высочайшему невидимому Существу, которое назидаетъ за поведеніемъ людей и наказываетъ ихъ за преступленія; но зная, что не возможно приучить людей къ истинному богопочитанію безъ храмовъ и наружныхъ обрядовъ, построилъ для сего многіе храмы; соорудилъ олтарь вѣрности, предъ которымъ клялись выполнять обѣщанія, и установилъ празднество термину, которое совершалось ежегодно на межахъ полей и на предѣлахъ государства въ томъ предположеніи, чтобъ не было споровъ между частными владѣльцами земель и сосѣдними народами. Учредилъ также по приличію праздничные или неприсудственные дни и разные торжественные обряды, придерживаясь однакожь древнихъ обычаевъ. Образъ богослуженія и введенныхъ въ обычай гаданій привелъ въ надлежащій порядокъ. Жрецовъ и гадателей раздѣлилъ на разныя степени, подчинилъ ихъ непремѣннымъ правиламъ и закону, и надъ всѣми типло верховнаго Первосвященника оставилъ по прежъ-

нему Царю, какъ отцу народа и главному начальнику правленія. Особливо приписываютъ Нумѣ возстановленіе Весталь-скаго чина съ великими для сихъ священныхъ дѣвъ привилегіями и мѣрою наказанія (*).

(*) Весталки, столь знаменитыя въ древности, избирались къ служенію и храненію священнаго неугасаемаго огня въ храмѣ богини Весты. Они принимались въ сіе званіе изъ дѣтей отъ 6 до 10 лѣтъ отъ роду, и въ продолженіе тридцатилѣтней службы обязаны были хранить дѣвство. Первые 10 лѣтъ они были подъ искусомъ и наставленіемъ, вторые въ дѣйствительной службѣ, а въ послѣдніе сами были наставницами вновь посвященныхъ. Великое къ нимъ уваженіе и многія преимущества сколько дѣлали чинъ сей лестнымъ, а не менѣе того и опаснымъ по строгости наказанія за нарушеніе обѣта. Одно слово Весталки принималось за неложное свидѣтельство; когда она шла по городу, то Ликторы сопровождали ее, и естьли нечаянно встрѣчался съ нею преступникъ, то избавлялся отъ наказанія, какое бы ни было преступленіе его. Столь велико было почтеніе Римлянъ къ чину Весталокъ! Но естьли которая изъ нихъ изобличалась въ нарушеніи обѣта, то сіе преступленіе почиталось нещастіемъ всего государства. Законъ непозволялъ налагать рукъ на священную дѣву преступницу, непозволялъ и уморить ее съ голоду. Въ

Къ симъ благочестивымъ обрядамъ присовокупилъ Нума и гражданскіе законы, отличающіяся своею справедливостію. Онъ ограничилъ права родителей надъ дѣтьми своими, запретивъ продавать женатыхъ сыновей доказывая, что женщина, вышедшая за мужъ за человѣка свободнаго состоянія, не должна быть рабою по прихоти свекра, или жить съ мужемъ, проданнымъ въ неволю. Земледѣліе и нужныя рукодѣлія неостались также безъ вниманія миролюбиваго законодателя. Пріобрѣтенныя Ромуломъ земли Нума раздѣлилъ народу, завелъ въ разныхъ мѣстахъ селенія, и опредѣлилъ особыхъ надзирателей для одобренія трудолюбія и наказанія лѣности.

Будучи врагомъ всякой брани и насилія, Нума учредилъ Фециаловъ, на которыхъ возложено было разсматривать

слѣдствіе чего она должна была оставить міръ, ее обольстившій. Самъ верховный Первосвященникъ произносилъ приговоръ и накидывалъ на нее черное покрывало. Потомъ со всею печальною церемоніею провожалъ ее до приготовленной могилы или подземелья, въ которое она сходила по лѣстницѣ съ небольшимъ запасомъ пищи, и зарывалась землею.

причины войны и наблюдать мирныя условія. Когда они признавали по всей справедливости войну необходимою, то подойдя къ владѣніямъ непріятельскимъ бросали за границу копье въ знакъ объявленія войны, свидѣтельствуясь небомъ въ справедливости сего объявленія.

Оставалось еще въ городѣ сѣмя раздора отъ народной ненависти между Римлянами и Сабинянами. Нума соединя ихъ въ однѣ цѣхи по роду занятій и чрезъ то, обратя вниманіе ихъ къ соревнованію въ промыслахъ своихъ, уничтожилъ причину къ родовому мѣстничеству. Повѣствуютъ даже, что Нума исправилъ, сколько умѣлъ, и самое лѣтосчисленіе, раздѣливъ годъ на 12 лунныхъ мѣсяцовъ съ прибавочными високосными днями. Въ его время Греки не имѣли еще столь яснаго понятія объ Астрономіи.

Въ доказательство благоразумнаго и миролюбиваго Царствованія Нумы Помпилія поставить можно, что сей Государь, не смотря на безпокойный нравъ своихъ подданныхъ и сосѣднихъ народовъ, не имѣлъ ни съ кѣмъ войны во все продолженіе 43 лѣтняго царствованія своего. Онъ при возшествіи на престолъ затворилъ храмъ Янусовъ и до самой

смерти не растворялъ его (*). Нума скончался на 83 годѣ отъ рожденія. Ему приписываютъ сочиненіе 24 книгъ о Религіи на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, которые по завѣщанію его погребены были въ каменномъ ковчегѣ подлѣ его тѣла. Разсказываютъ, что книги сіи по прошествіи 400 лѣтъ были вынуты и сожжены по опредѣленію Сената, которой изъ почтенія къ Нумѣ не захотѣлъ обнаружить не большихъ по тогдашнему времени дарованій сочинителя, или опасаясь, чтобъ не ввести новыхъ толковъ въ измѣнившемся богопочитаніи.

3. Туллъ Гостилій.

На мѣсто Нумы Сенатъ избралъ Царемъ Тулла Гостилія, богатаго Римска-

(*) Янусъ, богъ или Царь глубокой древности, почитался въ Италіи учредителемъ гражданскихъ обществъ. Ему сооруженъ былъ храмъ въ Римѣ, которой во время войны былъ отворенъ и запирался во время мира. Отъ смерти Нумы до Р. Х. въ продолженіе болѣе 650 лѣтъ сей храмъ затворялся только два раза: въ первой разъ, и то не надолго, послѣ первой Пунической войны, а въ другой разъ въ царствованіе Августа предъ Рождествомъ Спасителя.

го Патриція, которой, желая войти въ любовь у народа, раздѣлилъ бѣднымъ казенныя поля, которыя воздѣлывались прежде на содержаніе Государя; такъ же приобщилъ къ Риму одинъ холмъ для заселенія тѣмъ жителямъ, которые не имѣли своихъ домовъ и проживали въ наемныхъ квартерахъ. Сими двумя дѣлами ограничились учрежденія Тулла Гостилія по части внутренняго управленія; ибо онъ, по склонности къ завоеваніямъ, главнѣйшее вниманіе свое обращалъ на военныя дѣйствія.

Намъ не нужно входить въ подробныя описанія малозначущихъ сраженій; довольно замѣтить, что въ продолженіе 32 лѣтняго царствованія сего Государя важнѣйшая война была съ Албанцами, древними предками Ромуловыми. Алба, завидуя возрастающей силѣ Рима, хотѣла ограничить могущество его. Римъ такъ же не могъ смотрѣть равнодушно на сильнаго сосѣда. Но жители, того и другаго города, почитая себя единокровными, неохотно принимались за оружіе предполагая, что возникшіе споры рѣшатся переговорами. Когда же надежда на успѣхъ переговоровъ изчезла, то выступили въ полѣ и построились къ бит-

вѣ. Но и здѣсь союзъ родства и крови одержалъ побѣду надъ порывами страстей. Албанскій Князь предложилъ Римскому Государю кончить брань битвою равнаго числа воиновъ, выбранныхъ изъ обоихъ армій. Туллъ Гостилій согласился на предложеніе, и выбралъ изъ своей арміи трехъ братьевъ Горацієвъ; Албанцы выставили противъ ихъ такъ же трехъ братьевъ по имени Куріацієвъ. Соглашенось, которая сторона будетъ побѣжденною, той армія должна безусловно предатся на волю побѣдительной. Римляне описали сіе произшествіе со всемъ искуствомъ и вымыслами, но мы замѣтимъ одну военную хитрость.

По долгомъ противоборствѣ съ обоихъ сторонъ двое изъ Горацієвъ были убиты, а изъ Куріацієвъ всѣ трое ранены. Послѣдній, оставшійся въ живыхъ Горацій, видя на себя совокупное нападеніе трехъ братьевъ, пустился бѣжать. Куріаціи погнались за нимъ; но какъ они не всѣ равно были ранены, то и отстали одинъ отъ другаго. Горацій, коль скоро увидѣлъ ихъ отдѣлившимися на довольное разстояніе, тотчасъ оборотился назадъ и, недавъ имъ времени соединится, убилъ одного за другимъ и,

снявъ по обыкновенію со всѣхъ верьхнее платье, провозгласилъ Римлянъ побѣдителями.

Въ слѣдствіе сей побѣды и по возникшему заговору городъ Алба былъ разрушенъ, жители переселены въ Римъ и размѣщены по гильдіямъ; а знатнѣйшіе поступили въ число Патриціевъ и приняты въ Сенатъ на убылыя мѣста. Пѣшая армія также размѣщена по Римскимъ легіонамъ, а конная умножила число всадниковъ. Такимъ образомъ Алба, существовавшая около пяти сотъ лѣтъ, утратила на землѣ имя свое и должна была слиться въ составъ возрастающаго Рима.

Повѣсть о Горацiѣ Римскіе историки не кончили на полѣ битвы. Они представили его въ торжествѣ возвратившагося въ отечество, и въ тотъ же день обагрившаго руки кровію сестры своей. Камилла страстно любила одного изъ Куратіевъ и, будучи обручена за него, подарила ему верьхнее платье своего рукодѣлія. Увидя въ числѣ трофеевъ у брата сіе платье и узнавъ о смерти жениха своего, она начала плакать, тужить и даже упрѣкать брата въ жестокости. Такія чувствованія прости-

тельны дѣвицѣ, но огорченный братъ, почитая ихъ малодушіемъ, выхватилъ мечь и пронзилъ сестру свою.

Сенатъ Римской, уважая заслуги Горація, не могъ однако же проспить ему преступленія въ нарушеніи закона. Онъ осудилъ его на смерть, какъ убійцу сестры своей, и отослалъ приговоръ на утвержденіе народнаго собранія, которое за оказанную отечеству услугу избавило Горація отъ смерти; но чтобъ и преступленіе не оставалось безъ наказанія, осудило виновнаго пройти съ накрытою головою подъ яремъ или висѣлицу.

Безпрестанная брань Тулла Гостилія съ сосѣдними народами, даже съ Латинами и Сабинами, произвела подъ конецъ царствованія его вредныя послѣдствія. Поля Римскихъ воиновъ оставались не вспаханными, или хлѣбъ истребленъ непріятелемъ. Въ слѣдствіе сего оказался въ городѣ всеобщій голодъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась моровая язва со всѣми своими ужасами. Государь, въ щастіи не уважающій святыни, сдѣлался малодушенъ и суевѣренъ. Народъ бросился въ храмы, но ни что не помогало; ибо знать Бога только въ нещастіи по-

хоже на то, что не знать его. Наконецъ сильная гроза прекратила царствованіе Тулла Гостилія. Разсказываютъ, что молнія упала на дворецъ, зажгла его, и больной Государь сгорѣлъ въ пожарѣ.

4. Анкъ Марцій.

Анкъ Марцій, внукъ Нумы Помпилія отъ дочери, избранъ былъ Царемъ на мѣсто Тулла Гостилія. Новый Государь пошелъ въ правленіи по слѣдамъ дѣда своего. Онъ возобновилъ ослабѣвшее при Туллѣ Богопочитаніе; но сосѣдніе народы сочли набожность его слабостію, особливо Латины начали чинить набѣги на Римскія земли. Надлежало отразить непріятелей силою оружія — и Анкъ Марцій вскорѣ доказалъ непріятелямъ своимъ, что набожность его не была слѣдствіемъ робости или малодушія. Римляне одержали многія побѣды надъ Латинами, разрушили ихъ города, и большую часть жителей перевели въ Римъ.

Между сими военными занятіями Государь болѣе всего заботился о внутреннемъ благосостояніи своего государства. Прошедшій голодъ далъ почув-

ствовать надобность въ привозѣ хлѣба изъ чужихъ земель; но Римляне, пренебрегая торговлею, не имѣли на устьѣ Тибра безопасной пристани, въ которую могли бы приставать корабли изъ средиземнаго моря. Анкъ Марцій построилъ на взморьѣ, за 25 верстъ отъ Рима, безопасную пристань, и по близости заложилъ городъ Остію, предполагая въ ономъ сдѣлать общую складку товаровъ. Для умноженія же сего новаго источника богатства Римскаго и народной промышленности позволилъ селится въ Римѣ и въ Остіи чужестранцамъ, изъ коихъ обратилъ на себя особенное вниманіе Лукумонъ, богатый и знатный гражданинъ изъ города Тарквинія, принявшій на себя прозваніе по имени города.

Отецъ его Демаратъ почитался въ числѣ первыхъ гражданъ Коринфскихъ. Смутныя обстоятельства, по случаю захваченнаго Кипселомъ въ свои руки правленія, заставили Демарата со всемъ имуществомъ своимъ удалится въ Италію. Онъ поселился съ семействомъ въ упомянутомъ городѣ Тарквиніи и нажилъ торговлею великое имѣніе. Сынъ его Лукумонъ или Тарквиній женился на Та-

наквилѣ, дочери изъ первой въ городѣ фамиліи. Сія честолюбивая женщина присовѣтовала мужу своему переселится въ Римъ, гдѣ богатство и личныя достоинства его могли доставить ему случай дослужится до первыхъ чиновъ въ Государствѣ.

Въ семъ намѣреніи Тарквиній прибылъ въ Римъ съ супругою своею. Желая обратить на себя вниманіе Государя онъ предложилъ имѣніе свое на государственныя потребности. Анкъ Марцій имѣлъ слабость принять сіе пожертвованіе и употребилъ Тарквинія къ государственнымъ должностямъ. Вскорѣ пріѣзжій чужестранецъ показалъ себя достойнымъ довѣренности Государевой. Всякое порученіе исполнялъ онъ съ удивительнымъ искуствомъ и благоразумiемъ, и за то не только былъ удостоенъ званіемъ Патриція и Сенатора, но даже Государь при смерти сдѣлалъ Тарквинія опекуномъ дѣтей своихъ, изъ коихъ старшему было уже 14 лѣтъ.

Коль скоро Анкъ Марцій скончался по 24 лѣтнемъ царствованіи, то Тарквиній, по собственному ли честолюбію или по настоянію Танаквилы, началъ замышлять о завладѣніи Престоломъ. Онъ давно уже

снискалъ щедростію и ласковымъ обхожденіемъ благорасположеніе къ себѣ народа; должность же опекуна наслѣдниковъ Пресшола давала ему большую силу въ Сенатѣ. Но дѣти покойнаго Государя были уже на возрастѣ, и правосудное царствованіе родителя увеличивало ихъ право на Царское титло. По сему Тарквиній, не допуская усилиться Царской партіи, тотчасъ приступилъ къ дѣлу. Онъ подъ предлогомъ звѣринной охоты удалилъ Царевичей изъ города, а самъ, явясь на площадь, произнесъ къ народу рѣчь о избраніи Царя, выяснивъ въ оной искуснымъ образомъ всѣ труды и пожертвованія свои въ пользу народа. Между тѣмъ подобранная имъ партія довершила остальное, и народъ, не привыкнувшій еще тогда къ хитростямъ честолюбцевъ, единодушно избралъ Тарквинія Царемъ своимъ.

5. *Тарквиній старшій.*

Такимъ образомъ Тарквиній былъ первымъ изъ Римскихъ Царей, вошедшихъ на Престолъ искательствомъ и хитростію. Онъ, желая наградить свою партію и посредствомъ оной прочнѣе

утвердиться на Престолѣ, произвелъ сто новыхъ Сенаторовъ изъ отличныхъ плебеянъ, съ которыми сіе знаменитое сословіе составилось уже изъ трехъ сотъ мужей; также число четырехъ Весталокъ умножилъ еще двумя дѣвицами. Впрочемъ 38 лѣтнее царствованіе Тарквинія, исключая первый поступокъ его въ похищеніи власти, было правосудно и щастливо для Римлянъ. Онъ укротилъ возмутившихся сосѣдей, и многими надъ ними побѣдами увеличилъ Римскія владѣнія. Будучи Коринфской урожденецъ, онъ украсилъ Римъ многими произведеніями Греческой архитектуры, изъ коихъ нѣкоторые послужили къ повреждению народныхъ нравовъ, а другіе къ дѣйствительной пользѣ. Къ числу послѣднихъ можно отнести водопроводные каналы и трубы для стока не чистотъ, которые прочностію и отдѣлкою приводили позднѣйшихъ потомковъ въ удивленіе. Ему же приписываютъ уравненіе Тарпейской горы для закладки Капитолія; но смерть воспрепятствовала ему довершить сіе предпріятіе.

Удаленные отъ Престола дѣти Анка Марція равнодушно подвергались жребію своему и непрепятствовали Тарквинію

наслаждаться плодами похищенной власти, доколѣ онъ беспристрастно управлялъ Государствомъ. Но когда Тарквиній началъ тщеславится состояніемъ своимъ, началъ носить по примѣру Лидійскихъ Царей золотую корону, сдѣлалъ себѣ тронъ изъ слоновой кости, скипетръ съ орломъ и порфиру; когда сей Государь, неудовольствуясь спокойнымъ царствованіемъ, вознамѣрился оставить оное въ наслѣдство зятю своему, тогда законные наслѣдники, лишась послѣдней надежды на царствованіе, учинили заговоръ на жизнь бывшаго опекуна своего; подослали къ нему убійцъ, которые подъ видомъ ссорящихся между собою поселянъ дошли до самаго Тарквинія, и когда одинъ началъ разсказывать дѣло и чрезъ то обратилъ на себя вниманіе Тарквинія, въ то время другой нанесъ ударъ топоромъ, и тотчасъ оба скрылись, однако жь ихъ схватили и предали казни.

Слухъ о смерти Тарквиніевой вскорѣ разнесся по городу и произвелъ различныя мысли и чувствованія. Одни жалѣли о потерѣ умнаго Государя, другіе порочили въ немъ хитрый нравъ и безполезную роскошь, иные сами надѣялись заступить его мѣсто; но всѣ вообще

хотѣли знать, справедлива ли разнесшаяся молва, и въ семъ желаніи толпою сбѣжались ко дворцу узнать истину. Хитрая Царица заперлась въ чертогахъ своихъ, выславъ объявить народу, что Тарквиній еще живъ и есть надежда на выздоровленіе его; но когда смятеніе неуменьшалось и народъ не разходился, то Танаквила сама выглянула въ окно и повторила прежде сказанное; въ слѣдъ за тѣмъ послала зятя своего Сервія Туллія объявить Сенату и народу, что Государь за болезнію своею возложилъ на него исправленіе дѣлъ, что и продолжалось нѣсколько дней; и когда Сервій довольно уже утвердился, тогда объявили о смерти Тарквинія.

6. Сервій Туллій.

Сервій Туллій вступилъ сначала въ управленіе Государствомъ подъ именемъ опекуна малолѣтныхъ внучатъ, осставшихся отъ сына Тарквиніева. Онъ не былъ утвержденъ ни Сенатомъ, ни народомъ въ достоинствѣ Царя, и даже Сенаторы явно негодовали за нарушеніе закона и за насильное похищеніе власти безъ согласія Сенатскаго и народнаго.

Сервій, увѣдомясь о ропотѣ Сенаторовъ, созвалъ народное собраніе, представилъ внучатъ Тарквиніевыхъ, просилъ собраніе быть покровителемъ беззащитныхъ сиротъ, и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ своимъ довелъ слушателей до того, что они утвердили Сервія въ достоинствѣ Царя; однакожъ Сенатъ не подтвердилъ сего избранія, противнаго правамъ своимъ, и Сервій царствовалъ 40 лѣтъ безъ утвержденія Сенатскаго. Онъ былъ родомъ Латинецъ, родившійся отъ плѣнницы, взятой ко двору Тарквинія, и по личнымъ достоинствамъ заслужилъ руку и сердце дочери его. Впрочемъ надобно думать, что Сервій похитилъ Царскую власть не столько по личному желанію, сколько по приказанію и въ угожденіе тещѣ своей Танаквилѣ; ибо все послѣдующее поведеніе его въ достоинствѣ Царя доказываетъ, что онъ былъ безпристрастенъ къ самому себѣ и пріобрѣтенную власть употребилъ единственно для блага народнаго.

Когда слухъ о смерти Тарквиніевой распространился за предѣлы Государства, то сосѣдніе народы, завидуя всегда могуществу Римлянъ и надѣясь въ междуцарствіе пріобрѣсть какія нибудь выго-

ды, принялись за оружіе. Сервій въ продолженіе двадцати лѣтъ одержалъ надъ непріятелями многія побѣды, и принудилъ наконецъ ихъ уступить еще нѣсколько земель и увеличить число своихъ подданныхъ. Но между сими военными занятіями всѣ мысли его обращены были на внутреннее благосостояніе Государства.

Сервій замѣтя, что многіе граждане не имѣли своихъ домовъ, а другіе работали изъ найму на чужихъ земляхъ, рѣшился облегчить участь сихъ неимущихъ. Онъ пріобщилъ, къ состоящимъ уже подъ городомъ пяти холмамъ, еще два холма и роздалъ мѣста для застройки тѣмъ жителямъ, которые своихъ домовъ неимѣли; такъ же большую часть пустопорожнихъ земель роздалъ бѣднымъ гражданамъ. Сею милостію, пріобрѣвъ любовь народную, могъ уже онъ располагатся на дальнѣйшія предпріятія.

Два главные источника народныхъ бѣдствій особенно обратили на себя вниманіе Сервія. Первый, дарованное Ромуломъ право народному собранію хотя было полезно при начальномъ учрежденіи; но въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ съ непомѣрнымъ размноженіемъ граж-

данъ право сіе сдѣлалось вредно и для самаго народа. Хотя Римляне неимѣли еще тогда того нещастія, чтобъ быть орудіемъ или отголосками часто подкупленныхъ ораторовъ; на своевольство или безразсудность народныхъ собраній противилась почти всегда зрѣло обдуманнымъ распоряженіямъ Сената, и чрезъ то, останавливая ходъ законнаго теченія дѣлъ, не могло однакожъ остановить хитрыхъ и вредныхъ замысловъ властолюбивыхъ умовъ.

Другое бѣдствіе состояло въ томъ, что государственныя повинности современи Ромула разлагались поголовно и равномѣрно на каждаго. Такая раскладка налоговъ при Ромулѣ была не тягостна, ибо тогда не было еще отличнаго неравенства состояній. Но время измѣнило сіи состоянія. Многіе роды пріобрѣли значительное богатство, другіе упали въ убожество, и къ большему еще раззоренію должны были нести всѣ тягости на ровнѣ съ богатыми. Столь несообразные съ тогдашнимъ состояніемъ гражданъ налоги занимали Сервія еще болѣе, нежели часто неумѣстное народное своевольство. Но въ первомъ случаѣ трудно было согласить народъ отказать-

ся отъ правъ своихъ; а во второмъ не легко принудить богатыхъ къ добровольному принятію на себя налоговъ за бѣдныхъ гражданъ. Сенатъ, увидя благоразумныя намѣренія Сервія, забылъ прежнюю къ нему ненависть и прилѣпился къ Государю со всею искренностію такого сословія, которое любитъ благо своего отечества.

Сервій въ семъ затруднительномъ для исполненія, но полезномъ для Государства предпріятіи, оказалъ удивительное по тогдашнему времени благоразуміе. Онъ созвалъ народное собраніе, показалъ, сколько имущества гражданъ со времени Ромула измѣнились, и сколь не справедливо бѣдному или обременѣнному семействомъ, едва снискивающему дневное пропитаніе, нести ровную тягость съ богатыми на службѣ отечеству; и потому предложилъ распредѣлить государственные налоги не почислу гражданъ равномѣрно на каждаго, но по числу нажитаго ими имущества. Народъ съ радостію принялъ сіе предложеніе, и далъ Сервію полную волю распредѣлить государственныя повинности по его благоизволенію.

Послѣ сего Сервій сдѣлалъ перепись

народу съ означеніемъ у каждаго семейства и капитала его. По сей переписи нашлось всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, кромѣ женъ, дѣтей и престарѣлыхъ, съ прибавкомъ 80 тысячь душъ. Сервій раздѣлилъ ихъ по числу капиталовъ на шесть статей. Въ первую статью помѣстилъ Сенаторовъ, Патриціевъ и всѣхъ капиталистовъ, которыхъ имѣніе стоило ста тысячь ассовъ; во вторую статью помѣстилъ тѣхъ, кто имѣлъ 75 тысячь ассовъ; въ третью съ капиталомъ въ 50 тысячь, въ четвертую съ капиталомъ въ 25 тысячь, въ пятую съ капиталомъ 12,500 ассовъ (*); а въ шестую и послѣднюю статью помѣстилъ всѣхъ бѣдныхъ и семейныхъ гражданъ. Потомъ каждую изъ сихъ статей раздѣлилъ на центуріи не по числу душъ, но по мѣрѣ объявленнаго капитала такъ, что изъ первой статьи составилъ 80 центурій, да къ

(*) Въ ассѣ полагали около половины Греческаго обола. Слѣдовательно первостатейные Римляне шестаго вѣка до Р. Х. должны были имѣть капитала, ассигнаціями по нынѣшнему курсу 5000 рублей. второстатейные 3750, третей статьи 2500, четвертой 1250, а пятой 625 рублей.

онымъ приключилъ 18 центурій всадниковъ. Изъ второй, третей и четвертой статьи составилъ по 20 центурій, изъ пятой 30, и сверьхъ того изъ сихъ же статей отдѣлилъ особо 4 центуріи для перевоски тяжестей, наводки мостовъ и разчистки дорогъ во время военныхъ дѣйствій. Наконецъ самое большее число бѣдныхъ гражданъ шестой статьи помѣстилъ въ одну центурію; а всего вышло изъ шести статей 193 центуріи.

По числу сихъ центурій разложены были и государственныя повинности, которыя въ существѣ своемъ отличались отъ налоговъ послѣдующихъ временъ; ибо тогда войски несоставляли отдѣльнаго отъ гражданъ корпуса, не получали изъ казны ни оружія, ни аммуниціи, ни продовольствія, ни окладнаго жалованья; но должны были служить на всемъ своемъ содержаніи. По сему первая статья выставляла въ полѣ 40 центурій войскъ полнаго, тяжелаго вооруженія; а другія 40 центурій должны были охранять городъ, и составляли вообще внутреннюю стражу. Вторая, третья и четвертая статьи выставляли въ полѣ полное число по 20 центурій съ тою только розницею, что вооруженіе у

каждой статьи постепенно убавлялось такъ, что пятая статья выставляла въ полѣ свои 30 центурій однихъ пращниковъ съ каменьями безъ всякаго оружія. Наконецъ шестая статья освобождена была отъ всѣхъ повинностей, не ходила въ полѣ, не платила подати, и то самое, что рѣдко бываетъ въ сужденіи, т. е. отъ бѣднаго воспитаніе собственныхъ его дѣтей принято вмѣсто подати. А чтобъ время, по измѣненію капиталовъ, не могло сдѣлать сей раскладки несоотвѣтственною настоящему состоянію гражданъ, Сервій опредѣлилъ чрезъ каждые пять лѣтъ дѣлать новую перепись народу съ новымъ объявленіемъ капиталовъ и съ перемѣщеніемъ гражданъ, соотвѣтственно состоянію, изъ одной статьи въ другую.

Вмѣстѣ съ симъ распредѣленіемъ государственныхъ повинностей Сервій постановилъ, чтобъ и право сужденія о дѣлахъ соотвѣтствовало той обязанности, какую каждая статья на себя пріемлетъ, то есть, чтобъ каждая центурія, вмѣсто поголовной подачи голосовъ, доставляла въ общее собраніе одинъ голосъ. Слѣдовательно первая статья со

всадниками имѣла 98, а послѣдняя только одинъ голосъ.

Такимъ образомъ, по сему новому распредѣленію налоговъ и подачи голосовъ, большая часть власти безъ всякаго потрясенія Государства, перешла къ Патриціямъ и капиталистамъ. Напримѣръ естьли всѣ центуріи первой статьи были одного мнѣнія, то онѣ превосходили числомъ голосовъ всѣ вообще центуріи прочихъ статей, которые оставались уже безгласными; естьли же когда и выходило разнорѣчіе въ первой статьѣ, то не трудно было дополнить число голосовъ до половины изъ прочихъ статей, чтобъ мнѣнію первой статьи принять силу закона.

Участь невольниковъ такъ же обратила на себя вниманіе сего пекущагося о благѣ подданныхъ Государя. Она была тѣмъ тягостнѣе, что не было ни какого закона о состояніи ихъ, ибо Ромулъ почти всѣхъ плѣнныхъ помѣщалъ въ число подданныхъ съ правомъ гражданства; но вѣроятно въ послѣдующія царствованія личная корысть частныхъ людей превозмогла политику основателя, и многіе Патриціи и капиталисты, плѣномъ непріятелей или покупкою, пріобрѣли

себѣ множество рабовъ, которые преданы были своенравію владѣльцовъ безъ всякаго ограниченія со стороны закона. Сервій самъ, будучи рожденъ отъ плѣнницы, живо чувствовалъ тягость сего состоянія. Ему казалось несправедливо присвоенное богатыми право, по которому рабство переходило наслѣдственно отъ отца на сына такъ, что сіи люди ни когда не могли войти въ права свои. Тронутый состояніемъ сихъ нещастныхъ, онъ издалъ узаконеніе, которымъ позволялось отпускать на волю рабовъ, вѣроятно по выслугѣ урочныхъ лѣтъ, и записывать ихъ въ число гражданъ послѣдней статьи.

Наконецъ Сабиняне и Латины, хотя присоединены были силою оружія и договорами, но врожденная ненависть ихъ къ возрастающему на порабощеніе ихъ могуществу Римлянъ часто нарушала сіи договоры. Сервій, для истребленія сей народной ненависти, соорудилъ общимъ иждивеніемъ на горѣ Авентинской храмъ Діяны, въ которомъ установилъ отправлять ежегодно общее жертвоприношеніе, и въ родѣ покаянія прекращать между собою всякія ссоры. Къ вящшему же примиренію учредилъ на время тор-

жества ярмонку, на которой Сабиняне и Латинцы, мѣняясь съ Римлянами издѣліями и продуктами, сближались и нравами.

Такимъ образомъ Сервій, употребя сорока-лѣтнее царствованіе свое на благосостояніе Государства, хотѣлъ даже ограничить и собственные права свои опасаясь, чтобъ преемники его неупотребили подобно какъ и онъ при вступленіи на Престолъ насилія, и непотребовали бы отъ всѣхъ сословій безусловнаго себѣ повиновенія. По сему онъ думалъ уничтожить пожизненную власть Царя, а вмѣсто сего предоставить Сенату избирать ежегодно двухъ правителей, дабы кратковременная служба не допускала ихъ попирать законы.

Когда Сервій занимался сими уложеніями, въ то самое время готовилось въ собственномъ его семействѣ такое злодѣяніе, которому въ исторіи мало бываетъ примѣровъ. Онъ имѣлъ отъ супруги своей, дочери старшаго Тарквинія, двухъ дочерей совершенно противоположныхъ нравовъ: одну скромную и добродѣтельную, а другую гордую и мстительную; видѣлъ такъ же и въ воспитанникахъ своихъ, внучатахъ Тарквиніевыхъ,

противныя свойства. Одинъ изъ нихъ Луцій Тарквиній былъ жестокъ, своенравенъ и гордъ, а другой Арунтъ человѣколюбивъ и скроменъ. Сервію казалось приличнѣе соединить противные характеры, чтобъ жестокость одного лица умѣрялась человѣколюбіемъ другаго; и для того добродушную дочь свою выдалъ за Луція, а своенравную за Арунта. Но вскорѣ открылось, что онъ обманулся въ разщетѣ. Луцій началъ презирать скромную супругу, а Туллія скромнаго мужа. Вскорѣ они подружились между собою и согласились сбыть съ рукъ, одинъ жену, другая мужа. Совершивъ гнусное злодѣяніе они сочетались бракомъ, чему Сервій по старости лѣтъ не могъ уже противится, ни наказать преступниковъ. Но какъ часто бываетъ, что одно злодѣяніе влечетъ за собою другое, такъ и здѣсь Туллiи показалось несносно видѣть на Престолѣ родителя своего, пекущагося не о возвышеніи собственнаго своего дома, но объ ослабленіи власти онаго. Она укоряла Тарквинія, что онъ допускаетъ раба, такъ называла отца своего, сидѣть на Престолѣ Тарквиніевомъ и быть отъ него въ зависимости. Тарквинію и самому такое

состояніе ненравилось. Онъ по внушенію супруги своей началъ подбирать себѣ партію изъ пожалованныхъ дѣдомъ его Сенаторовъ и изъ прочихъ молодыхъ людей, склонныхъ къ отчаяннымъ предпріятіямъ. Когда онъ довольно усилился, то явился съ сообщниками своими на народную площадь. Но какъ граждане, изумленные сею нечаянностію, несмѣли показатся въ собраніе, то Тарквиній вошелъ въ Сенатъ, сѣлъ на Царское мѣсто, послалъ за Сенаторами, и когда явились большею частію преданные ему сообщники, произнесъ имъ рѣчь, въ которой, называя Сервія рабомъ похитителемъ Престола, по праву наслѣдства ему принадлежащаго, старался преклонить и прочихъ Сенаторовъ на свою сторону.

Сервій, узнавъ о произшедшемъ, прибѣгаетъ въ Сенатъ, укоряетъ Тарквинія, что онъ прежде времени сѣлъ не на свое мѣсто и нарушаетъ общее спокойствіе. Тарквиній съ гордымъ видомъ повторяетъ права свои, а между тѣмъ преданные ему Сенаторы, чтобъ не дать возвыситься голосу законной стороны, ободренной присудствіемъ Государя, завели между собою шумъ. Въ то самое

время Тарквиній, воспользуясь общимъ смятеніемъ, сошелъ съ мѣста, схватилъ Сервія въ охабку и, поднеся къ дверямъ, сбросилъ съ лѣстницы. Разбитый до полусмерти осьмидесятилѣтній старецъ едва могъ подняться на ноги, и побрѣлъ къ дому своему въ сопровожденіи соболезнующихъ о нещастіи его; но только, что успѣлъ онъ своротить съ площади въ улицу, какъ посланные отъ Тарквинія сообщники настигли и убили его.

Между тѣмъ Туллія, соскучась ждать дома конца развязки, подъѣхала къ Сенату, выкликнула въ окно мужа своего и первая поздравила его Царемъ. Тарквиній, при всеобщемъ смятеніи въ Сенатѣ и на площади, приказалъ ей удалиться, и когда она въѣхала въ ту улицу, по которой шелъ отецъ ея, вдругъ кучеръ остановился. Туллія спрашиваетъ о причинѣ. Кучеръ указываетъ на лежащее впереди по срединѣ дороги тѣло Государево. Безчеловѣчная дочь понуждаетъ кучера переѣхать по непростывшему трупу родителя своего, и гордится еще тѣмъ, что имѣла случай къ злодѣянію своему присовокупить жесточайшую люпость. Можно судить изъ сего, сколь ужасна

бываетъ иногда физическая природа безъ нравственности!

7. Тарквиній гордый.

Обагренный кровію мудраго Государя Тарквиній вторый взошелъ на Престолъ, не отнесясь ни къ Сенату, ни къ народу о утвержденіи за собою власти, и остался царствовать деспотически. Своенравіе и жестокость водворились на мѣстѣ законовъ. Оградивъ себя чужестранною стражею и обласкавъ войски щедростію, Тарквиній держалъ въ ужасѣ и страхѣ прочихъ гражданъ. Сенатъ не смѣлъ подавать своихъ мнѣній потому, что окруженъ былъ шпіонами; народныя собранія были прекращены, и оставались безгласными противъ меча, готоваго поразить всякаго, кто осмѣлится выговорить хотя одно слово противъ тиранніи. Доносы и казни приняли необыкновенную дѣятельность. Всѣ тѣ, кои привержены были лично къ Сервію, или даже къ образу древняго правленія, были гонимы. Подсылали доносить на нихъ, и безъ всякаго суда и слѣдствія, исполняя только волю Тарквинія, казнили всѣхъ безъизъятія. Самое богатство

сдѣлалось преступленіемъ. Выдумывали средства къ чему нибудь придратся и овладѣть чужимъ имуществомъ.

Многіе патриціи, избѣгая смерти, скрылись въ Габію и подняли жителей на тирана. Хитрый Тарквиній подослалъ туда сына своего Секста съ наставленіемъ притворятся, показывать видъ, что онъ за приверженность свою къ древнему правленію убѣжалъ отъ отца, избѣгая гнѣва и казни его. Коварный сынъ умѣлъ исправно выполнить порученіе коварнаго отца, ибо Римляне по прямодушію своему неподозрѣвали его въ хитрости. Когда все было подготовлено, Секстъ послалъ вѣрнаго клеврета къ отцу своему испросить дальнѣйшихъ повелѣній. Тарквиній, недовѣряя посланному, повелъ его въ садъ и, сбивая палкою поднявшіяся выше другихъ головки съ маковыхъ цвѣтовъ, оппустилъ посланнаго безъ всякаго отвѣта (*). Секстъ

(*) Греческіе писатели подобной отвѣтъ приписываютъ Фризибулу, Тирану Милетскому, у котораго Періандръ Коринфской, преемникъ Кипсела, спрашивалъ въ такомъ же дѣлѣ совѣта. Есть много и другихъ случаевъ, доказывающихъ, что Римляне украшали исторію свою изъ Греческихъ источниковъ.

понялъ мысль и, истребивъ главнѣйшихъ начальниковъ, предалъ городъ опцу своему.

Тиранъ, опасаясь спокойнаго царствованія, занялъ Римлянъ безпрестанными городскими работами и войною. При немъ окончаны водопроводные каналы и стоки, начатые Тарквиніемъ старшимъ, и многія зданія, служащія украшеніемъ городу. Онъ неупускалъ изъ виду ничего, что могло служить къ ослѣпленію народа. Разсказываютъ, что однажды явилась къ нему женщина, Кумская Сивилла, и предложила купить у нее девять книгъ пророческихъ. Тарквиній, не соглашаясь заплатить столь великую сумму, какую она просила, отказалъ ей въ покупкѣ. Сивилла удалилась, сожгла три свитка и, явясь въ другой разъ, потребовала за остальные шесть прежнюю цѣну. Тарквиній прогналъ ее, какъ безумную; но Сивилла, сожегши еще три книги, объявила за послѣдніе три туже цѣну. Удивленный такою рѣшительностію Тарквиній послалъ спросить совѣта у гадателей. Авгуры объявили, что книги безцѣнны, нужно купить ихъ и хранить какъ залогъ благоволенія боговъ. Не упущено ничего къ разславленію сего случая.

Книги положены въ каменной ковчегъ, опредѣлены къ храненію ихъ два надзирателя изъ знатнѣйшихъ патриціевъ, и повелѣно содержать ихъ подъ сводами храма Юпитера Капитолійскаго, который тогда строился.

Охотникамъ до повѣстей можно разсказать здѣсь и о другомъ чудѣ, случившемся при закладкѣ Капитолія. Когда копали рвы подъ фундаментъ, нашли въ землѣ свѣжую человѣческую голову давно умершаго Толла и разгласили, что сіе предвѣщало Риму быть главою Италіи (тогда не думали еще о завоеваніи всего свѣта), и изъ словъ Капи (голова) и толла составили названіе Капитолія. Кажется, что сіи повѣсти похожи на наши древнія басни, разглашаемыя въ народѣ при литіи колоколовъ.

Такимъ образомъ Тарквиній, занимая народъ работою, войною и выдумками, спокойно собиралъ плоды жестокой политики своей. Между тѣмъ нечаянный случай готовилъ конецъ 25 лѣтнему царствованію его и перемѣну въ образѣ правленія.

Коллатинъ знатной патриціи, находясь вмѣстѣ съ Секстомъ при осадѣ Ардеи, Рутульской столицы, похвалился

на одной пирушкѣ предъ Княземъ въ достоинствѣ жены своей Лукреціи. Всѣ гости, не соглашаясь отдать ей преимущества предъ своими женами, условились того же вечера ѣхать въ Римъ и посмотрѣть, чѣмъ жены ихъ занимаются. Нашли, что прочія жены проводили время въ праздности или въ забавахъ, но Лукреція занималась въ кругу горничныхъ дѣвушекъ своихъ рукодѣліемъ. Она приняла нежданыхъ гостей со всею ласковостію умной хозяйки, угостила, чѣмъ случилось, и отпустила съ чувствомъ сердечнаго къ ней почтенія.

Но почтеніе къ добродѣтели не могло быть чувствомъ порочныхъ людей. Секстъ позавидовалъ щастію Коллатина, рѣшился осквернить супружеское ложе и, воспользуясь отсудствіемъ мужа, пріѣхалъ чрезъ нѣсколько дней одинъ къ Лукреціи. Супруга Коллатина приняла высокаго гостя съ приличнымъ уваженіемъ, не подозрѣвая его въ гнусныхъ намѣреніяхъ. Секстъ подъ вымышленнымъ предлогомъ остался у ней ночевать. Лукреція отвела ему особую комнату. Но въ полночь злодѣй съ обнаженнымъ мечемъ входитъ въ спальну Лукреціи, требуетъ удовлетворенія стра-

сти своей, или принять смерть отъ руки его. Испуганная хозяйка старалась отклонить въ сильныхъ выраженіяхъ гнусное намѣреніе. Но Секстъ, не отступая отъ своего требованія, далъ ей на волю избрать любое: смерть или согласіе, присовокупя къ тому, что онъ привезъ съ собою и раба, котораго положитъ вмѣстѣ съ нею въ постелю и объявитъ, что онъ засталъ ее въ прелюбодѣйствѣ съ невольникомъ и закололъ ихъ обоихъ. Невинная и нещастная Лукреція недорожила своею жизнію, но не могла обезславить родъ свой вѣчнымъ стыдомъ и упрѣками. Исполня волю злодѣя, на другой день послала къ мужу, отцу, и ближнимъ родственникамъ извѣстить о постигшемъ домъ ея величайшемъ нещастіи. Коллатинъ, Спурій, Валерій и Брутъ, получивъ сіе извѣстіе, тотчасъ прискакали къ Лукреціи. Она блѣдная, полумертвая разсказала имъ приключеніе прошедшаго дня, просила вступится за честь ея и, не желая пережить безчестія, закололась передъ ними.

Смерть Лукреціи поставлена была Провиденіемъ въ число тѣхъ случаевъ, которые управляютъ судьбою народовъ.

Она была причиною изгнанія изъ Рима рода Тарквиніева и къ учрежденію Консульскаго правленія. Когда Коллатинъ и Спурій, въ общемъ ужасѣ и унынiи, оплакивали безчестіе и смерть, одинъ супруги, другой дочери своей; въ то самое время Брутъ, выхвативъ кинжалъ изъ сердца Лукреціи, вскричалъ: не слезами, но кровію злодѣя должны мы отомстить за безчестіе Римлянки! я клянусь, и вы клянитесь, имѣть вѣчную ненависть къ врагу Лукреціи, доколѣ неомоется кровь ея въ крови злодѣя, и доколѣ неизгонится изъ Рима весь коварный родъ Тарквиніевъ.

Надобно замѣтить, что не одна смерть Лукреціи побудила Брута къ столь отчаянному предпріятію. Отецъ его, Патрицій древняго знатнаго рода, женатъ былъ на дочери Тарквинія старшаго. Вторый Тарквиній, опасаясь силы его въ Сенатѣ и въ народѣ, приказалъ его умертвить и завладѣлъ всемъ имуществомъ его. Старшій братъ Бруновъ подвергся такой же участи, и младшій Брутъ неизбѣжалъ бы смерти, естьлибъ непритворился глупымъ. Онъ казался равнодушнымъ къ смерти отца и брата, и къ потерѣ имѣнія, и взятъ былъ

Тарквиніемъ въ домъ, какъ дурачокъ, для забавы дѣтей своихъ. Въ семъ притворномъ состояніи оставался Брутъ до того времени, пока не пришелъ часъ его дѣйствія. Смерть Лукреціи возбудила въ немъ природныя чувствованія и представила ему въ живой картинѣ всѣ злодѣянія Тарквиніевы. Онъ поклялся отмстить злодѣю за безчестіе Римлянки, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавить отечество отъ порабощенія чужестранцевъ.

Въ семъ намѣреніи выноситъ онъ на народную площадь окровавленное тѣло Лукреціи, разсказываетъ народу о насиліи ей причиненномъ, напоминаетъ всѣ прошедшія лютости Тарквинія, и когда замѣтилъ, что народъ принялъ участіе въ рѣчахъ его, предложилъ для собственной безопасности Римлянъ изгнать родъ Тарквиніевъ изъ города. Народъ съ восторгомъ принялъ предложеніе и Сенатъ подтвердилъ оное. Между тѣмъ изъ предосторожности всѣ городскія ворота по приказанію Брута были заперты. Оставалось только исхитить власть изъ рукъ самаго Тарквинія, которой находился тогда въ арміи при осадѣ Ардеи.

Брутъ, получивъ Сенатской указъ,

опправился съ сообщниками своими въ армію; а Тарквиній, узнавъ о произшедшемъ въ Римѣ, скакалъ наказать возмутителей. Оба прибыли въ одно время разными дорогами: Брутъ въ армію, а Тарквиній къ Риму. Армія безъ дальнаго затрудненія согласилась на опредѣленіе Сената и народа; но Тарквинія въ городъ не впустили. Онъ прискакалъ обратно въ армію, но и тамъ его не приняли, по чему и принужденъ былъ удалится въ Сиру, Етрурской городъ. Армія же, заключивъ съ непріятелемъ перемиріе, возвратилась въ отечество.

Такимъ образомъ кончилось въ Римѣ смѣшанное съ народнымъ и вельможнымъ Монархическое правленіе. Сомнѣваются, чтобъ семъ Царей сряду съ небольшими междуцарствіями могли владѣть Римомъ 244 года; но всѣ въ томъ согласны, что царствованіе сихъ Государей, кромѣ послѣдняго, не подавало причины къ ропоту на правленіе. Всѣ они, болѣе или менѣе, способствовали къ улучшенію и прочности правленія. Самое насиліе пятаго и шестаго Царя къ похищенію власти доставило Римлянамъ такихъ Государей, какихъ трудно бы было пріобрѣсть и по самому выбору,

Даже послѣдній Тарквиній доставилъ Римлянамъ ту услугу, что жестокимъ правленіемъ своимъ заставилъ ихъ поспѣшить къ принятію рѣшительныхъ мѣръ для предупрежденія разстройства въ правленіи.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Правленіе Консуловъ до учрежденія народныхъ Трибуновъ. Произшествія 17 лѣтъ, отъ 509 до 491 года до Р. Х.

По изгнаніи Тарквинія Сенатъ привелъ въ исполненіе начертаніе Сервія Туллія, предоставя народу по куріямъ избрать изъ Патриціевъ двухъ ежегодныхъ правителей подъ названіемъ Консуловъ. Брутъ и Коллатинъ возведены были на первой годъ въ сіе достоинство. Имъ предоставлена была почти таже власть, какую имѣли Цари по начальному законоположенію, кромѣ званія Первосвященника, которымъ избранъ былъ Папирій подъ имянемъ Царя, впрочемъ безъ всякаго участія въ гражданскомъ правленіи.

Консулы удержали при себѣ всѣ Цар-

скіе знаки, исключая золотаго вѣнца и скипетра. Они въ правѣ были носить пурпуровую тогу или плащь, сидѣть въ креслахъ изъ слоновой кости и ходить въ предшествіи ликторовъ съ тѣми же орудіями наказанія, съ тою только отмѣною, что предъ однимъ Консуломъ ликторы несли розги съ топорами, а передъ другимъ одни розги. Но какъ достоинство ихъ было равное, то они перемѣнялись сими знаками власти помѣсячно.

По учрежденіи новаго образа правленія первымъ дѣломъ сочтено привести въ прежнюю силу древніе законы, и наполнить убылыя мѣста въ Сенатѣ новыми патриціями изъ всадниковъ и знатнѣйшихъ плебеянъ, которыхъ поступило до 140 человѣкъ на мѣсто умерщвленныхъ и изгнанныхъ Тарквиніемъ. Между тѣмъ, когда разстроенное правленіе приводилось въ порядокъ, нѣсколько молодыхъ людей, не привыкшихъ повиноватся строгой власти закона и жалѣя о потерѣ бывшей придворной жизни, учинили заговоръ противъ новаго правленія. Тарквиній подъ видомъ посольства для полученія имѣнія своего, прислалъ шпіоновъ поддержать и усилить сей за-

говоръ всѣми возможными способами; но невольникъ, подслушавъ тайныя совѣщанія злоумышленниковъ, донесъ объ оныхъ Валерію, а сей въ тотъ же часъ пересказалъ Бруту. Консулы немедленно окружили домъ, схватили заговорщиковъ, въ томъ числѣ двухъ сыновей Брута, двухъ племянниковъ Коллатина и пословъ Тарквиніевыхъ со всѣми приготовленными къ нему письмами. Изъ уваженія къ правамъ посольства шпіоновъ Тарквиніевыхъ выслали изъ города безъ всякаго наказанія; а Римляне, по изданному передъ тѣмъ узаконенію и клятвенному всего народа обѣщанію защищать новый образъ правленія, подвергались смертной казни.

Въ назначенный день Консулы прибыли въ собраніе и заняли мѣста свои. Нещастный отецъ долженъ былъ судить преступныхъ дѣтей своихъ, которые, будучи явно изобличены въ измѣнѣ, ожидали смерти. Брутъ, разсмотрѣвъ всѣ улики, спросилъ по законному обряду у дѣтей своихъ: могутъ ли они что сказать въ оправданіе свое? Они молчали. Консулъ повторилъ еще свой вопросъ, но и на сей не получилъ отвѣта. Тогда, обратясь къ ликторамъ, приказалъ имъ

исполнить долгъ свой. Законъ предписывалъ Консулу быть свидѣтелемъ казни — и въ присудствіи Брута отвалились головы съ плечь дѣтей его. Нещастный отецъ, исполня жестокій долгъ свой, не въ силахъ былъ продолжать присудствія до обыкновеннаго времени. Онъ удалился въ домъ свой оплакать кончину дѣтей и собственное свое нещастіе.

Примѣръ правосудія, оказанный Брутомъ надъ дѣтьми своими, доставилъ ему всеобщее уваженіе и придалъ новую силу закону. Напротивъ того Коллатинъ, ходатайствомъ о спасеніи племянниковъ, привелъ себя въ подозрѣніе, былъ отрѣшенъ отъ Консульства до истеченія срока, и добровольно удалился изъ Рима. На мѣсто его избранъ Валерій, который, по расположенію своему къ низшему классу людей, прозванъ былъ въ послѣдствіи Публиколою, т. е. другомъ народа.

Тарквиній, лишась надежды низпровергнуть новое правленіе посредствомъ заговора, пошелъ на Римъ открытою войною. Онъ возбудилъ сосѣдніе народы къ принятію оружія и приступилъ къ Риму, предводительствуя многочисленною Вейянскою арміею. Консулы приго-

товились къ оборонѣ и выступили въ полѣ. Арунъ сынъ Тарквиніевъ, начальствуя непріятельскою конницею и завидя Брута, поскакалъ прямо на него. Брутъ неуклонился отъ поединка; но оба, проколовъ другъ друга, упали мертвыми на землю. Армія сражалась такъ же съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ, и наконецъ Римляне, при равномъ уронѣ съ обоихъ сторонъ, удержали за собою поле сраженія. Хотя сія битва была нерѣшительна, но вѣроятно для возбужденія мужества въ народѣ опредѣленъ былъ Валерію, какъ побѣдителю, полной тріумфъ за сію маловажную побѣду (*).

(*) Тріумфы, учрежденные Тарквиніемъ старшимъ, давались въ Римѣ полководцамъ въ знакъ особаго отличія, служили въ родѣ достоинствомъ, и для глазъ народа въ послѣдующіе вѣки были такимъ зрѣлищемъ, которому въ наши времена мало бываетъ подобныхъ. Ихъ было два рода: полный тріумфъ и овація. Въ первомъ побѣдитель въѣзжалъ въ городъ въ колесницѣ четвернею съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, и все сословіе Сената выходило къ нему на встрѣчу; а въ послѣднемъ шелъ пѣшкомъ съ миртовою вѣтвію въ рукѣ, и вмѣсто Сенаторовъ выходили на встрѣчу одни всадники и патриціи.

По смерти Брута Валерій одинъ остался Консуломъ. Желая издать нѣкоторыя въ пользу народа узаконенія, онъ не спѣшилъ избрать себѣ товарища, опасаясь со стороны его препятствія въ предполагаемыхъ узаконеніяхъ. Но сіе самое расположеніе къ народу навело на него подозрѣніе, будтобы онъ одинъ хочетъ пользоваться властію. Не имѣя ни какихъ вѣрныхъ причинъ къ сему подозрѣнію, народъ вмѣнилъ Валерію въ вину, что онъ имѣлъ прекрасный домъ, построенный на холмѣ выше народной площади. Консулъ, узнавъ о сей ничтожной придиркѣ, нанялъ рабочихъ въ одну ночь срыть домъ свой и построилъ другой въ самомъ низкомъ мѣстѣ. Народъ устыдился безразсудности своей и замолчалъ. Валерій спѣшилъ изданіемъ узаконеній, и въ знакъ народной власти надъ собою приказалъ ликторамъ носить однѣ розги безъ топоровъ и преклонять ихъ при входѣ въ народное собраніе.

Валерій въ продолженіе года имѣлъ еще двухъ товарищей, перваго отца Лукреціи, которой умеръ чрезъ нѣсколько дней, а втораго Марка Горація. Сему досталось по жеребью освятить Капитолій. На другой годъ Валерій опять

избранъ былъ Консуломъ. Къ числу за мѣчательныхъ произшествій въ сіе время можно отнести перепись народу, котораго нашлось до 130 тысячь, кромѣ вдовъ и сиротъ неплатящихъ податей; и первый договоръ, заключенный съ Карфагенцами по торговымъ сношеніямъ, изъ котораго видно, что Римляне занимались уже торговлею и мореплаваніемъ. Сей договоръ относятъ къ 507 году до Р. Х. Слѣдовательно за 17 лѣтъ прежде перваго нашествія Персовъ на Грецію.

Въ продолженіе сихъ внутреннихъ произшествій Тарквиній, неистощимый въ предпріятіяхъ, заключилъ союзные договоры со многими окрестными народами, и между прочими склонилъ на свою сторону сильнѣйшаго Етрурскаго Царя Порсену, которой пошелъ прямо на Римъ съ многочисленнымъ воинствомъ. Сенатъ Римской, замѣтя всеобщее уныніе въ городѣ, оказалъ при семъ случаѣ достойное себя благоразуміе и щедрость. Онъ закупилъ въ разныхъ мѣстахъ большее количество хлѣба и роздалъ народу по дешевой цѣнѣ; сверхъ того избавилъ всѣхъ неимущихъ отъ платежа податей, дабы симъ средствомъ возбудить

въ народѣ мужество и любовь къ отечеству.

Консулы, набравъ воиско, выступили изъ города противъ непріятеля. Они передъ самымъ Римомъ должны были дать жестокое сраженіе, но будучи оба тяжело ранены, вынесены съ поля сраженія, оставя армію безъ предводителей. Въ семъ общемъ смятеніи Римляне, желая убрашся за рѣку, бѣжали по мосту смѣшавшись съ непріятелями, и когда они перебѣжали, первые отряды Етрусковъ входили уже на мостъ. Въ сію рѣшительную минуту Горацій Коклесъ, т. е. кривой, оказалъ невѣроятную отважность и мужество. Онъ сначала самъ третій, а потомъ одинъ защищалъ проходъ по мосту противъ всей непріятельской арміи, доколѣ успѣли разломать мостъ по зади его, и когда разломку кончили, онъ бросился во всемъ оружіи въ рѣку и щастливо приплылъ къ своему берегу. Сколь велико было присудствіе духа въ Горацій, не менѣе того оказана была ему и благодарность отъ своего отечества. Ему поставленъ въ честь мѣдной истуканъ, отведена во владѣніе казенная земля, и всѣ граждана, отъ перваго Сенатора до

послѣдняго сироты, принесли ему въ даръ, кто что могъ по состоянію своему.

Отважный поступокъ Гораціевъ произвелъ еще болѣе отважныхъ, но менѣе справедливыхъ подражателей. Порсена, не смотря на отчаянное сопротивленіе, не отступалъ отъ Рима. Не надѣясь взять города приступомъ, онъ рѣшился выморить жителей голодомъ. Недостатокъ въ продовольствіи примѣтно оказывался уже въ городѣ, и всѣ опасались ужасныхъ послѣдствій. Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ одинъ молодой Римлянинъ Муцій Сцеволла, т. е. лѣвша, отважился убить Порсену и тѣмъ спасти отечество отъ погибели. Онъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, дошелъ до Царской ставки, но не зная въ лицо Государя, убилъ вмѣсто его стоявшаго подлѣ чиновника. Убійцу тотчасъ схватили и привели предъ Государя. Муцій, упустивъ первой случай, нашелся поправить дѣло другою не менѣе отчаянною выдумкою. На вопросъ, кто онъ, Муцій объявилъ свое имя и причину, что побудило его на такое отчаянное предпріятіе, присовокупя къ тому, что ихъ отправилось триста человѣкъ на сіе дѣло; что Порсена неизбѣжитъ

отъ смерти, ибо которой нибудь изъ нихъ успѣетъ совершить предпріятіе, и что сами они столь мало боятся смерти, что ни какое мученіе не выведетъ ихъ изъ терпѣнія; а въ доказательство, положивъ руку на горящіе на жертвенникѣ угли, далъ ей горѣть не показывая на лицѣ ни какого знака боли.

Удивленный и устрашенный сполъ отчаяннымъ поступкомъ Государь, отпустилъ Сцеволлу въ Римъ безъ всякаго наказанія, и будучи недоволенъ гордостію Тарквинія, отвергнувшаго предложенное отъ Римлянъ Порсенѣ посредничество, заключилъ съ Римлянами миръ, неоскорбительный для ихъ чести и выгодный для обоихъ народовъ. Въ слѣдствіе сего Римляне дали изъ обоего пола по десяти заложниковъ изъ первыхъ въ городѣ фамилій. Одна дѣвушка изъ заложницъ скрылась отъ стражи, бросилась въ Тибръ, переплыла на свой берегъ и явилась къ Валерію. Консулъ, наблюдая въ точности мирныя условія, отослалъ Клелію обратно; но Порсена, желая превзойти Римлянъ въ великодушіи, отпустилъ ее на волю, и сверьхъ того позволилъ ей взять сколько пожелаетъ изъ подругъ своихъ. Побѣжденная великоду-

шіемъ Клелія осмѣлилась выбрать четырехъ, которымъ было менѣе 14 лѣтъ отъ роду, сказавъ, что они по молодости своей не могутъ съ такою твердостію переносить неволи на чужой землѣ, какъ взрослыя.

Римляне, избавясь сильнѣйшаго непріятеля, неоставались еще въ безопасности. Съ одной стороны Тарквиній сѣялъ раздоръ въ городѣ и возмущалъ сосѣдей на Римлянъ; а съ другой корыстолюбіе богатыхъ, пользуясь жестокостію закона противъ должниковъ, доводило бѣдныхъ гражданъ до отчаянія. Когда жестокость сія доведена была до послѣдней крайности, граждана отказались записыватся въ службу на защиту отечества. Сенатъ, защищая сторону богатыхъ и имѣя необходимую нужду въ войскѣ, выдумалъ избрать Диктатора, которому далъ не ограниченную власть на шесть мѣсяцовъ. Народъ, обольщенный новостію, согласился на сіе избраніе и принужденъ былъ безусловно повиноватся волѣ Диктатора, который набралъ войско, побѣдилъ непріятелей и видя, что сильная партія въ Сенатѣ несоглашается на отпущеніе долговъ, сло-

жилъ съ себя диктаторство прежде опредѣленнаго срока.

Около десяти лѣтъ продолжалась сія борьба бѣднаго народа съ богатыми. Всякой разъ, когда нужда требовала набирать войски, Сенатъ обманывалъ народъ своими обѣщаніями, или избраніемъ Диктатора, или отсрочкою долговъ на военное время. Но когда Тарквиній, удрученный старостію и неудачными покушеніями на порабощеніе несправедливо присвоеннаго себѣ народа, скончался въ Кумахъ, а дѣти его еще прежде пали на полѣ брани; тогда богатые, избавясь сей грозы надъ ними, явно возстали на угнѣтеніе бѣдныхъ. Недостаточное по сему предмету узаконеніе было главною причиною народнаго бѣдствія. Безпрестанная война не всегда допускала посредственнаго состоянія гражданъ воздѣлывать поля свои, иногда и непріятель истреблялъ посѣвы; служба же военная на всемъ своемъ содержаніи заставляла воиновъ занимать деньги у богатыхъ гражданъ за дорогіе проценты; и когда напольность была неудачна, или недоставляла случая грабить непріятеля, тогда раззорившіися воины принуждены были отдавать за долгъ земли свои

и все имущество. Такимъ образомъ въ продолженіе времени богатые успѣли отнять у бѣдныхъ и земли и движимое имѣніе, и самихъ ихъ, на основаніи неправосуднаго закона оковавъ цѣпями, тиранили по своему жестокосердію.

Столь наглая несправедливость не могла продолжатся долгое время. Сенаторы, нѣсколько разъ обманывая народъ своими обѣщаніями и видя наконецъ, что ни какими средствами нельзя удержать возмущенія, придумали не распускать арміи подъ видомъ предстоящей войны; ибо находящіися въ дѣйствительной службѣ граждана обязаны были закономъ и присягою безусловно повиноватся начальникамъ. Сія мѣра привела въ отчаяніе бѣдныхъ гражданъ воиновъ и заставила ихъ выдумать хитрость противъ хитрости. Они похитили знамена, отступили на пять верстъ отъ Рима и расположились станомъ на одномъ холмѣ. Прочіе граждана, коль скоро услышали объ отложеніи арміи, то большею частію перебѣжали въ станъ, оставя въ городѣ однѣхъ богатыхъ и патриціевъ.

Надобно отдать справедливость характеру древнихъ Римлянъ, что они

при столь отчаянномъ возмущеніи соблюли удивительной порядокъ. Невидно было ни своевольства, ни насилія. Одинъ голодъ заставлялъ непослушныхъ выходить изъ стана для собранія необходимо нужнѣйшей пищи, и коль скоро удовлетворялась потребность, то немедленно возвращались въ станъ.

Сія самая умѣренность смутила Сенатъ и укоряла его въ несправедливомъ притѣсненіи народа. Аппій Клавдій, гордый и знатный Сабинянинъ, главный виновникъ народнаго бѣдствія, не переставалъ съ своею партіею наспаивать, чтобъ употребить самыя строгія мѣры къ укрощенію народа. Онъ доказывалъ, что уничтоженіе долговъ послужитъ только къ большему народному бѣдствію; ибо богатые, лишась знатной части капиталовъ своихъ, нестанутъ болѣе вѣрить; что сіе уничтоженіе противно закону, и что наконецъ малѣйшее послабленіе беспокойному народу поведетъ его къ новымъ требованіямъ. Но Сенаторы умѣренной стороны видѣли всю ничтожность сихъ на своекорыстныхъ правилахъ основанныхъ доводовъ, зная, что народъ страждетъ не отъ распутнаго поведенія своего или лѣности, но

единственно за понесенные труды и пожертвованія на пользу отечества, и по тому еще болѣе, что богатые не только вновь завоеванныя трудами сихъ нещастныхъ земли, но и собственное ихъ наслѣдіе захватили въ свои руки.

По симъ болѣе уважительнымъ причинамъ они отвергнули совѣты Клавдія, и заставили молодыхъ Сенаторовъ его партіи молчать подъ опасеніемъ отказа имъ въ присудствіи въ Сенатѣ до урочныхъ лѣтъ. Они вошли съ народомъ въ переговоры, и когда первое посольство не получило успѣха, то отправили депутатовъ изъ самыхъ почтеннѣйшихъ и любимыхъ народомъ Сенаторовъ, въ числѣ коихъ находились два бывшіе Диктатора, Ларцій и Валерій, и Мененій Агриппа, всѣми вообще и Патриціями и народомъ уважаемый.

Народъ съ полною довѣренностію вошелъ въ переговоры съ сими почтенными депутатами и, по продолжительномъ преніи, готовъ уже былъ возвратится въ городъ; но избранные войскомъ временные начальники Сициній и Юній дали замѣтить, что безопасность народа ни чемъ еще необеспечена, особливо на будущее время, и что необходимость

требуетъ предоставить народу избрать изъ сословія своего ежегодныхъ представителей, которые имѣли бы власть защищать предъ Сенатомъ права народа.

Депутаты безъ согласія съ Сенатомъ неимѣли власти принять сего предложенія. Они возвратились и по нѣкоторомъ сопротивленіи, получивъ отъ Сената согласіе, примирились съ народомъ. Въ слѣдствіе сего избраны были изъ Плебеянъ пять народныхъ Трибуновъ. Особы ихъ признаны священными. Они неимѣли права засѣдать въ Сенатѣ, ни разсуждать о дѣлахъ вмѣстѣ съ Сенаторами; но должны были сидѣть на порогѣ или при дверяхъ Сената и пропускать опредѣленія его. Одно ихъ слово Veto, или несогласенъ, уничтожало Сенатское опредѣленіе. Но надобно, чтобъ они были всѣ одного мнѣнія, въ противномъ случаѣ оприцаніе ихъ не имѣло силы.

По избраніи народныхъ Трибуновъ и по обнародованіи указа о уничтоженіи долговъ, народъ принесъ на горѣ жертву богамъ и, въ память случившагося произшествія, назвалъ ее священною; потомъ, снявшись съ лагеря, торжественно возвратился въ домы свои. Сіе слу-

чилось въ 17-е лѣто по изгнаніи Тарквинія, за 493 годъ до Р. Х.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ учрежденія народныхъ Трибуновъ до учрежденія Децемвировъ, сочинителей уложенія. Коріоланъ, Цинцинатъ, начало полеваго закона. Произшествія 40 лѣтъ, отъ 491 до 451 года до Р. Х.

Сенатъ, подтвердивъ права народныхъ Трибуновъ, не почиталъ ихъ для себя опасными. Онъ удѣлилъ Трибуналу часть должностей, относительныхъ до хозяйственнаго въ городѣ попеченія, и предоставилъ Трибунамъ выбирать ежегодно изъ народнаго сословія двухъ помощниковъ или Едиловъ, которымъ поручено было наблюдать за городскими строеніями, каналами, стоками; пещись о снабженіи города хлѣбомъ и масломъ; смотрѣть за перекупомъ, за поведеніемъ гражданъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчать тѣхъ людей, которые захватятъ себѣ болѣе земли, нежели сколько закономъ или по крѣпостямъ предоставлено.

Всѣ сіи преимущества и уничтоженіе долговъ примирили народъ съ Патриціями, и воспламенили любовь его къ своему отечеству. Вскорѣ потомъ открылась война противъ Волсковъ и Антіатовъ. Народъ охотно записался въ службу и подъ начальствомъ Консула Постумія одержалъ надъ непріятелями значительныя побѣды, взялъ нѣкоторые города и наконецъ осадилъ столицу ихъ Коріолы. Молодой Патрицій, по имени Марцій, отличился въ сей войнѣ своею храбростію и отважностію. Онъ отдѣльнымъ корпусомъ взялъ Коріолы и помогъ Консулу одержать надъ непріятелемъ рѣшительную побѣду. Благодарный Постумій назначилъ Марцію десятую часть добычи и богато убранную лошадь. Марцій принялъ одного коня, а добычу предоставилъ общему раздѣлу. Воины, въ воспоминаніе отличныхъ подвиговъ Марція и за взятіе Коріолъ, почтили его прозваніемъ Коріолана.

Между тѣмъ почтенный старецъ Сенаторъ, бывшій Консуломъ и побѣдителемъ Сабинянъ, Мененій Агриппа умеръ въ бѣдности, не оставя даже, подобно современнику своему Аристиду, чѣмъ похоронить себя. Сіе безкорыстіе,

хотя не столь еще рѣдкое, какъ въ послѣдующіе вѣки, и заслуги оказанные отечеству подали случай Сенату и народу спорить о чести, кому достанется она въ принятіи на себя издержекъ на погребеніе. Сенатъ переспорилъ и сдѣлалъ знаменитому заслугами Патрицію своему богатыя похороны. Но народъ, не соглашаясь отказатся въ участіи, собралъ значительную сумму и поднесъ на содержаніе дѣтей Агриппиныхъ.

За симъ споромъ о добродѣтели послѣдовало новое смятеніе. Въ продолженіе перваго возмущенія, когда народъ удалился на священную гору, земли остались не засѣянными; въ слѣдствіе сего оказался недостатокъ въ хлѣбѣ и наконецъ превратился въ совершенной голодъ. Народъ роптлалъ думая, что Патриціи прибрали хлѣбъ въ свои руки. Двое изъ самыхъ безпокойныхъ Трибуновъ, Сициній и Юній, бывшіе тогда едилами, поджигали пламя неудовольствія, толкуя благоразумныя распоряженія Сената въ противную сторону. Консулы принуждены были созвать народное собраніе, хотѣли говорить о средствахъ къ отвращенію нещастія; но трибуны,

перебивая ихъ рѣчи, не давали выслушать предложенія. Шумъ увеличился. Консулъ, обратясь къ трибунамъ, сказалъ, что онъ созвалъ собраніе, онъ и говорить долженъ, присовокупя къ тому, что естли бы призванъ былъ народъ чрезъ ихъ трибуновъ, то онъ не захотѣлъ бы и присудствовать въ ихъ собраніи. Послѣднее, не осторожно вырвавшееся въ горячности слово подхвачено было трибунами. На утро они созвали собраніе, предложили законъ, чтобъ ни кто не имѣлъ права перебивать рѣчей, когда трибуны въ созванныхъ ими народныхъ собраніяхъ говорить будутъ. Въ противномъ случаѣ, нарушившій сіе узаконеніе, подвергался народному суду.

Хотя Трибунамъ при начальномъ учрежденіи ихъ недано права созывать народныхъ собраній, но Сенатъ по долгомъ противорѣчіи принужденъ былъ подтвердить сіе узаконеніе; а чрезъ то самое, усиля власть народную, далъ право въ послѣдствіи и самихъ Консуловъ сажать въ темницу.

Возстановленное спокойствіе недолго продолжалось. Сенатъ, предвидя при первомъ возмущеніи недостатокъ въ продовольствіи, послалъ въ Сицилію заку-

пить потребное количество хлѣба на щетъ общенародной казны. Посланные закупили 25 тысячь мѣръ пшеницы, да столько же прислалъ въ даръ Гелонъ Царь Сиракузской. Когда прибылъ сей хлѣбъ, то вышли въ Сенатѣ жаркіе споры о употребленіи онаго. Партія умѣренныхъ предлагала роздать сей хлѣбъ бѣднымъ гражданамъ безденежно, или продать по самой низкой цѣнѣ, чтобъ выручить только употребленную сумму. Но Коріоланъ отличный воинъ, но дурной судія, вѣрный подражатель Аппія Клавдія настаивалъ, чтобъ отложить раздачу хлѣба, и принудить народъ голодомъ отказаться отъ правъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ послѣднихъ возмущеніяхъ.

Такая мѣра, морить людей голодомъ, когда полные магазины хлѣба, означала самое жестокое притѣсненіе и не могла доставить ожидаемыхъ отъ нея послѣдствій. Народъ въ ярости своей хотѣлъ истребить весь Сенатъ, но Трибуны, удерживая гнѣвъ беспокойной черни, обратили все мщеніе ея на Коріолана, какъ на главнаго виновника народнаго бѣдствія. Позвали его къ суду: онъ неявился. Послали за нимъ Едиловъ. Коріоланъ съ друзьями своими прогналъ посланныхъ

говоря, что Трибуны народные не имѣютъ права судить Патриція. Дѣло дошло до жаркихъ споровъ, и наконецъ Сенатъ, опасаясь новаго возмущенія, поступился и сею властію, предоставя народному собранію судить Коріолана въ томъ увѣреніи, что онъ, не сдѣлавъ ни какого законнаго преступленія, кромѣ позволенной свободы предлагать всякому свое мнѣніе, и по любви къ нему народной, легко оправдается.

Въ назначенный день Коріоланъ явился. Одинъ изъ Консуловъ вмѣнилъ себѣ за долгъ защищать его. Воины такъ же были на его сторонѣ, и большая часть народа согласна была оправдать подсудимаго. Трибуны видя, что дѣло проиграли, остановили приговоръ объявя, что они имѣютъ ясныя доказательства на преступленіе Коріолана. Тогда одинъ изъ нихъ Децій произнесъ къ народу сильную рѣчь доказывая, что Коріоланъ хитрыми мѣрами стремится къ самодержавію; что онъ при нападеніи на Акціумскія земли, въ противность правъ народныхъ, раздѣлилъ знатную добычу друзьямъ и сообщникамъ своимъ, и такою законопротивною мѣрою подбираетъ себѣ пар-

тію на порабощеніе отечества (*). Сія рѣчь въ минуту перемѣнила народное расположеніе къ Коріолану. Трибуны собрали голоса не по куріямъ, какъ было въ обыкновеніи по Сервіеву закону, но по трибамъ, т. е. поголовно — и Коріоланъ общимъ приговоромъ народа осужденъ на вѣчное изгнаніе.

Въ семъ приговорѣ не было соблюдено надлежащей справедливости. Но Коріоланъ былъ вреденъ въ обществѣ по гордости и по презрѣнію своему къ народу. Жестокій нравъ его обнаружился при семъ изгнаніи. Онъ удалился къ Волскамъ, сильнѣйшимъ непріятелямъ своимъ. Вошедъ ночью въ домъ Тулла, градоначальника Акціумскаго, сѣлъ у жер-

(*) Во время послѣднихъ возмущеній Консулы подъ видомъ войны хотѣли отдалить безпокойныхъ жителей отъ города. Но воины неохотно записывались въ службу. Коріоланъ съ молодыми Патриціями и Кліентами своими вызвался отогнать непріятеля. Онъ въ семъ частномъ походѣ дѣйствительно пріобрѣлъ знатную добычу, и раздѣлилъ оную однимъ участникамъ сего предпріятія. Дѣло казалось не заслуживало обвиненія. Но люди рѣдко руководствуются вѣрнымъ разсудкомъ, и Коріоланъ изгнанъ не по винѣ, но по гордости и личной ненависти къ нему Трибуновъ.

твенника предъ богами на мѣстѣ, почитаемомъ священнымъ, и предался глубокому размышленію. Здѣсь жестокая душа его боролась между жизнію и смертію. Пылая мщеніемъ, онъ готовъ былъ погубить свое отечество; но разсудокъ, хотя невѣрный, доказывалъ ему, что при наказаніи враговъ должно погибнуть множеству невинныхъ гражданъ, и мститель безъ разбору заслужитъ себѣ отъ всѣхъ вѣчное проклятіе. Наконецъ злобная душа его не послушалась благихъ совѣтовъ разсудка и рѣшила приговоръ на погибель отечества. Предложивъ Туллу услуги свои онъ, при посредствѣ сего начальника, поднялъ Волсковъ на Римлянъ и, принявъ начальство надъ войсками, пошелъ громить Римскія земли.

Римляне, не подозрѣвая Коріолана въ столь безчестномъ поступкѣ, не приготовились къ защитѣ, не имѣли на тотъ годъ искусныхъ въ военномъ дѣлѣ Консуловъ — и Коріоланъ, воспользуясь сими обстоятельствами, взялъ нѣсколько Римскихъ и союзныхъ городовъ и отдалъ ихъ на разграбленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ опустошилъ принадлежащія Плебеянамъ поля, не касаясь земель Патриціевъ, и наконецъ приступилъ къ Риму.

Устрашенный народъ просилъ Сенаторовъ уничтожить опредѣленіе о изгнаніи Коріолана; но Сенатъ, разсуждая съ большею справедливостію, не могъ уже простить государственному измѣннику, но не могъ такъ же и опразднить его; когда же опасность увеличилась, то согласясь съ мнѣніемъ народа, отправилъ къ Коріолану посольство съ прозьбою удалить армію отъ города. Коріоланъ отвѣчалъ: пусть Римляне возвратятъ Волскамъ всѣ изстари завоеванные города и дадутъ имъ право гражданства. Столь жестокія условія не могли быть приняты, ибо Римляне сначала существованія своего ни когда не подписывали столь постыдныхъ договоровъ. Сенаторы отправили второе посольство, прося Коріолана пощадить отечество; но мстительный сынъ отечества былъ непреклоненъ. Сенатъ отправилъ третіе посольство, состоящее изъ всего знатнѣйшаго священства, заклиная Коріолана оставить мщеніе. Коріоланъ пренебрегъ и самою святынею. Тогда выдумали послѣднее средство, нарядивъ въ посольство мать Коріоланову, супругу, дѣтей и всѣхъ знатнѣйшихъ Римлянокъ просить сына, супруга, отца и гражданина

о площадѣ отечества своего. Гордый Коріоланъ при видѣ матери, супруги и дѣтей не могъ выдержать характера своего. Природа побѣдила его. Онъ бросился въ объятія близкихъ его сердцу. Но мать Витурія, бросивъ на сына укорительный взоръ, спросила напередъ: кого видитъ предъ собою, сына, или врага отечеству? мать ли она, или плѣнница? замѣтя смущеніе въ Коріоланѣ, она высказала ему все, что долгъ матери и отечества внушили ея сердцу. Къ словамъ ея присовокупилась нѣжная прозьба супруги и дѣтей. Коріоланъ не отвѣчалъ ни слова. Наконецъ, видя мать свою со всемъ посольствомъ споявшую предъ нимъ на колѣнахъ, вскричалъ: любезная родительница! ты спасла Римъ, но погубила сына.

Разсказываютъ, что Коріоланъ, отступя отъ города, убитъ былъ Волсками; другіе говорятъ, что онъ умеръ отъ угрызенія совѣсти. Оставимъ подробности. Конецъ его жизни неваженъ для исторіи человѣка.

Коріоланъ былъ современникъ Фемистоклу; но какая разница въ ихъ характерахъ! Коріоланъ былъ искусный партизанъ, но не болѣе. Фемистоклъ пре-

дусмотрительностію своею и мудрыми совѣтами спасъ отечество и всю Грецію отъ нападенія сильнѣйшей на землѣ Монархіи. Оба они обвинены съ равною несправедливостію въ похищеніи общенароднаго имущества, съ тою только розницею, что Коріоланъ раздѣлилъ отнятую у непріятелей добычу друзьямъ и кліентамъ своимъ; а Фемистоклъ присвоилъ себѣ большую часть собранныхъ имъ съ непріятелей контрибуцій. Коріоланъ осужденъ на изгнаніе, и могъ бы жить спокойно въ Италіи и пользоватся имуществомъ своимъ; но Фемистоклу неоставалось въ спасенной имъ Греціи уголка земли; куда бы могъ укрытся отъ своихъ гонителей. Оба они, Коріоланъ по волѣ, а Фемистоклъ по нуждѣ, прибѣгнули подъ защиту сильнѣйшихъ непріятелей своихъ. Но здѣсь подобно какъ и при заслугахъ отечеству, великій умъ взялъ превосходство надъ великимъ воиномъ. Коріоланъ не умѣлъ иначе подслужится непріятелю, какъ предложивъ услуги свои на погубленіе отечества; Фемистоклъ безъ всякихъ обѣщаній пріобрѣлъ великодушное покровительство у наслѣдника такого Монарха, у котораго онъ истребилъ сильнѣй-

шіе флоты, и самаго его однимъ словомъ, безъ помощи войскъ, заставилъ бѣжать изъ Европы съ милiоннымъ ополченiемъ. И когда изъ чести попросили у Фемистокла услуги его, то онъ, будучи не въ правѣ отказать великодушному покровителю, скорѣе согласился лишится жизни, нежели мстить неблагодарному отечеству и гонителямъ своимъ.

Витурiя, возвратясь изъ посольства, принята была въ Римѣ съ отличнымъ уваженiемъ. Весь городъ побѣжалъ въ храмы приносить благодареніе богамъ; а Сенатъ въ воспоминаніе заслуги, оказанной отечеству женщинами, построилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мать стояла передъ сыномъ на колѣнахъ, храмъ щастiю, въ которомъ однѣ женщины имѣли право приносить жертвы.

Римляне вскорѣ загладили стыдъ, причиненной имъ побѣдами Коріолана. На другой же годъ они подъ начальствомъ Кассiя побили и Волсковъ и другихъ непріятелей; но Кассiй, простирая виды свои на похищенiе самодержавной власти, посѣялъ новые раздоры между Сенатомъ и народомъ. Онъ, желая усилить власть свою, заключилъ съ побѣжденными непріятелями миръ на самыхъ выгодныхъ

для нихъ условіяхъ, уступилъ имъ третью часть завоеванныхъ земель и далъ право гражданства; остальныя же земли предложилъ раздѣлить между бѣдными Римлянами и Латинами; сверьхъ того предложилъ уравнять имѣнія, предоставя Патриціямъ и богатымъ Плебеянамъ владѣть опредѣленнымъ количествомъ земли, а излишную отобрать для роздачи неимущимъ.

Вотъ начало полеваго закона и причина сильнѣйшихъ раздоровъ въ послѣдующее время. Сенаторы, Патриціи, богатые Плебеяна и самые Трибуны, стараясь удержать имущество свое, вооружились единодушно противъ сего закона; Кліенты также поддерживали права покровителей своихъ. Но чернь, подъ руководствомъ Кассія, настоятельно требовала раздѣла земель и, въ случаѣ отказа, угрожала низпровергнуть все правленіе. Сенатъ вынужденъ былъ успокоить умы обѣщаніемъ приступить къ раздѣлу земель; но коль скоро волненіе утихло, позвалъ Кассія къ суду, обвиняя его въ искательствѣ самодержавной власти.

Въ продолженіе суда Кассій всѣми былъ оставленъ. Трибуны изъ зависти

не вступились за него, и народъ, обольщенный обѣщаніемъ Сената, остался равнодушнымъ къ дѣлу покровителя своего и, въ слѣдствіе приговора, низвергнулъ его съ Тарпейской скалы.

Римская чернь, какъ и всякая другая, лишь только успѣла погубить благодѣтеля своего, тотчасъ и разкаялась, потребовала закона о раздѣлѣ земель; но Сенатъ отклонилъ требованіе по случаю предстоящей войны. Народъ несталъ записываться въ службу. Консулы объявили, что они прикажутъ скрыть домы ослушниковъ. Мѣра, хотя насильная, но она произвела ожидаемое дѣйствіе. Войски набраны, непріятели побѣждены, и когда побѣдители возвратились въ городъ, то и возобновили требованія свои о приведеніи въ дѣйство полеваго закона.

Нѣсколько лѣтъ продолжалась сія распря между бѣдными и богатыми. Сенатъ и Консулы всякой разъ подъ вымышленными предлогами заволачивали или отклоняли исполненіе закона. Между тѣмъ неважный случай произвелъ въ правленіи важную перемѣну. Однажды Консулъ, набирая войски, несогласился записать въ службу сотника Волерона настоящимъ

чиномъ. Сотникъ также не соглашался служить рядовымъ. Консулъ за ослушаніе приказалъ его высѣчь забывъ, что сотникъ, недавши присяги новому Консулу, не былъ еще его подчиненнымъ. Народъ вступился за сіе дѣло, и въ отмщеніе Консуламъ избралъ Волерона народнымъ Трибуномъ.

Волеронъ коль скоро вступилъ въ должность, то и возобновилъ требованіе о раздѣлѣ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ въ отмѣну Сервіева закона возстановить законъ Ромуловъ о подачѣ голосовъ по трибамъ. Сенатъ отвергнулъ предложеніе, по которому вся власть могла бы перейти въ руки народа. Начались жаркіе споры, причемъ бывшій Консуломъ Аппій Клавдій, сынъ извѣстнаго по жестокости Патриція сего имени, отличился своею настойчивостію въ отверженіи предложенія. Трибуны приказали Ликторамъ схватить его и отвести въ темницу. Ликторы не послушались. Дѣло дошло до драки. На другой день Трибуны и народъ захвали капитолію и приготовились къ явному междоусобію; однакожь Квинтій, второй Консулъ, будучи миролюбиваго и кротkаго нрава, усмирилъ возмущеніе. Сенатъ принужденъ былъ

утвердить предложеніе, чрезъ что потерялъ власть свою и предоставилъ оную народной безразсудности.

Аппій Клавдій, противясь предложенію Волерона, возбудилъ противъ себя народную ненависть, которая простерлась до такой степени, что однажды войски подъ его начальствомъ изъ одной ненависти къ нему дали непріятелю побить себя и обратились въ бѣгство. Сколь велика была при семъ случаѣ безразсудность воиновъ, не менѣе того оказана имъ и жестокость въ наказаніи. Аппій въ ярости своей приказалъ всѣмъ бѣжавшимъ сотникамъ и десятому изъ рядовыхъ отрубить головы; однакожь и самъ не долго прожилъ послѣ сего почти безпримѣрнаго въ исторіи наказанія. По окончаніи Консульства, Трибуны въ скоромъ времени позвали его къ суду за безпрестанное упорство въ раздѣлѣ земель. Аппій защищался съ обыкновенною своею твердостію; но видя, что Трибуны принимаютъ всѣ мѣры осудить его, предупредилъ наказаніе, лишивъ самъ себя жизни.

Смерть Аппія и не важныя походы на Волсковъ успокоили не надолго волненіе народное; но Трибуны закономъ о

раздѣлѣ земель не переставали поджигать пламя возмущенія. Дѣло дошло опять до драки. Патриціи и Кліенты ихъ подъ руководствомъ Цезона, сына Цинцинатова, прогнали народъ съ площади. Трибуны вступились за народъ и хотѣли въ примѣръ другимъ наказать Цезона; но уваженіе къ отцу его заставило умѣрить наказаніе. Въ продолженіе суда Цезонъ взятъ былъ на поруки и убѣжалъ въ Тоскану. Поручители должны были заплатить штрафъ; но Цинцинатъ, не желая ихъ ввести въ убытокъ за сына своего, продалъ почти все имѣніе свое, заплатилъ штрафъ и удалился въ оставшееся не большее помѣстье, имѣющее не болѣе четырехъ десятинъ земли, которое обработывая своими руками, съ небольшимъ числомъ служителеи, съ нуждою могъ содержать себя.

Въ продолженіе сихъ смятеній Гордоній Сабинянинъ вздумалъ въ расплохъ напасть на Римлянъ и ограбить городъ. Онъ съ четырмя тысячами воиновъ успѣлъ ночью овладѣть Капитоліею. Пробужденные жители увидѣли себя въ опасности, но Трибуны уговаривали народъ не принимается за оружіе, доколѣ

Сенатъ не обяжется клятвою раздѣлить земли, и доколѣ не изберетъ чиновниковъ для составленія полнаго гражданскаго уложенія. Послѣднее требованіе и дѣйствительно было необходимо, ибо Римляне, не имѣя на многіе случаи письменныхъ узаконеній, рѣшили дѣла большею частію по своей совѣсти и разсудку, отъ чего въ приговорахъ на одинаковые тяжбы часто оказывалась большая разнообразность. Консулы принуждены были согласится на требованіе, и когда одинъ изъ нихъ Валерій, идучи по городу, приглашалъ гражданъ слѣдовать за нимъ на спасеніе отечества, то жители сбѣжались изъ всѣхъ улицъ подъ его начальство. Тотчасъ Капитолія взята была приступомъ, на которомъ однакожь Консулъ лишился жизни. Гордоній также, не получивъ успѣха въ предпріятіи и не желая живымъ отдатся въ плѣнъ, умертвилъ себя.

Едва успѣли избавится отъ опасности, какъ Трибуны и начали докучать оставшемуся въ живыхъ Консулу о выполненіи обѣщанія. Консулъ отозвался, что онъ одинъ не въ правѣ того сдѣлать. Надлежало избрать втораго Консула. Сенатъ, въ надеждѣ еще разъ об-

манутъ Трибуновъ, избралъ на мѣсто убитаго Консуломъ Цинцината.

Сей почтенный старецъ, видя несогласіе и раздоръ въ отечествѣ своемъ, давно уже отказался отъ участія въ правленіи; а убожество, по случаю заплаченаго штрафа за сына, непозволяло ему и жить въ городѣ. Посланные отъ Сената депутаты застали его на полевой работѣ въ платьѣ простаго земледѣльца. Они объявили ему Сенатское опредѣленіе, поднесли Консульскую одежду и прочія украшенія — и 12 ликторовъ стали передъ нимъ съ орудіями наказанія. Жалѣю, сказалъ Цинцинатъ, что отечество имѣетъ нужду въ моей помощи; а прощаясь съ супругою сказалъ ей: я опасаюсь любезная Аппилія, чтобъ поле наше не осталось на нынѣшній годъ не засѣяннымъ.

Цинцинатъ, вступивъ въ правленіе, не присталъ ни къ какой партіи, наблюдая единственно порядокъ и пользу своего отечества. Онъ благоразумными мѣрами заставилъ Трибуновъ отложить на время пребованія свои; принудилъ и гражданъ, бывшихъ на приступѣ Капитолія, быть послушными приказаніямъ его, почитая ихъ въ дѣйствительной

службѣ; и, оказывая во всемъ правосудіе и снизходительность безъ слабости, заставилъ народъ забыть о требованіяхъ своихъ, а Патриціевъ желать продолженія его Консульства.

По прошествіи года Цинцинатъ возвратился обрабатывать поле свое. Новые Консулы принуждены были отражать непріятелей. Одинъ изъ нихъ Минуцій, по оплошности и худому знанію военнаго искуства, завелъ армію свою въ засаду. Едва нѣсколько воиновъ успѣли пробится сквозь ряды непріятелей и увѣдомить Римлянъ о семъ нещастіи. Сенатъ, не надѣясь и на другаго Консула, обратилъ взоры свои на Цинцината и избралъ его за очно Диктаторомъ. Знатнѣйшіе Сенаторы сами отправились къ нему въ посольствѣ. Старецъ мало думалъ о званіи, ему предлагаемомъ; но стыдъ, Римлянамъ причиненный не осторожностію Консула, и потеря арміи заставили его въ другой разъ оставить поле свое и спѣшить на службу отечеству.

Цинцинатъ, явясь въ городъ, далъ приказъ всѣмъ гражданамъ, способнымъ носить оружіе, быть къ вечеру на Марсовомъ полѣ во всемъ оружіи и съ про-

довольствіемъ на пять дней. Между тѣмъ предводителемъ конницы избралъ бѣднаго, но извѣстнаго по своей храбрости Тарквиція, который хотя былъ изъ роду Патриціевъ, но по честности своей пришелъ въ такое убожество, что не въ силахъ былъ купить себѣ лошади и во всю жизнь служилъ въ пѣхотѣ.

Въ назначенный часъ всѣ граждане вооруженные собрались на Марсово поле. Диктаторъ того же вечера отправился съ ними въ походъ и, идучи скорымъ шагомъ, до разсвѣта сталъ въ тылу непріятеля. Оставалось подать вѣсть осажденной арміи. Цинцинатъ приказалъ воинамъ своимъ крикомъ встрѣвожить непріятеля, предполагая, что Консулъ догадается о прибывшемъ къ нему вспоможеніи. И дѣйствительно Минуцій по замѣченной имъ тревогѣ въ непріятельскомъ станѣ догадался о приспѣвшей помощи и, не ожидая разсвѣта, вступилъ въ сраженіе. Между тѣмъ Цинцинатъ приказалъ копать ровъ и поставить полисадъ между своею и непріятельскою арміею. Такимъ образомъ непріятель, будучи поставленъ между двухъ армій и запертъ со всѣхъ сторонъ, не могъ выдержать нападенія

и принужденъ былъ отдатся на волю побѣдителя. Диктаторъ, взявъ начальниковъ для украшенія тріумфа своего, прочей непріятельской арміи, въ знакъ совершенной покорности, приказалъ положить оружіе и пройти подъ ярмомъ, т. е. подъ копьями, сложенными въ видѣ двухъ столбовъ съ перекладиною. Станъ непріятельской и одинъ городъ выговорилъ въ добычу арміи своей. Избавленному Консулу сдѣлалъ строгій выговоръ и приказалъ ему сложить съ себя Консульское званіе; армію же его въ наказаніе лишилъ участія въ добычѣ, и возвратясь въ блистательномъ тріумфѣ въ Римъ сложилъ съ себя диктаторство, будучи въ семъ званіи всего 16 дней.

Сенатъ, за оказанную Диктаторомъ столь великую и скорую услугу отечеству, опредѣлилъ ему въ даръ богатую землю съ рабами, волами и прочими заведеніями. Но Цинцинатъ не принялъ награды, будучи доволенъ своимъ маленькимъ полемъ и тою мыслію, что не изъ честолюбія или корысти, но единственно по любви къ порядку и отечеству два раза спасалъ его отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей.

На другой годъ побѣжденные Цинцинатомъ непріятели опять принялись за оружіе. Трибуны недопустили гражданъ записыватся въ службу. Сенаторы и Патриціи согласились сами съ Кліентами своими отразить нападеніе. Такая рѣшительность ихъ подѣйствовала на народъ и на самыхъ Трибуновъ, которые объявили, что они не будутъ препятствовать въ наборѣ войска, ежели предоставлено будетъ народу къ прежнимъ пяти выбрать еще пять Трибуновъ. Цинцинатъ, приглашенный на совѣтъ по сему дѣлу, убѣдилъ Сенаторовъ согласится на предложеніе доказывая, что у десяти Трибуновъ скорѣе, нежели у пяти, выдетъ между собою разногласіе, и противорѣчіе одного уничтожитъ намѣреніе прочихъ. Однакожъ въ первый годъ по единодушному согласію старые и вновь избранные Трибуны возобновили требованіе о раздѣлѣ земель съ большею противъ прежняго настойчивостію, и простерли дерзость свою до того, что самихъ Консуловъ хотѣли потребовать къ суду въ народное собраніе. Но оставя сіе, несоотвѣтственное съ данною имъ властію предпріятіе, принялись съ большею ревностію хлопотать о приве-

деніи къ концу полеваго закона. Назначили для сего народное собраніе, объяснили всѣ причины, побуждающія ихъ ходатайствовать о наградѣ бѣдныхъ гражданъ за заслуги, оказанныя ими отечеству; и въ то время, когда народъ подготовленъ уже былъ рѣчами Трибуновъ, явился видной, пожилой, отличной воинъ Секціи Дентатъ. Онъ ходилъ сорокъ лѣтъ на службу, былъ во стѣ двадцати сраженіяхъ, имѣлъ на себѣ 45 ранъ и за отличное мужество пожалованъ былъ сначала въ сотники, потомъ въ народные трибуны; получилъ въ награду 14 вѣнцовъ за спасеніе гражданъ, 3 за входъ первымъ на стѣны крѣпостей; имѣлъ 80 золотыхъ вѣнцовъ, 83 золотыя цѣпи, 60 запястій, 18 копій, 25 брони, отнятыя у побѣжденныхъ имъ непріятелей; за всѣмъ тѣмъ не имѣлъ ни какого участія въ завоеванныхъ имъ земляхъ и жилъ въ крайнемъ убожествѣ, между тѣмъ какъ плодами побѣдъ его пользовались люди, вовсе того не заслуживающіе. Слова и состояніе его были сильнѣе всякой рѣчи. Весь народъ единогласно потребовалъ Дентату награды за труды и подвиги его. Сенаторы неумѣстнымъ пропиворѣчіемъ своимъ воз-

будили только общій ропотъ въ собраніи и, видя невозможность отклонить законъ, разбили урну съ шарами и разогнали собраніе. Трибуны за сію уловку приговорили ихъ къ денежному штрафу.

Присудствіе Дентата въ послѣднемъ собраніи, вмѣсто полученія награды, навлекло на него ненависть Патриціевъ. Въ послѣдующую войну Консулы, вознамѣрясь сбыть его съ рукъ, поручили ему съ осьмію стами воиновъ согнать непріятеля съ неприступнаго мѣста. Дентатъ видѣлъ и доказалъ невозможность выполнить порученіе. Но Консулъ настоялъ въ своемъ требованіи и укорялъ Дентата трусостію. Заслуженный воинъ рѣшился смертію своею доказать безусловное повиновеніе къ начальству; пошелъ къ назначенному мѣсту и по щастію усмотрѣлъ проходъ, не замѣченный Консуломъ, зашелъ по оному въ тылъ непріятелю, согналъ его съ мѣста и доставилъ Консулу рѣшительную побѣду. Но возвратясь изъ похода донесъ на Консула въ умыслѣ на жизнь и честь свою, настоялъ въ отказѣ ему тріумфа и, получивъ званіе народнаго трибуна, наложилъ на Консуловъ денежную пѣню за ихъ вѣроломной поступокъ, и издалъ

законъ для наказанія начальниковъ за подобное злоупотребленіе власти.

Вмѣстѣ съ Кассіевымъ закономъ о поляхъ Трибуны непереставали докучать Сенату о сочиненіи ясныхъ письменныхъ законовъ, дабы каждой градоначальникъ чинилъ судъ и расправу не по своенравію или совѣсти своей, но по законамъ, извѣстнымъ всякому гражданину. Сенатъ и самъ имѣлъ желаніе исправить сей недостатокъ въ законоположеніи, чувствуя, что въ народодержавіи, безпрестанно усиливающемся и обширностію и населеніемъ, невозможно оставить участи людей на произволъ пристрастныхъ начальниковъ. Въ семъ желаніи общимъ собраніемъ положено, отправить посольство къ Италійскимъ Грекамъ и въ Афины для списанія законовъ и для сочиненія изъ нихъ по образу Римскаго судопроизводства полнаго Уложенія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ учрежденія Децемвировъ или десяти-начальниковъ до изгнанія ихъ. Сочиненіе законовъ. Смерть Виргиніи. Произшествія трехъ лѣтъ, отъ 452 до 449 года до Р. Х.

Когда возвратились законосписатели изъ Аѳинъ и южной Италіи, то предположено было уничтожить Консульскія и Трибунскія должности, а вмѣсто оныхъ избрать изъ Патриціевъ десять начальниковъ на одинъ годъ, на которыхъ возложено было сочинить письменное Уложеніе и привести оное въ настоящую силу, т. е. имѣть имъ на одинъ годъ власть и законодательную и исполнительную. Въ сіе почетное званіе избраны были два тогдашніе Консула Аппій и Генуцій, два преждебывшіе Консула Секстъ и Ромулъ, три посла, возвратившіися съ законами, Постумій, Сулпицій и Манлій, и три Сенатора Юлій, Ветурій и Горацій.

Новые начальники согласились по ежедневной очереди править текущими дѣлами, и кому въ которой день доставалось предсѣдательствовать, тотъ имѣлъ у себя всѣ знаки Консульскаго

достоинства; а передъ прочими, для отличія отъ гражданъ, постановлено было ходить впереди по одному судейскому служителю. По незнанію Римлянами Греческаго языка поручено было Гермодору, Ефесскому изгнаннику, перевести собранныя узаконенія на Латинской языкъ и, принаровя оныя къ Римскимъ обычаямъ, какъ изъ нихъ, такъ и изъ своихъ законовъ Децемвиры сочинили въ первой годъ Римское Уложеніе въ 10 главахъ, изъ коихъ каждая содержала по нѣсколку параграфовъ. На другой годъ дополнено сіе уложеніе еще двумя главами, и каждая глава написана была на особой доскѣ и выставлена для всенароднаго разсмотрѣнія. Когда же сіи законы были гражданами прочитаны, частію поправлены и утверждены большинствомъ голосовъ, тогда съ приличною церемоніею и обрядами приняты въ число коренныхъ законовъ (*).

(*) Первыя 10 главъ Уложенія были слѣдующаго содержанія: 1-я о тяжбѣ и судопроизводствѣ, 2 о воровствѣ и разбоѣ, 3 о займѣ и правѣ заимодавцевъ, 4 о правѣ отцовскомъ, 5 о наслѣдствѣ и опекѣ, 6 о владѣніи и продажѣ имѣній, 7 о злодѣяніи личномъ и относительномъ къ чужому имуще-

Разсматривая сіи законы по правиламъ строгой нравственности нельзя сказать, чтобъ они во всѣхъ частяхъ были справедливы. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ на всѣ времена остаться безъ поправокъ, но другіе подобно Драконовымъ законамъ написаны человѣческою кровію, а что еще хуже, мало отличали невиннаго отъ виноватаго, и мѣра наказанія не вездѣ соразмѣрна съ преступленіемъ. Напримѣръ, естьли у кого въ домѣ найдется по обыскѣ что нибудь краденое, то чинить тому казнь, какъ за явное воровство; или кто не можетъ выплатить своихъ долговъ, того предоставлено кредиторамъ для удовлетворенія своего раздробить на части. Къ по-

---

ству, какъ на примѣръ, о изувѣченіи, о зажигательствѣ, о поврежденіи поля, о порубкѣ лѣсу и проч. 8 о порядкѣ разбирательства ссоръ между сосѣдями, 9 о правѣ народномъ, 10 о правилахъ и издержкахъ на погребеніе. Дополнительныя главы, изданныя въ слѣдующемъ годѣ, содержали: 11-я о Богопочитаніи и приношеніяхъ въ даръ божеству, 12 о супружествѣ и власти мужей надъ женами. Въ сей послѣдней главѣ помѣщена противная 9-й главѣ статья, которою запрещалось Патриціямъ входить въ брачные союзы съ плебеянами.

слѣднимъ двумъ случаямъ неприсовокуплено побочныхъ обстоятельствъ, которыя такъ же законно могутъ оправдать подсудимаго; равно и другіе нѣкоторые законы неохраняли жизни и собственности людей съ надлежащею безопасностію. Впрочемъ Римляне по тогдашней суровости своихъ нравовъ были довольны сими законами. По крайней мѣрѣ они были ясны, для всѣхъ одинаковы, и всякой зналъ мѣру наказанія за преступленіе.

Децемвиры управляли первый годъ дѣлами съ такою прилежностію и правосудіемъ, что всѣ граждана забыли права и ссоры свои, и не желали имѣть лучшаго правленія. На другой годъ, для дополненія недостающихъ по нѣкоторымъ частямъ законовъ, предположено было оставить тотъ же образъ правленія, только избрать новыхъ начальниковъ. Предъ наступленіемъ выборовъ Децемвиры замѣтили, что одинъ изъ нихъ Аппій Клавдій, необыкновенною въ родѣ его ласковостію и щедростію, старался войти въ любовь у народа и, подозрѣвая его въ искательствѣ Децемвирства, назначили ему быть предсѣдателемъ при новыхъ выборахъ. Сіе званіе, по суще-

ствующимъ узаконеніямъ и обычаямъ, отнимало всякое право быть въ кандидатахъ. Но вышло со всѣмъ напротивъ. Аппій, получивъ должность предсѣдателя, перваго себя представилъ къ балтировкѣ и, имѣя подготовленную уже сильную партію, былъ избранъ вновь Децемвиромъ. Тоже самое предсѣдательство доставило ему средство избрать въ товарищи преданныхъ себѣ или такихъ Патриціевъ, которые по слабости характера своего были для него неопасны. Сверьхъ того, желая подружится съ народомъ, онъ предложилъ выбрать изъ Патриціевъ только семерыхъ, а трехъ изъ Плебеянъ дабы, какъ онъ говорилъ, и народъ имѣлъ въ сочиненіи законовъ участіе.

Коль скоро выборы кончились и новые Децемвиры вступили въ правленіе, то на другой же день обнаружили образъ своихъ мыслей. Каждой изъ нихъ поставилъ предъ собою по 12 ликторовъ съ полными знаками орудій, т. е. съ прутьями и топорами. Прибытіе ихъ на народную площадь возвѣстило изумленнымъ гражданамъ, чего они ожидать должны, и слѣдствіе доказало всю жестокость ихъ деспотическаго правленія. Доносы,

казни и ссылки умножились также, какъ при послѣднемъ Тарквиніѣ. Многіе зажиточные граждане разбѣжались къ союзникамъ, ибо ни кто не могъ быть безопаснымъ отъ шпіонства и гоненія притѣснителей. Одна надежда оставалась на истеченіе года, съ которымъ и власть Децемвировъ должна была кончится. Но Децемвиры рѣшились неуступать своей власти ни кому, доколѣ по словамъ ихъ не будетъ кончено великое дѣло сочиненія законовъ. За сею рѣшительностію послѣдовало всеобщее уныніе въ народѣ. Городъ почти опустѣлъ. Еквы и Волски, всегдашніе непріятели Римлянъ, воспользуясь нещастнымъ состояніемъ ихъ, принялись за оружіе.

Сіе непредусмотрѣнное обстоятельство смутило Децемвировъ. Они забыли выговорить себѣ право набирать войски, и не могли приступить къ сему безъ Сенатскаго опредѣленія. Нужда заставила ихъ созвать Сенаторовъ въ собраніе. Аппій подготовилъ кудрявую рѣчь, а въ доказательство справедливости изложенныхъ мыслей наполнилъ Сенатъ своими сообщниками. Однакожъ старые Сенаторы, особливо Валерій, внукъ Публиколы, и Горацій сильно возспали про-

тивъ тиранства Децемвировъ. Аппій хотѣлъ заставить замолчать ихъ говоря, что они призваны не для сужденія о правленіи, но для принятія мѣръ къ отраженію непріятеля. Въ продолженіе споровъ сего шумнаго собранія нѣкоторые изъ преданныхъ Аппію Сенаторовъ говорили между прочимъ, что поведеніе Децемвировъ должно предоставить зрѣлому сужденію, а теперь нужно послать ихъ съ войсками противъ непріятеля. Прочіе соучастники подхватили сію мысль, и Аппій, основываясь на голосахъ почти одной своей партіи, обнародовалъ оные Сенатскимъ опредѣленіемъ.

Въ слѣдствіе сего Децемвиры набрали три арміи, двѣ пошли противъ непріятелей, а третія подъ начальствомъ Аппія осталась въ Римѣ не столько для защиты города, сколько для содержанія жителей въ безусловномъ повиновеніи. Набранныя войски, проклиная и презирая предводителей, не могли сдѣлать имъ другаго зла, какъ только дали непріятелямъ побѣдить себя. Слухъ о семъ пораженіи привелъ жителей въ такую радость, какъ бы получили вѣсть о великой побѣдѣ. Всѣ начали судить начальниковъ, укорять ихъ въ незнаніи воен-

наго искуства и въ погубленіи гражданъ единственно по неспособности своей. Въ числѣ сихъ обвинителей болѣе прочихъ отличился извѣстный Дентатъ, который показывалъ всѣ ошибки, сдѣланныя Децемвирами въ настоящую компанію. Аппій, самъ или чрезъ шпіоновъ своихъ узнавъ о разговорахъ Дентата, удостоилъ его отличнымъ званіемъ Легата и отправилъ въ армію съ новымъ подкрѣпленіемъ и съ тайнымъ наставленіемъ погубить его.

Дентатъ, прибывши въ армію, далъ замѣтить начальникамъ невыгодность и даже опасность избраннаго ими мѣста для расположенія стана. Они попросили его пріискать другое выгоднѣйшее мѣсто, и для безопасности дали ему роту воиновъ; но сіи воины были подговоренные убійцы. Они завели Дентата къ ущеліямъ горъ и съ заду напали на него. Поздо увидѣлъ герой, что онъ обманутъ коварнымъ образомъ, и рѣшился сколько возможно дороже продать жизнь свою. Прислонясь къ скалѣ онъ отражалъ нападеніе убійцъ съ свойственнымъ ему мужествомъ. Пишутъ, что пятнадцать изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, придцать поранилъ, а прочіе оробѣвъ,

отступили и начали бросать въ него издали свои дротики; но видя, что успѣхъ сомнителенъ, нѣсколько человѣкъ вошли на скалу и завалили героя каменьями. Онъ палъ — и смерть его привела въ огорченіе и сожалѣніе всю армію. Децемвиры объявили, что Дентатъ убитъ непріятелями. Армія выпросила сдѣлать ему приспойное погребеніе, и рота воиновъ отправилась отдать послѣдній долгъ герою. Но какое было ея удивленіе, когда увидѣла, что ни одного непріятеля не было передъ Дентатомъ, а лежали одни Римляне во всемъ платьѣ и оружіи? Сіе доказало, что убійцы были его провожатые, и воины, предавъ тѣло героя землѣ, потребовали къ суду убійцъ; но когда увидѣли, что они скрыты, тогда вся армія вскипѣла яростію на Децемвировъ, и при первомъ случаѣ готова была низпровергнуть беззаконное правленіе.

Между тѣмъ Аппій, оставшись въ городѣ, злодѣйствовалъ съ своими участниками. Однажды, идучи изъ присудствія, встрѣтился онъ съ Виргиніею, молодою прекрасною дѣвицею, и, воспалясь къ ней скотскою страстію, попросилъ ея согласія. Виргинія была дочь Центуріона

Виргинія изъ Плебейскаго рода, и обручена въ супружество за Ицилія, бывшаго Трибуна народнаго. Аппій, не могши склонить ея ни ласкою, ни угрозами, рѣшился похитить ея такимъ образомъ, которому въ исторіи не было примѣра. Онъ подговорилъ кліента своего Клавдія назвать Виргинію своею невольницею и отнять у отца, бывшаго тогда въ арміи. Клавдій подстерегъ Виргинію, когда она шла въ училищѣ съ своею нянькою, и схватилъ какъ бѣглую невольницу. Виргинія испугавшись не знала, что дѣлать; нянька кричала и просила помощи у проходящихъ, которые, столпясь вокругъ Виргиніи, привели ее въ безопасность. Коварный Клавдій, уступя силѣ, потребовалъ себѣ Виргинію судебнымъ порядкомъ, объявя, что она дочь рабы его, проданной супругѣ Виргиніевой. Аппію надлежало рѣшить сію тяжбу. Законъ самихъ Децемвировъ говорилъ въ пользу Виргиніи, но судія приговорилъ нещастную какъ невольницу отдать Клавдію и употребилъ всѣ способы рѣшить сіе дѣло до прибытія отца ея изъ арміи. Ицилій при началѣ процесса послалъ гонца въ армію извѣстить Виргинія о предстоящей дочери его опасности, а самъ

едва могъ упросить адскаго судію, чтобъ исполненіе приговора отложить до прибытія отца Виргиніи изъ арміи. Аппій, отложивъ приговоръ до утра, послалъ между тѣмъ нарочнаго въ армію, чтобъ задержать Виргинія; но сей, будучи прежде увѣдомленъ нареченнымъ зятемъ, взялъ увольненіе и отправился въ Римъ окольною дорогою.

Слухъ о прибытіи Виргинія въ городъ встрѣвожилъ Аппія, но неотвратилъ его отъ злодѣйскаго предпріятія. Наутро, въ день рѣшительнаго приговора, нещастный отецъ повелъ на площадь нещастную дочь свою. Аппій, опасаясь народнаго возмущенія, вывелъ изъ капитоліи охранительное войско и разставилъ на площади. Ни доказательства отца, ни слезы дочери, ни сожалѣніе всего народа не склонили жестокосердаго Аппія рѣшить дѣло по закону и справедливости. Онъ приказалъ Клавдію взять Виргинію, какъ невольницу свою, и бѣдный отецъ едва могъ выпросить позволеніе допросить кормилицу въ присутствіи своей дочери. Народъ раздался. Виргиній отводитъ кормилицу и дочь свою въ сторону и, нечувствительно приближась къ мяснымъ лавкамъ, схва-

тилъ съ полка ножъ и закололъ дочь свою, сказавъ ей: одно сіе средство осталось, любезная дочь, спасти честь и независимость твою! потомъ, извлекши обагренный теплою кровію ножъ, клянется предать Аппія адскимъ фуріямъ и, пробѣгая съ ножемъ въ рукѣ по улицамъ, возбуждаетъ народъ къ отмщенію за невинность и къ защитѣ правъ своихъ. Выбѣжавъ изъ города, бросается на приготовленную лошадь и скачетъ въ армію въ сопровожденіи многихъ приставшихъ къ нему. Между тѣмъ Ицилій и дядя Виргиніи раздуваютъ пламя возмущенія въ городѣ.

Аппій, увѣдомясь о волненіи въ народѣ, приказалъ было схватить Ицилія, но къ нему сверхъ народной толпы пристали уже два знаменитые Сенатора Валерій и Горацій. Аппій, едва спасшійся отъ разъяренной черни, созываетъ народное собраніе. Валерій и Горацій приносятъ на другой конецъ площади тѣло Виргиніи и ставятъ на возвышенномъ мѣстѣ, чтобъ видимо было всему народу. Аппій, предвидя опасныя для себя послѣдствія отъ собранія, скрылся въ ближайшій домъ. Весь народъ принялъ сторону нещастной Виргиніи. Къ боль-

шему же раздраженію сердецъ противъ Аппія сродники Виргиніи сдѣлали ей богатое погребеніе. Тѣло ея поставлено было на возвышенной катафалкѣ, и въ печальной церемоніи несено по всему городу. Римскія госпожи и дѣвицы усыпали гробъ ея, цвѣтами, вѣнками и головными уборами своими. Всѣ сожалѣли о нещастной кончинѣ ея и неупустили ничего къ отданію ей послѣдняго долга великолѣпными погребательными обрядами.

Таково было состояніе дѣлъ въ Римѣ, когда старый Виргиній прибылъ въ армію съ подняпымъ ножемъ, обагреннымъ кровію своей дочери. Тамъ поднялось еще большее волненіе, нежели въ городѣ. Всѣ наперерывъ спрашивали старца о случившемся произшествіи и, узнавъ печальный конецъ онаго, каждый отецъ воспалился ревностію защитить права своей дочери. Всѣ вскричали: къ оружію! и снявшись съ лагеря, не смотря на угрозы и увѣщанія, пошли къ Риму и расположились на Авентинской горѣ. Другая армія, посланная противъ Сабинянъ, узнавши о движеніи первой арміи и будучи раздражена убійствомъ Дентата, послѣдовала тому же примѣру. Не-

доставало только начальниковъ. Виргиній предложилъ выбрать на время въ каждую армію по десяти военныхъ Трибуновъ, и подражая предкамъ обѣ арміи перешли на священную гору.

Послѣ сего начались переговоры. Народъ потребовалъ къ суду Децемвировъ и новыхъ себѣ преимуществъ. Сенату трудно было согласится на всѣ требованія. Наконецъ, по долгомъ прѣніи, опредѣлено Децемвирство уничтожить и возстановить прежнее Консульское правленіе. Валерій и Горацій избраны Консулами, а Ицилій и Виргиній Трибунами. Аппій и Оппій, главные виновники прошедшихъ безпорядковъ, не дождавъ приговора на злодѣянія свои, умертвили себя въ темницѣ. Прочіе Децемвиры и мнимый господинъ Виргиніи изгнаны, и тѣмъ сія трагическая сцена кончилась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъ изгнанія Децемвировъ до разрушенія Галлами Рима. Учрежденіе военныхъ Трибуновъ, Цензуры. Опредѣленіе войскамъ жалованья. Подвиги Камилла. Происшествія 60 лѣтъ, отъ 449 до 389 года до Р. Х.

Возстановленіе прежняго образа правленія хотя успокоило на короткое время волненіе народное, но не могло изкоренить вражды между двумя сословіями. Трибуны возобновили по прежнему притязанія свои на разныя не принадлежащія имъ преимущества, особливо законъ, помѣщенный въ послѣдней главѣ Уложенія, чтобъ Патриціямъ не входить въ родство съ Плебеянами, возбудилъ всеобщую ненависть къ Патриціямъ. Трибуны не только, что настояли на уничтоженіе сего закона, но потребовали, чтобъ и Консульское достоинство раздѣлено было между двумя сословіями такъ, чтобъ одного Консула выбирать изъ Плебеянъ. Сенатъ отклонилъ сіе предложеніе учрежденіемъ военныхъ Трибуновъ, которымъ предоставлялось начальство надъ войсками и Консульскіе знаки отличія, и въ которые позволено

было половинное число выбирать изъ Плебеянъ. Народъ удовольствовался сею уступкою власти, и въ знакъ благодарности выбралъ на первый годъ въ военные Трибуны всѣхъ изъ Патриціевъ. Въ скоромъ времени сіе званіе отмѣнено и учреждено опять Консульское правленіе.

Въ продолженіе бывшихъ смятеній не было 17 лѣтъ сряду поголовной переписи народу. Вступившіе послѣ военныхъ Трибуновъ въ правленіе Консулы вознамѣрились возобновить древній порядокъ, и пятилѣтнюю перепись народу поставить въ число коренныхъ законовъ; но какъ они, будучи обременены другими дѣлами, не имѣли времени заниматься сею переписью, то предложили избрать для сего особыхъ чиновниковъ, Цензорами называемыхъ, которымъ назначили не только распредѣленіе гражданъ на разныя сипаньи, смотря по ихъ состоянію, но также надзоръ за поведеніемъ ихъ, съ правомъ наказывать распутныхъ и порочныхъ, и нѣкоторыя другія по части государственнаго хозяйства должности, какъ то содержаніе общенародныхъ зданій, попеченіе о зборѣ и употребленіи казны и проч. Сія новая

должность, возложенная на Патриціевъ, сначала казалась неважною и Трибуны пропустили ее, но въ послѣдствіи сдѣлалась она очень сильною и даже страшною для самыхъ первыхъ особъ въ городѣ. Она по власти щиталась важнѣе Консульскаго достоинства и, находясь въ рукахъ не многихъ, но знатнѣйшихъ особъ, удержала Римлянъ на цѣлые вѣки отъ развращенія нравовъ.

Первоначально Цензоры находились безсмѣнно въ должности отъ одной переписи до другой, но по прошествіи осьми или девяти лѣтъ Диктаторъ Мамерцій Емилій сократилъ сію должность около 434 года до Р. Х. на 18 мѣсяцовъ такъ, что въ продолженіе остальныхъ трехъ съ половиною годовъ до новой переписи не было Цензуры. Какъ скоро народъ подтвердилъ сіе узаконеніе, то Диктаторъ, сложивъ съ себя званіе, сказалъ: долговременная служба въ высокихъ чинахъ мнѣ не нравится. Но Цензоры, будучи недовольны сокращеніемъ ихъ должности, отмстили Диктатору самымъ наглымъ образомъ. Они исключили его изъ списка той сотни, въ которой онъ находился, и чрезъ то лишили его права на подачу голоса и заставили по обы-

кновенію заплатить въ восемъ разъ большую подать. Народъ озлился на Цензоровъ за сію столь наглую обиду; но Емилій, презирая мщеніе, обезопасилъ гонителей своихъ отъ ярости народной.

Римляне, будучи заняты безпрестанною войною и внутренними раздорами, ни когда такъ часто не перемѣняли правленія, какъ въ сіе время. Военные Трибуны почти ежегодно смѣняли Консуловъ, а Консулы Трибуновъ и часто въ послабленіе тѣхъ и другихъ, или же для лучшаго въ дѣлахъ успѣха, избирались Диктаторы. Къ числу замѣчательныхъ произшествій сего времени съ дурной стороны относятъ предпріятіе Мелія похитить самодержавную власть, и когда умыселъ открылся, то Сенатъ для наказанія виновныхъ и для разрушенія заговора избралъ Диктаторомъ осьмидесятилѣтняго старца Цинцината. Когда Мелій не послушалъ приказанія явится къ суду, то посланный отъ Диктатора начальникъ конницы умертвилъ его. Цинцинатъ, разсѣявъ заговоръ и наказавъ начальника, не захотѣлъ преслѣдовать участниковъ его и, объявя всеобщее прощеніе, сложилъ съ себя тягостное ему Диктаторство.

Другое замѣчательное произшествіе съ той же дурной стороны было то, что войски въ первый разъ въ Римской исторіи побили каменьями начальника своего Консула Постумія за его жестокость. Сенатъ къ укрощенію бунта принужденъ былъ употребить кроткія мѣры. Наказавъ главныхъ виновниковъ, прочимъ даровалъ прощеніе.

Но главнѣйшая перемѣна, послужившая къ завоеваніямъ Римлянъ, состояла въ томъ, что Сенатъ, ведя непрерывную съ сосѣдними народами кратковременными набѣгами войну, рѣшился опредѣленіемъ войску жалованья положить прочное основаніе военнымъ дѣйствіямъ; ибо до сего времени воины, служившіе на своемъ содержаніи и обременѣнные домашними заботами, выходили въ походъ на самое короткое время, и каждая напольность рѣдко продолжалась долѣе мѣсяца. Такая война не могла быть рѣшительна, походила болѣе на грабежи и набѣги, и часто продолжалась многіе годы безъ рѣшительнаго успѣха. Коль же скоро воины поступили на казенное содержаніе, то имъ не было уже надобности заботится о скорѣйшемъ возвращеніи въ домы и даже выгоднѣе было оста-

вался въ службѣ на жалованье, нежели работою снискивать себѣ пропитаніе. Сія перемѣна не смотря на то, что была благодѣтельна для бѣдныхъ гражданъ, не понравилась народнымъ Трибунамъ. Можетъ быть они предвидѣли, что изъ сего выдетъ новое отдѣльное сословіе, способное поддерживать власть честолюбцевъ; и хотя Сенаторы и Патриціи обложили самихъ себя податью на содержаніе войскъ, не требуя отъ народа ничего, кромѣ добровольнаго приношенія, однако же Трибуны долго противились сему постановленію, и принуждены были уступить общему согласію народа на сію перемѣну.

Въ слѣдъ за симъ Римляне рѣшились осадить Веію, столицу Етрусковъ, сильнѣйшаго народа и всегдашняго непріятеля Римлянъ. При сей осадѣ въ первой разъ показалось у Римлянъ употребляемое въ послѣдствіи инженерное искусство; но по не согласію и перемѣнамъ начальниковъ, и по сильному отпору со стороны осажденныхъ, Римляне стояли предъ Веіею, подобно какъ Греки передъ Троею, около десяти лѣтъ. Наконецъ Камиллу Диктатору предоставлена была слава прорыть подземной ходъ подъ

стѣны и взять городъ приступомъ. За сію услугу и за побѣды, одержанные надъ непрїятелемъ, Камиллъ почтенъ былъ блистательнымъ тріумфомъ.

Вскорѣ по взятіи Веіи поручено было Камиллу, въ званіи военнаго Трибуна, выступить въ походъ противъ Фалисковъ, безпокоившихъ Римлянъ своими набѣгами. При семъ случаѣ разсказываютъ анекдотъ, за вѣрность коего ручатся однакожъ не можно. При осадѣ Фалеры, столицы Фалисковъ, одинъ учитель подъ видомъ прогулки вывелъ за городъ учениковъ своихъ изъ первѣйшихъ фамилій и подвелъ ихъ къ Камиллу въ томъ намѣреніи, чтобъ задержаніемъ сихъ дѣтей доставить Камиллу скорѣйшій успѣхъ во взятіи города; а ему за такое предательство получить награду. Камиллъ, досадуя на столь гнусную измѣну, приказалъ учителю связать руки назадъ и отдалъ ученикамъ, чтобъ они прогнали его обратно въ городъ розгами. Жители изъ благодарности къ Камиллу добровольно покорились, внесли для награды воинамъ положенную на нихъ контрибуцію и поддались въ покровительство Римлянъ.

Однакожъ Камиллъ, не смотря на великія услуги, оказанныя имъ отечеству, неизбѣжалъ гнѣва народныхъ Трибуновъ. Сначала вмѣнили ему въ преступленіе, что онъ по взятіи Веіи ѣхалъ въ тріумфальной колесницѣ на бѣлыхъ лошадяхъ, посвященныхъ Юпитеру; потомъ сердились на него, что онъ воспротивился намѣренію Римлянъ поселится въ Веіи; въ слѣдъ за тѣмъ донесли на него, что онъ присвоилъ себѣ десятую часть добычи, полученной при взятіи Веіи. По послѣдней причинѣ Камиллъ пришелъ въ ненависть и у самаго народа не потому, чтобъ онъ дѣйствительно воспользовался сею добычею; но за то, что онъ, раздѣливъ оную войску, вздумалъ послѣ поднести десятину изъ оной въ жертву Аполлону и потребовалъ сію часть назадъ у воиновъ. Но многіе изъ нихъ успѣли уже продать, прожить и даже промотать пріобрѣтенное, и не въ состояніи были возвратить требуемаго. Римскія госпожи добровольно согласились внести за нихъ потребную сумму, и хотя дѣло тѣмъ кончилось, но неудовольствіе осталось въ сердцахъ противъ Камилла. Трибуны потребовали его къ суду, и вѣрный защитникъ оте-

чества, неожидая приговора, добровольно удалился въ ссылку. Выходя изъ города и видя общее къ нему равнодушіе не могъ удержаться отъ слабости, чтобъ не попросить боговъ довести неблагодарное отечество его до разкаянія.

Желаніе Камилла вскорѣ исполнилось. Галлы, перешедшіе во времена Тарквинія старшаго изъ за Алпійскихъ горъ и поселившіяся въ сѣверной части верхней Италіи, ворвались въ Етрурію. Они подъ начальствомъ Царя своего Бренна осадили Клузію. Клузіяна попросили помощи у Римлянъ; но Римляне, вмѣсто войска, отправили къ Бренну посольство съ предложеніемъ, чтобъ онъ отступилъ отъ города. Царь отвѣчалъ, что Клузіяне отказали ему въ уступкѣ такихъ земель, которыхъ сами не могли обрабатывать, и что онъ по праву меча желаетъ получить себѣ то, въ чемъ отказано ему по прозьбѣ. Послы изъ знаменитаго рода Фабіевъ, огорчась симъ отвѣтомъ и вмѣсто того, чтобъ возвратится въ Римъ съ донесеніемъ о не удачномъ успѣхѣ посольства, вошли въ Клузію и сдѣлали на Галловъ вылазку подъ своимъ начальствомъ. Одинъ изъ нихъ Фабій Амбустій былъ узнанъ Гал-

лами, и Бреннъ, негодуя на сей неприличный посламъ поступокъ, жаловался Римскому Сенату; но неполучивъ удовлетворенія, обратилъ весь гнѣвъ свой на Римлянъ.

Римляне, узнавъ о предстоящей опасности, выслали противъ Бренна армію подъ начальствомъ шести военныхъ Трибуновъ. Несогласіе сихъ начальниковъ и малое искуство въ военномъ дѣлѣ были причиною, что Бреннъ разбилъ ихъ на голову при рѣкѣ Алліи, за 19 верстъ отъ Рима, и приступилъ къ городу. Жители, неимѣя возможности отразить непріятеля, разбѣжались большею частію по ближнимъ городамъ и селеніямъ; а отважнѣйшіе заперлись въ Капитоліи, перенеся туда запасы, оружіе и имущество свое. Старѣйшіе Сенаторы, числомъ до осьмидесяти, подражая Кодру и Леониду, добровольно обрѣкли себя на смерть. Они, во всемъ одѣяніи Сенаторскомъ и съ жезлами въ рукахъ, сѣли на народной площади въ курульныхъ креслахъ своихъ и спокойно ожидали смерти.

Бреннъ вошелъ въ городъ и, не встрѣчая ни кого на улицахъ, сначала изумился, потомъ отрядилъ часть войска для осады Капитолія, а прочимъ позволилъ

для грабежа разсѣятся по городу. Галлы, увидя издали Сенаторовъ, неподвижно сидящихъ въ креслахъ своихъ, почли ихъ за боговъ, и одинъ воинъ, подойдя къ Папирію, бывшему однажды Диктаторомъ, началъ гладить его бороду. Папирій, не говоря ни слова, ударилъ его жезломъ по головѣ. Галлъ, выхватя мечь, изрубилъ Сенатора и тѣмъ подалъ знакъ товарищамъ своимъ къ убіенію прочихъ. Въ слѣдъ за симъ и самый городъ превращенъ въ пепелъ, при чемъ погибли и великолѣпные памятники древней архитектуры, воздвигнутые въ царствованіе Тарквиніевъ.

Между тѣмъ Камиллъ, видя отечество свое на краю погибели, склонилъ Арентинцовъ, у которыхъ онъ жилъ по изгнаніи своемъ, приняться за оружіе. Собравъ небольшой корпусъ онъ напалъ въ расплохъ на Галловъ, возвращающихся къ главной арміи съ набраннымъ продовольствіемъ, и большую часть порубилъ ихъ. Слухъ о сей побѣдѣ и о другихъ удачныхъ набѣгахъ Камилловыхъ разнесся по окрестностямъ. Разсѣянные послѣ пораженія при Алліи Римскіе воины начали стекатся изъ всѣхъ мѣстъ подъ знамена искуснаго вождя своего, и

съ общаго согласія избрали его главнокомандующимъ. Камиллъ, изъ уваженія къ законамъ своего отечества, несогласился принять начальства надъ Римлянами, доколѣ не будетъ разрѣшенъ отъ изгнанія и доколѣ не получитъ на предлагаемое начальство утвержденія отъ Сената. Но Сенатъ былъ въ Капитоліи, осажденной непріятелемъ. Одинъ молодой Плебеянинъ, по имени Коминій, вызвался доставить требуемое Камилломъ подтвержденіе. Онъ на пробковыхъ коркахъ сплылъ по Тибру къ крѣпости и, перепалзывая съ камня на камень по крутизнѣ скалы, взобрался наконецъ съ великимъ трудомъ до перваго часоваго, объявилъ ему имя свое и просилъ довести до начальниковъ. Явясь предъ ними донесъ о побѣдахъ Камилловыхъ въ званіи партизана и о причинѣ его прибытія. Тотчасъ собрались укрывшіяся въ Капитоліи Сенаторы, уничтожили приговоръ о Камиллѣ, избрали его Диктаторомъ и немѣшкавъ отпустили Коминія, которой, возвратясь тою же дорогою, вручилъ Камиллу Сенатское опредѣленіе.

Галлы узнавши ли, что Коминій былъ въ Капитоліи, или сами примѣтили,

что по скалѣ можно взобратся до оной, отправились ночью нѣсколько человѣкъ на сіе предпріятіе. Они поднялись на самой верхъ горы съ такою осторожностію, что ни часовые, ни собаки ихъ неслыхали; одни гуси, посвященные Юнонѣ, которые при самомъ крайнемъ голодѣ изъ набожности содержались въ Капитоліи, услышавъ шорохъ закричали и замахали крыльями. Манлій Патрицій пробудился, ударилъ въ набатъ и, замѣтя одного непріятеля уже на скалѣ, столкнулъ его въ стремнииу, а сей паденіемъ своимъ сшибъ нѣсколько и другихъ товарищей. Когда же сбѣжались на тревогу прочіе воины, то каменьями и шестами низринули со скалы и остальныхъ непріятелей. По избѣжаніи опасности поутру часовыхъ осудили на смерть и спѣхнули въ туже стремнину, а гусямъ за спасеніе Капитолія установили ежегодное празднество, при которомъ одного гуся несли на богатыхъ носилкахъ, а позади вели собаку привязанную къ висѣлицѣ.

Плутархъ и Римскіе историки повѣствуютъ еще, что Галлы, соскучась продолжительною осадою и будучи лишены Камилломъ средствъ къ продоволь-

ствію, вошли въ переговоры съ осажденными въ Капитоліи. Римляне такъ же, претерпѣвая ужасной голодъ и не получая ни какихъ извѣстій о дѣйствіяхъ Камилла, склонны были къ примиренію. Бреннъ попребовалъ тысячу фунтовъ золота за то, чтобъ выдти изъ Римскихъ владѣній. Осажденные согласились за сію цѣну искупить себѣ свободу, и когда военный Трибунъ Сулпицій, здавая золото, жаловался, что Галлы его обвѣшивали, то Бреннъ вмѣсто отвѣта, положа мечь свой на вѣсы, вскричалъ: горе побѣжденнымъ! въ то самое время является Камиллъ съ передовымъ войскомъ, перерываетъ споръ, приказывая золото взять обратно, и какъ Диктаторъ объявляетъ, что Римляне неимѣли права безъ его согласія войти въ переговоры, примолвя, что мечемъ, а не золотомъ Римляне должны пріобрѣсть себѣ миръ. Раздраженный Бреннъ начинаетъ сраженіе. Камиллъ выгоняетъ его изъ города; въ слѣдъ за тѣмъ въ 20 верстахъ отъ Рима даетъ рѣшительное сраженіе и побиваетъ Галловъ на голову такъ, что нѣкому было принести вѣсти на родину о семъ пораженіи. Полибій напротивъ увѣряетъ что Галлы

обошлись дружелюбно съ Римлянами, возвратили имъ городъ и отступили для защиты собственной своей земли, Вейетами опустошаемой.

По выгонѣ непріятеля изъ города Трибуны склоняли народъ переселится въ Веію, въ которой нашли бы готовые домы и все нужное. Но Сенатъ, Патриціи и самъ Камиллъ настояли въ томъ, чтобъ не оставлять мѣста рожденія, славы вѣками пріобрѣтенной, и боговъ покровителей. Въ слѣдствіе сего позволено было вновь строится всѣмъ, кто какъ пожелаетъ, и употреблять оставшіяся отъ пожара матеріялы. Не было отведено мѣстъ, не выдано плановъ, даже не разбиты были улицы и площади. Кто что успѣлъ захватить, тотъ тѣмъ и владѣлъ, и кто какъ вздумалъ построить домъ, въ прямую линію съ прочими или иначе, такъ и строился. Отъ сего вышло, что многіе домы построены были на бывшихъ улицахъ, и проведенные Тарквиніями стоки остались подъ домами. Такой безпорядокъ и невѣжество въ архитектурѣ не дѣлаетъ чести Римлянамъ тогдашняго вѣка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъ возобновленія Рима до войны съ народами Южной Италіи. Внутренніе раздоры. Моровая язва. Постелесланіе, водруженіе булавы. Произшествія 47 лѣтъ, отъ 389 до 342 года до Р. Х.

Камиллъ послѣ пораженія Галловъ безпрестанно приходилъ въ силу и славу. Онъ одержалъ вновь многія побѣды надъ сосѣдними народами, и пріобрѣлъ въ Римѣ почти неограниченную власть, которою однакожъ не пользовался для личныхъ видовъ своихъ, но употреблялъ единственно къ прекращенію раздоровъ и ко благу своего отечества.

Напротивъ того Манлій, спасшій Капитолію и отличившійся во многихъ сраженіяхъ своею храбростію, обольстился, какъ говорятъ, самодержавною властію. Въ семъ намѣреніи старался онъ войти въ любовь у народа, уплачивалъ долги за бѣдныхъ, поддерживалъ неудовольствіе Плебеянъ на Патриціевъ, и когда позванъ былъ къ суду Диктаторомъ Коссомъ и посаженъ въ тюрьму, то любовь народная и сообщники спасли его. Избавясь сей первой опасности Манлій

еще болѣе началъ простирать честолюбивые виды свои на правительство, внушалъ народу требовать раздѣла земель и уничтоженія различія въ сословіяхъ. Сенатъ принужденъ былъ для ослабленія власти Манліевой выставить противъ него Камилла, которой, будучи избранъ военнымъ Трибуномъ, потребовалъ Манлія къ суду для поданія отчета въ поведеніи своемъ. Манлій, представъ на судъ, указалъ вмѣсто отвѣта на спасенную имъ Капитолію. Народъ несогласился судить преступника въ виду такого зданія, которое напоминало оказанную имъ услугу отечеству. Надлежало перенести судъ на другое мѣсто — и Манлій, обвиненный въ домогательствѣ верховной власти, низверженъ былъ съ спасенной имъ Капитоліи.

Не важныя брани съ сосѣдними народами и внутренніе раздоры были продолженіемъ Римской исторіи, пока честолюбіе одной женщины неизмѣнило образа правленія. Двѣ дочери Фабія Амбуста выданы были въ замужество, одна за Патриція, а другая за богатаго плебеянина. Послѣдняя, бывъ однажды у сестры своей и видя отдаваемое ей почтеніе, какъ супругѣ Консула, огорчи-

лась, что замужествомъ своимъ поступила въ классъ простаго народа. Послѣ сего она стала печальна, задумчива. Отецъ, узнавъ причину скорьби дочери своей и по нѣжной къ ней любви, хотѣлъ поправить состояніе ея. Лициній, супругъ ея и Секстій молодой плебеянинъ, проникли въ намѣренія Фабія. Они, получивъ званіе народныхъ Трибуновъ, предложили во первыхъ, уничтожить военное Трибунство и возстановить Консульское правленіе съ тѣмъ, чтобъ одного Консула выбирать изъ плебеянъ; во вторыхъ, уничтожить наросшіе проценты отъ народныхъ долговъ, и въ третьихъ, ограничить владѣніе земель, не позволяя одному лицу имѣть болѣе пяти сотъ десятинъ, а излишную отобрать въ пользу бѣдныхъ безземельныхъ гражданъ.

Сіи, столь противныя Патриціямъ и богатымъ плебеянамъ предложенія, произвели новыя смятенія въ городѣ. Патриціи прибѣгнули къ хитрости, преклонивъ прочихъ Трибуновъ на свою сторону. Лициній и Секстій отплатили такою же хитростію, не соглашаясь ни въ чемъ со мнѣніемъ товарищей своихъ. Отъ сего вышло, что при наступив-

шихъ выборахъ невозможно было ни съ одной стороны вынудить согласія. Пять лѣтъ продолжались сіи раздоры, и наконецъ Римъ доведенъ былъ до безначалія. Одна война противъ Велитровъ вынудила всѣхъ согласится на избраніе шести военныхъ Трибуновъ, но внутренніе раздоры не прекратились. Лициній и Секстій, будучи избраны осьмой разъ народными Трибунами, возобновили требованія свои съ большею противъ прежняго настойчивостію. Сенатъ принужденъ былъ избрать Камилла Диктаторомъ; но и сей знаменитый мужъ не могъ привести въ послушаніе Трибуновъ, которымъ и самая Диктаторская власть, по частому ея употребленію, не казалась уже столь священною.

Камиллъ, недостигнувъ цѣли Сената возстановленіемъ Консульскаго правленія на прежнемъ основаніи, сложилъ съ себя Диктаторство; но вскорѣ опять принялъ оное въ пятый разъ по случаю вторичнаго нашествія Галловъ. Страхъ овладѣлъ всѣми умами. Но Камиллъ замѣтя въ прежнюю войну, что Галлы дѣйствовали болѣе всего острыми мечами своими, противъ которыхъ Римляне, по новости для нихъ сего оружія, не

имѣли ни какой защиты; по сему приказалъ воинамъ своимъ сдѣлать шлемы изъ листоваго желѣза, обложить щиты мѣдными обручами и, выдавъ имъ долгія копья для предупрежденія ударовъ, пошелъ на непріятеля. Сраженіе близъ рѣки Аньо оправдало предусмотрительность Камиллову. Галлы не только были разбиты, но и вошли въ презрѣніе у Римлянъ, которые дивились болѣе собственному своему малодушію и страху.

Обременѣнный лѣтами и славою Камиллъ, по торжественномъ въѣздѣ въ Римъ, хотѣлъ сложить съ себя Диктаторство; но Сенаторы упросили его остаться въ семъ званіи на коротkое время для усмиренія Трибуновъ, и когда онъ властію своею хотѣлъ остановить дѣйствія Лицинія и Секстія, то сіи посягнули и на самую величайшую власть, приказавъ ликторамъ взять подъ арестъ самаго Диктатора. Ни когда ожесточеніе не доходило до такой высокой степени, какъ при семъ случаѣ. Патриціи вступились за Диктатора, народъ за Трибуновъ, и въ первой разъ замѣчено, что многіе голоса изъ народной толпы кричали Камиллу: долой, долой.

Диктаторъ, будучи далекъ отъ меж-

доусобной брани и сохраняя среди всеобщаго смятенія свойственное ему равнодушіе, попросилъ Трибуновъ отложить на часъ требованія свои, а самъ съ большею частію Сенаторовъ пошелъ въ храмъ молится богамъ о прекращеніи взаимной вражды, и далъ обѣщаніе построить храмъ согласію коль скоро народныя распри прекратятся. Потомъ присовѣтовалъ Сенаторамъ уступить силѣ и согласится на избраніе одного Консула изъ плебеянъ, къ чему клонилось главное намѣреніе Трибуновъ. Въ слѣдъ за тѣмъ принятъ законъ Лициніевъ, ограничивающій владѣніе земли не больше 500 десятинъ каждому лицу. Коль скоро Диктаторъ объявилъ на сіи статьи Сенатское согласіе, то народъ съ восторгомъ проводилъ его до дому, примирился съ Сенатомъ, и на другой же день опредѣлено на томъ самомъ мѣстѣ построить по обѣщанію Камилла храмъ согласію.

При выборѣ новыхъ Консуловъ Секстій первый за 366 лѣтъ до Р. Х. поступилъ въ сіе званіе изъ плебеянъ; на другой годъ занялъ его мѣсто Лициній, зять Фабіевъ. Камиллъ въ замѣну сего установилъ избирать ежегодно изъ Патриціевъ двухъ Преторовъ, на кото-

рыхъ возложено было внутреннее городское управленіе и гражданской судъ; ибо Консулы, по причинѣ безпрестаннаго почти занятія военными дѣлами, не имѣли времени наблюдать за внутреннимъ порядкомъ въ городѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждено выбирать изъ Патриціевъ же двухъ курульныхъ Едиловъ для надзора за общенародными играми, хлѣбными и другими запасами, получаемыми въ добычу отъ непріятелей.

Преторы и курульные Едилы, равно какъ Консулы, Цензоры и Диктаторы, имѣли право сидѣть въ креслахъ изъ слоновой кости, что давало имъ званіе благородства, отличное отъ Патриціевъ. Первое пріобрѣталось службою, второе было наслѣдственное.

Моровая язва, похитившая осьмидесяти-лѣтняго Камилла за 364 года до Р. Х., произвела въ народѣ всеобщее уныніе. Всѣ бросились въ храмы молится богамъ, установили въ честь имъ большія игры, при чемъ въ первый разъ показались въ Римѣ лицедѣйственныя представленія, и возобновили древніе обряды, изъ коихъ замѣчательны постелесланіе и водруженіе булавы въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго. Въ первомъ обрядѣ

набожность Римлянъ соединена была съ человѣколюбіемъ. Ставились въ храмахъ богатые столы, накрытые кушаньемъ, постилались вокругъ постели и переносились на нихъ истуканы предполагая, что сами боги въ изображеніяхъ своихъ присудствуютъ и принимаютъ въ даръ имъ приносимое. Вмѣстѣ съ тѣмъ накрыты были столы во всѣхъ домахъ города, приглашались къ нимъ и знакомые и незнакомые, снимались цѣпи съ колодниковъ, прекращались взаимныя ссоры и тяжбы; а набожные прощали долги и выпускали на волю часть рабовъ своихъ. Въ другомъ обрядѣ заключалась одна прелесть для глазъ безъ всякой пользы. Римляне думали, что можно пригвоздить язву булавою, какія обыкновенно вколачивались Консулами и военными Трибунами по прошествіи каждаго года для означенія лѣтосчисленія. Но чтобъ дать еще болѣе блеску сей торжественной процессіи, избранъ былъ нарочно для сего случая Диктаторъ; однакожъ Трибуны, по водруженіи булавы и по окончаніи процессіи, тотчасъ принудили Диктатора сложить съ себя званіе.

Въ заключеніе сей главы можно замѣтить, когда Консулъ изъ плебеянъ

Генуцій, по оплошности своей, погибъ на войнѣ противъ Гарниковъ, то Патриціи приписали неудачу Римскаго оружія тому, что главнокомандующій былъ изъ плебеянъ. Но Лициній, избранный въ другой разъ въ Консулы, опровергнулъ предубѣжденіе, поддержалъ довѣріе къ личнымъ достоинствамъ и славу Римскаго оружія. Сей же самый Лициній преданъ былъ суду за нарушеніе собственнаго своего закона. Имѣя земли болѣе тысячи десятинъ и не желая по изданному узаконенію лишится оной, онъ переписалъ половину на своего сына; однакожъ не увернулся отъ платежа денежнаго шпрафа, который самъ помѣстилъ въ узаконеніи на подобные случаи.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Продолжительная война съ Самнитянами и прочими народами Южной Италіи. Произшествія 60 лѣтъ, отъ 342 до 282 года до Р. Х.

Римляне, при безпрестанныхъ почти раздорахъ во внутренномъ управленіи и ведя непрерывную войну съ сосѣдними народами, успѣли наконецъ однѣхъ по-

корить подъ свою зависимость, другихъ столько ослабить, чтобъ небоятся ихъ могущества. Сабиняне, Етруски, Латины, Гарники, Еквы и Волски были покорены; Галлы нѣсколько разъ покушались врыватся въ Римскія владѣнія, но всякой разъ отражаемы были съ великимъ для нихъ уономъ. Но оставался еще сильный народъ въ Южной Италіи.

Самнитяне, живущіе въ областяхъ нынѣшняго Неаполитанскаго Королевства, были многолюдны, храбры и подобно Римлянамъ имѣли частыя вражды съ прочими народами Южной Италіи. Въ послѣдній разъ они имѣли войну съ Сидиціянами и Кампанцами, изъ коихъ послѣдніе, не въ силахъ будучи сами собою отразить непріятеля, просили помощи у Римлянъ. Сенатъ Римской не могъ согласиться на прозьбу потому, что находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Самнитянами. Но Кампанцы выдумали другое средство преклонить Римлянъ на свою сторону. Они добровольно уступили Римлянамъ часть плодоносныхъ земель своихъ и сами отдались въ подданство. Римляне не могли устоять противъ столь опаснаго искушенія, прельстились землею и властолюбіемъ, и от-

правили къ Самнитянамъ посольство съ предложеніемъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Самнитяне, зная причину и будучи недовольны, что Римляне вмѣшиваются не въ свое дѣло, рѣшительно отказали на предложеніе.

Въ слѣдствіе сихъ переговоровъ Римляне объявили Самнитянамъ войну и заняли Капуу, Кампанскую столицу своими войсками. Богатство, роскошь и веселости, царствующіе въ Капуѣ, прельстили и развратили Римскихъ воиновъ. Они умыслили выгнать жителей и овладѣть городомъ. Консулъ, увѣдомясь о заговорѣ, вывелъ войски за городъ и, занимая ихъ переходами съ одного мѣста на другое, недопустилъ произвести въ дѣйство злаго умысла. Но воины, будучи увѣрены, что неостанутся безъ должнаго наказанія, явно взбунтовались и пошли къ Риму въ надеждѣ покорить отечество свое вооруженною рукою. Въ столь смутныхъ обстоятельствахъ Сенатъ избралъ Валерія Корва Диктаторомъ и отправилъ пропивъ мятежниковъ съ другою вновь набранною арміею. Войски сблизились, построились и готовы были начать жестокую междоусобную битву. Но Валерій другъ народа и

любимый полководецъ, сожалѣя о предстоящей гибели великаго множества гражданъ, рѣшился употребить напередъ кроткія мѣры. Онъ ласковостію и сильными доводами обезоружилъ мятежниковъ, и успѣлъ сдѣлать ихъ покорными закону и начальству, предавъ забвенію прошедшее ихъ непослушаніе.

Римляне, непріобрѣвъ почти ни какой выгоды въ войнѣ противъ Самнитянъ, вскорѣ съ ними примирились. Но сей миръ, перемѣнивъ бывшія связи Римскихъ союзниковъ, произвелъ другую войну гораздо опаснѣйшую. Латины, участвуя съ Римлянами во всѣхъ походахъ, остались недовольными тѣмъ, что Римляне пользуясь ихъ трудами, недопускали къ равному участію въ правленіи. Они рѣшились силою оружія приобрѣсть себѣ право гражданства. Имѣя одинакое военное искуство и сражаясь прежде подъ начальствомъ Римскихъ полководцевъ, они были самыми опасными для Римлянъ непріятелями. Манлій Торкватъ и Децій Мусъ, вступившіе на тотъ годъ въ Консульство, отличились въ сей войнѣ, одинъ строгимъ наблюденіемъ военнаго порядка, другой любовію къ отечеству. Когда арміи выстроились

одна противъ другой, имѣя одинъ языкъ, одну одежду, одно оружіе и одинакое военное искуство, то Манлій, для предупрежденія замѣшательства и безпорядка, далъ приказъ своей арміи, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не выходить изъ рядовъ подъ смертною казнію до его повелѣнія.

Мецій, начальникъ непріятельской конницы, вздумалъ задрать Римлянъ. Онъ, выступя на поле сраженія, вызывалъ Римлянъ на поединокъ. Всѣ горѣли желаніемъ сразится, но ни кто не смѣлъ нарушить даннаго по арміи строгаго приказа. Наконецъ Титъ Манлій, сынъ главнокомандующаго, вступясь за честь товарищей своихъ, выходитъ на поединокъ, убиваетъ дерзкаго непріятеля и, взявъ его оружіе, возвращается на свое мѣсто при радостномъ восклицаніи всей арміи. Но юный герой чувствуя, что нарушилъ военной уставъ, идетъ съ поникшею главою къ отцу своему, полагаетъ предъ нимъ трофеи, извиняется, что наслѣдственная въ родѣ ихъ храбрость недопустила его стерпѣть дерзкаго вызова и упрѣковъ въ трусости. Главнокомандующій отворачиваетъ лице свое отъ преступника; потомъ съ нѣжностію отца и сквозь сле-

зы говоритъ ему: поданный тобою примѣръ неповиновенія къ начальству доводитъ меня до жестокой необходимости пожертвовать тобою. Не будемъ оправдываться, любезный сынъ, строгостію опредѣленія. Согласимся лучше жизнію своею доказать повиновеніе къ закону и любовь къ отечеству. Потомъ приказываетъ ликторамъ казнить преступника, и обратясь къ окружающимъ его подчиненнымъ начальникамъ и воинамъ, говоритъ имъ: смерть моего сына да послужитъ вамъ урокомъ въ нарушеніи закона.

Всѣ предстоящіе оцѣпенѣли отъ ужаса, когда увидѣли отрубленную голову молодаго Манлія. Но ужасъ ихъ превратился въ неукротимый гнѣвъ на непріятеля. Консулъ, воспользуясь сею общею ревностію, далъ приказъ къ сраженію. Ожесточеніе Римлянъ за смерть Манлія было столь велико, что они, не смотря на отчаянное сопротивленіе, одержали на своемъ крылѣ совершенную побѣду; но другое крыло, подъ начальствомъ Деція Муса, не могло выдержать сильнаго напора и начало отступать. Децій, для возбужденія мужества въ воинахъ, рѣшился пожертвовать своею жизнію.

Онъ въ виду всей арміи обрѣкся адскимъ богамъ за спасеніе Рима и, получивъ отъ Манлія, какъ исправляющаго должность главнаго жреца, наставленіе, врубается съ оружіемъ въ рукахъ въ непріятельскую армію, поражаетъ всѣхъ вспрѣчающихся съ нимъ доколѣ неиспустилъ дыханія подъ ударами непріятелей. Латины напротивъ того, имѣя одинакую вѣру къ обрѣкшимся на смерть, оробѣли и, потерявъ сраженіе, согласились на условія мира, гораздо постыднѣйшія прежнихъ.

Между тѣмъ миръ, заключенный съ Самнитянами, былъ не проченъ. Къ нимъ пристали и Кампанцы, тѣ самые, за которыхъ Римляне открыли первую войну на Самнитянъ. Непріятельскія дѣйствія, перерываемыя часто перемиріями, продолжались нѣсколько лѣтъ почти съ равнымъ съ обоихъ сторонъ успѣхомъ и, непроизведя ни чего рѣшительнаго, служили только къ истребленію народа. Наконецъ Понтій, начальникъ Самнитянъ, невозмогши побѣдить Римлянъ силою оружія, вздумалъ употребить хитрость. Онъ около 321 года до Р. Х. подослалъ къ Римлянамъ переодѣтыхъ въ крестьянское платье воиновъ своихъ.

которые, подъ видомъ указателей кратчайшей дороги, завели Римскую армію въ узкія непроходимыя ущелія, окруженныя непріятелемъ. Получивъ успѣхъ въ хитрости Понтій попросилъ совѣта у Геренія отца своего, какъ поступить съ непріятельскою арміею. Старецъ отвѣчалъ, что по свойству Римлянъ должно избрать одно изъ двухъ средствъ: или побить всѣхъ на голову, или выпустить безъ всякаго вреда. Первое средство ослабитъ Римлянъ, а второе сдѣлаетъ ихъ благодарными къ великодушію Самнитянъ. Но Понтій не послушалъ совѣтовъ старца и, по тщеславію своему, заставилъ Римскую армію пройти подъ яремъ и положить оружіе. Сіе жестокое поношеніе послужило только къ раздраженію сердецъ и къ нестерпимому желанію отмстить. Римляне искали благовиднаго предлога къ нарушенію мирныхъ условій и, не найдя онаго, объявили, что Консулы не въ правѣ были заключить миръ безъ воли Сената и отослали ихъ на жертву побѣдителю. Понтій поздо примѣтилъ ошибку свою и видя, что два Консула не могутъ замѣнить бывшей въ рукахъ его цѣлой арміи, отпустилъ ихъ безъ всякаго вреда

и приготовился къ продолженію войны. Не долго могъ онъ противится звѣрскому мщенію Римлянъ, которые, поражая Самнитянъ при каждой встрѣчѣ, отплатили имъ подобнымъ поношеніемъ, довели до совершеннаго разслабленія и принудили наконецъ, за 290 лѣтъ до Р. Х. подписать миръ, на какихъ условіяхъ Римлянамъ угодно было.

Самнитская война, продолжавшаяся около 50 лѣтъ, истребила множество людей и перемѣнила политическое состояніе Италіи. До сего времени Римляне неимѣли почти ни какого вліянія на дѣла великой Греціи или Южной Италіи; но въ сію войну большая часть городовъ въ сей прекрасной землѣ покорились ихъ могуществу, и сохранившіе независимость свою города не могли уже держать равновѣсія и должны были, рано или поздо, подвергнуться единоначалію Римлянъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Кровопролитная война съ Пирромъ, Епирскимъ Государемъ. Состояніе Римлянъ предъ началомъ Пуническихъ браней. Произшествія 18 лѣтъ, отъ 282 до 264 года до Р. Х.

Спустя нѣсколько лѣтъ по заключеніи съ Самнитянами мира, Римляне должны были выдержать еще жестокую войну противъ Пирра, Епирскаго Государя, въ которую вмѣшались и Самнитяне съ другими народами Южной Италіи.

Въ числѣ Самнитскихъ союзниковъ находились Тарентинцы, начально переселившіяся изъ Спарты и основавшіе въ Южной Италіи городъ Тарентъ. Они превосходили всѣхъ сосѣдей своихъ богатствомъ, роскошію и гордостію; презирали Римлянъ, какъ варваровъ, и не видѣли ихъ, какъ завоевателей. Они по безразсудности своей, притѣснивъ нѣсколько Римскихъ судовъ, вошедшихъ въ ихъ гавань, подали случай къ посольству отъ Римлянъ съ требованіемъ удовлетворенія. Когда же прибыли послы изъ знатнѣйшихъ Сенаторовъ, то Тарентинцы, вмѣсто должнаго къ нимъ уваженія,

приняли ихъ съ презрѣніемъ, и даже одинъ грубіянъ замочилъ тогу главнѣйшаго изъ пословъ Постумія. Народъ одобрилъ рукоплесканіемъ и смѣхомъ сей неблагопристойной поступокъ. Смѣйтесь, сказалъ огорченной Постумій, но скоро будете плакать. Въ вашей крови омоются пятна моей одежды. Тарентинцы, устрашась заслуженнаго себѣ наказанія и видя, что все бремя войны прямо упадетъ на нихъ, просили себѣ помощи у Пирра Епирскаго Государя, участвовавшаго тогда въ раздѣлѣ Имперіи Александровой.

Сей Государь, обученный въ походахъ преемниковъ Александровыхъ и, почитавшійся величайшимъ полководцемъ своего времени, не могъ оставатся довольнымъ малымъ владѣніемъ своимъ. Будучи властолюбивъ, храбръ, искусенъ въ дѣлѣ военномъ, онъ старался подражать во всемъ Александру. Но какъ востокъ раздѣленъ былъ тогда полководцами Македонскаго завоевателя, и Пирру не оставалось надежды получить что нибудь изъ владѣній Александровыхъ, то онъ помышлялъ испытать щастіе свое на западѣ. Прозьба Тарентинцовъ и прочихъ Греческихъ народовъ въ Южной Италіи,

о принятіи участія въ войнѣ противъ Римлянъ, казалась ему щастливымъ предзнаменованіемъ великихъ подвиговъ его. Онъ немѣшкавъ отправилъ въ Италію подъ начальствомъ любимца своего Цинея три тысячи воиновъ, а въ слѣдъ за нимъ и самъ отправился на корабляхъ съ двадцатью тысячами пѣхоты, тремя тысячами конницы и съ двадцатью слонами, которыхъ Римляне невидывали еще въ сраженіяхъ.

При переѣздѣ въ Италію Пирръ вытерпѣлъ на морѣ жестокую бурю, разсѣявшую флотъ и погубившую часть его воиновъ. Прибывъ въ Тарентъ-онъ увидѣлъ городъ богатый, жителей развращенныхъ, предавшихся роскоши, нѣгѣ и неприличнымъ въ военное время удовольствіямъ. Такой образъ жизни непонравился Государю, привыкшему къ суровой военной жизни, особливо въ такое время, когда сильной непріятель готовился ихъ поработить. Пирръ тотчасъ приказалъ запереть театры, цирки, ванны и запретилъ всѣ безполезныя занятія, служащія только къ препровожденію праздnаго, во зло употребляемаго времени; а вмѣсто того приказалъ жителямъ готовится къ оружію. Тарентинцы, увидя

надъ собою столь самовластнаго господина, отплатили ему сатирами и насмѣшками надъ его грубымъ, по мыслямъ ихъ, поведеніемъ.

Между тѣмъ Римляне, узнавъ о прибытіи Пирра въ Италію, почувствовали въ полной мѣрѣ, что они должны сражатся съ Государемъ, заслужившимъ славу великаго полководца у самыхъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ, и съ войсками искусно обученными и участвовавшими въ завоеваніи востока. Сія опасность заставила ихъ принять самыя дѣятельныя мѣры противъ новаго непріятеля. Они отправили Консула Левина съ многочисленною арміею остановить успѣхи Епирскаго Государя. Обѣ арміи сблизились на противоположныхъ берегахъ рѣки Сириса. Пирръ по правиламъ просвѣщенныхъ Государей, не желая безъ побудительной причины начинать войны съ народомъ, ни сколько его необидившимъ, отправилъ къ Консулу пословъ съ предложеніемъ посредничества своего къ примиренію враждующихъ. Консулъ въ свойственномъ Римлянамъ тонѣ отвѣчалъ, что онъ не принимаетъ Пирра за посредника и нестрашится его какъ непріятеля; и подозрѣвая пословъ въ на-

мѣреніи высмотрѣть его армію, показалъ имъ станъ свой и совѣтовалъ внимательно замѣтить все и донести своему Государю.

Такая увѣренность Римлянъ въ силахъ своихъ удивила Пирра; а еще болѣе онъ изумился, когда увидѣлъ, что Римляне, невыжидая на себя нападенія, начали переправляться чрезъ рѣку въ виду его арміи. Пирръ далъ время переправиться Римской конницѣ и, отрѣзавъ оную отъ пѣхоты, вступилъ подъ личнымъ начальствомъ съ нею въ сраженіе. Историки похваляютъ Пирра за оказанное имъ въ семъ сраженіи личное мужество воина и искуство предводителя. Онъ примѣтенъ былъ обоимъ арміямъ по величественному виду, богатому платью и блистающему оружію. Вездѣ, гдѣ онъ показывался сражающимся или командующимъ, воины сближались вокругъ его и усугубляли сраженіе. Подъ нимъ убили лошадь. Пирръ пересѣлъ на другую и, помѣнявшись платьемъ и оружіемъ съ однимъ всадникомъ, вновь вступилъ въ сраженіе и начальство. Римляне, обманувшись въ перемѣнѣ платья и сочтя всадника за Государя, устремились пропивъ его, убили и, снявъ верх-

нее платье представили Консулу. Слухъ о смерти Пирровой ободрилъ Римлянъ и встрѣвожилъ Грековъ. Но Пирръ, явясь предъ арміею своею съ открытою головою, разсѣялъ опасность, возбудилъ въ ней новое мужество и усугубилъ сраженіе. Между тѣмъ переправилась Римская пѣхота и вступила въ дѣло.

Ни когда Римляне не имѣли столь сильнаго желанія пріобрѣсть побѣды, ибо въ первой еще разъ сражались съ войсками, по всѣмъ правиламъ военнаго искуства обученными. Греки также живо чувствовали, что они, отразивъ грозныя полчища Ксерксовы и распространивъ даже за Индъ завоеванія свои, покроютъ себя вѣчнымъ стыдомъ, если уступятъ побѣду народу малочисленному, владѣющему въ Италіи небольшимъ лоскуткомъ земли. Семъ разъ Римляне выбивали съ мѣста непріятеля, и сами столько же разъ назадъ были прогоняемы. Наконецъ Пирръ, видя сомнительный успѣхъ оружія своего, вывелъ слоновъ на непріятеля. Римляне, ни когда невидавши сихъ животныхъ въ дѣйствіи, разстроились, лошади подъ ними испугались и побѣда склонилась на сторону Пирра. Пятнадцать тысячь Рим-

лянъ легло на мѣстѣ сраженія, но и побѣдитель потерялъ тринадцать тысячь лучшихъ воиновъ своихъ. По окончаніи сраженія, когда поздравили Пирра съ побѣдою, онъ отвѣчалъ: бѣда, еспьли я выиграю еще такое сраженіе. Я потеряю всю армію.

Римляне, потерявъ сраженіе, не потеряли однакожъ своего мужества. Они въ скоромъ времени набрали новую армію. Пирръ также первою побѣдою склонилъ на свою сторону почти всѣ города Южной Италіи и, подкрѣпленный ихъ силами, пошелъ прямо къ Риму. Между тѣмъ, желая окончить войну переговорами, отправилъ въ Римъ Министра своего Цинея съ выгодными предложеніями и богатыми подарками. Циней, ученикъ Демосфеновъ, славился краснорѣчіемъ своимъ; богатыя же подарки, казалось, могли подкрѣпить доводы его. Но Римляне не были еще повреждены столько въ разсудкѣ, чтобъ фигурныя выраженія предпочитать прямой и простой справедливости; богатство же, по ограниченію строгою цензурою роскоши, почиталось въ Римѣ вещію почти безполезною. По сей причинѣ Циней куда ни являлся съ подарками своими, то ни гдѣ

ихъ не приняли ; самыя даже женщины отказались отъ подносимыхъ имъ даровъ объявя, что они до рѣшенія Сената не могутъ говорить съ мужьями своими о дѣлахъ, до нихъ не касающихся.

Такимъ образомъ Циней, не получивъ успѣха въ предварительныхъ сношеніяхъ, потребовалъ открытой себѣ аудіенціи. Произнесенная имъ въ полномъ собраніи Сената рѣчь, а болѣе того выгоды, отъ Пирра предложенныя, склонили было большую часть Сенаторовъ къ принятію мирныхъ предложеній. Но Аппій Клавдій старый Сенаторъ, по лишенію зрѣнія давно уже не участвовавшій въ дѣлахъ правительства, приказалъ себя на сей случай принести на носилкахъ въ Сенатъ. Онъ доказалъ въ короткихъ словахъ, что естьли Римляне останутся побѣжденными отъ Пирра, то придутъ въ презрѣніе у сосѣдей и навлекутъ на себя всю Италію. Въ слѣдствіе сего Сенатъ объявилъ Цинею, что доколѣ Пирръ не выведетъ войскъ своихъ изъ Италіи, до того времени Римляне не войдутъ съ нимъ въ мирныя сношенія. Удивленный Циней донесъ своему Государю о честности и неизмѣнившемся отъ нещастія мужествѣ Римлянъ,

примолвя къ тому, что Сенатъ показался ему собраніемъ боговъ, а городъ храмомъ, достойнымъ ихъ пребыванія.

Вскорѣ послѣ того и самъ Пирръ увѣрился въ справедливости донесеній Цинеевыхъ. Римлянс отправили къ нему посольство для размѣна плѣнныхъ. Главою посольства былъ Фабрицій Сенаторъ, извѣстный по своей честности и бѣдному состоянію. Пирръ предложилъ ему богатыя подарки. Фабрицій отрѣкся отъ нихъ говоря, что онъ при ограниченіи потребностей своихъ не имѣетъ нужды въ богатствѣ. Изъ уваженія къ сему знаменитому своею бѣдностію Сенатору, Пирръ освободилъ плѣнныхъ безъ выкупа на одномъ честномъ словѣ, въ случаѣ войны отослать ихъ обратно.

Пирръ, не получивъ успѣха въ переговорахъ, приготовился къ продолженію военныхъ дѣйствій. Римская армія, подъ начальствомъ Консуловъ Сульпиція и Деція, встрѣтилась близь Аскулума. Второе сраженіе хотя неувѣнчало Римлянъ побѣдою, но не было уже столько гибельно, какъ первое. Римляне, всегда внимательные къ военному искуству, нашли средство, способными ко всякимъ движеніямъ легіонами своими и мужествомъ,

разстроить Греческую фалангу, и приняли удачныя мѣры противъ дѣйствія слоновъ, однакожъ принуждены были отступить въ станъ свой съ потерею шести тысячь воиновъ.

На третій годъ войны принялъ начальство надъ войсками Фабрицій, избранный вторично въ Консулы вмѣстѣ съ Емиліемъ. Когда арміи сблизились одна съ другою и готовы были вступить въ сраженіе; Фабрицій получилъ письмо отъ Пиррова врача, которой соглашался за просимую имъ награду отправить своего Государя, и тѣмъ избавить Римлянъ отъ самаго опаснаго для нихъ непріятеля. Фабрицій, гнушаясь столь вѣроломнымъ поступкомъ и показавъ письмо товарищу своему, отослалъ оное къ Пирру при своемъ письмѣ, совѣтуя ему быть разборчивѣе въ выборѣ врачей и друзей своихъ, и по меньше имѣть ненависти къ храбрымъ и великодушнымъ непріятелямъ его. Столь благородный поступокъ со стороны Фабриція еще болѣе доказалъ Пирру, что онъ имѣлъ дѣло не съ такими грубыми варварами, какими Италійскіе Греки описывали Римлянъ; но съ народомъ, въ храбрости и великодушіи неуступаю-

щимъ, самымъ просвѣщеннѣйшимъ Грекамъ.

Пирръ изъ благодарности за увѣдомленіе отослалъ всѣхъ плѣнныхъ безъ выкупа, и сдѣлалъ вновь предложеніе о мирѣ. Римляне, не соглашаясь остатся въ долгу, отпустили за плѣнныхъ своихъ равное число Самнитянъ и Тарентинцовъ; на предложеніе же о мирѣ повторили прежній отвѣтъ, данный Цинею. Положеніе Пирра сдѣлалось затруднительно. Онъ увидѣлъ, но уже поздо, что побѣды его не сдѣлали Римлянамъ чувствительнаго вреда, но его совершенно ослабили, и что онъ принужденъ будетъ со стыдомъ оставить Италію. Къ щастію Сицилійцы попросили у него помощи противъ Карфагенцовъ. Пирръ согласился на предложеніе въ надеждѣ получить тамъ болѣе выгодъ, нежели въ Италіи; и оставя въ Тарентѣ охранное войско, отправился въ Сицилію. Два года находился онъ въ отсудствіи. Между тѣмъ Самнитяне и Тарентинцы, преданные въ жертву Римлянамъ, беспрестанно просили его о помощи. На третій годъ Пирръ, не смотря на блистательные успѣхи, обманувшись также и въ Сицилійскихъ разщетахъ своихъ,

прибылъ опять въ Италію съ сорока тысячами пѣхоты и тремя тысячами конницы.

Римляне, раздираемые внутренними несогласіями, принуждены были употребить строгія мѣры къ набору войска, и собравъ двѣ арміи выслали ихъ въ походъ подъ начальствомъ двухъ Консуловъ Лентула и Курія Дентата. Пирръ также изъ своихъ и союзныхъ войскъ составилъ двѣ арміи, и одну подъ личнымъ начальствомъ повелъ на Дентата. Но щастіе измѣнило ему. Сбившись съ дороги, онъ не могъ напасть на Дентата прежде соединенія его съ Лентуломъ, и принужденъ былъ обоимъ дать рѣшительное сраженіе. Когда же увидѣлъ, что оное клонилось ко вреду его, то вывелъ слоновъ въ намѣреніи разстроить ими Римскую армію. Но Римляне приготовили на сей случай смоляной пакли, и зажегши оную бросали въ слоновъ. Сіе новаго рода оружіе испугало животныхъ и они, поражаемые мечами и огнемъ, обратились на свою армію и привели ея въ безпорядокъ. Всѣ усилія Пирра къ удержанію отъ побѣга воиновъ своихъ остались безполезны. Онъ потерялъ двадцать три тысячи лучшаго

своего войска, и принужденъ былъ оставить въ добычу непріятелю станъ свой. Римляне, овладѣвъ станомъ, увидѣли въ ономъ правильную соразмѣрность въ разстановкѣ шатровъ и въ промежуткахъ между оными и, замѣтя всю выгоду отъ сего расположенія, воспользовались оною и немедленно ввели въ употребленіе въ своей арміи.

Побѣжденный Пирръ, стараясь обезопасить отступленіе свое, обѣщалъ союзникамъ вознаградить настоящую потерю въ слѣдующей компаніи; а внутренно думалъ о томъ, какъ бы выбраться ему изъ Италіи. Онъ объявилъ Тарентинцамъ, что скоро прибудутъ къ нему изъ Греціи новые вспомогательные войски, и для прикрытія намѣренія своего и самаго отступленія послалъ въ Таренпъ достаточной горнизонъ; остальную же, оставшуюся отъ пораженія армію, посадилъ на суда и ночью уѣхалъ изъ Италіи.

Такимъ образомъ кончилась за 274 года до Р. Х. шестилѣтняя война, предпринятая Пирромъ за Тарентинцовъ. Она столько прославила Римское оружіе и непоколебимость правительства, что Пиполомей Филадельфъ, Египетской Го-

сударь, прислалъ въ Римъ пословъ съ поздравленіемъ о щастливомъ окончаніи войны и съ предложеніемъ союза. Римляне отплатили равною учтивостію, назначивъ въ посольство отличныхъ изъ рода Фабіевъ Патриціевъ, которые безкорыстіемъ своимъ снискали уваженіе къ своему отечеству у Египетскаго Государя и возвратились съ богатыми дарами, доставленными въ цѣлости въ общенародную казну.

Между тѣмъ Тарентинцы, желая избавится отъ оставленнаго Пирромъ гарнизона, просили помощи у Карфагенцовъ. Но Римляне предупредили Африканцовъ и, согласясь съ Милономъ начальникомъ Епирскихъ войскъ, овладѣли городомъ и срыли укрѣпленія его. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кротона, Локры и вся великая Греція покорилась Римскому могуществу.

Римляне пріобрѣвъ владычество надъ Италіею, разсуждали въ Сенатѣ, какъ поступить съ побѣжденными народами. По правиламъ прежнихъ Царей своихъ, они могли бы всю Италію соединить въ одно тѣло; но различное расположеніе жителей въ отношеніи къ Риму и самая отличность въ нравахъ требовали

сдѣлать разборъ побѣжденнымъ народамъ. По сему Римляне, смотря по винѣ, заслугамъ и характеру каждаго народа, однихъ почтили правомъ гражданства, другимъ оставили законы и внутреннюю управу, у иныхъ отняли часть земель или имущества; и такимъ образомъ, уравнивъ награды и наказанія свои съ заслугами или повинностію каждаго народа, изобрѣли рѣдкое въ древней исторіи искуство управлять побѣжденными народами не страхомъ и не силою оружія, но тою общею пользою, какую находятъ слабыя племена подъ защитою сильнаго народа и правосуднаго правительства.

Сіе правосудіе или защита правъ народныхъ, оказана была Римлянами и надъ собственными своими гражданами. Въ прошедшую Самнитскую войну городъ Реджіо въ Южной Италіи занятъ былъ Римскимъ гарнизономъ, изъ четырехъ тысячь человѣкъ состоящимъ. Воины, прельстясь господствующею роскошію и богатствомъ, учинили заговоръ на жителей и, умертвивъ большую часть гражданъ, овладѣли ихъ женами, домами и всѣмъ имуществомъ. Открывшаяся потомъ война съ Пирромъ недопустила

Римское правительство поступить съ виновными по строгости закона. Но когда Пирръ бѣжалъ изъ Италіи, то первымъ дѣломъ сочтено наказать мятежниковъ и ввести оставшихся въ живыхъ и разбѣжавшихся жителей въ права свои. Въ слѣдствіе сего городъ осажденъ, виновные сами себя перебили, остальные числомъ до трехъ сотъ человѣкъ приговорены къ жесточайшему наказанію.

Что принадлежитъ до внутренняго управленія, то въ ономъ хотя гнѣздились тѣже самые раздоры, совмѣстничество и по временамъ такія же покушенія къ похищенію власти, какъ и прежде, однакожъ большая часть изъ сихъ потрясеній послужили къ улучшенію правленія. Напримѣръ, угнѣтеніе должниковъ по закону двѣнадцати табелей было причиною къ отмѣнѣ сего закона и къ изданію новаго, по которому не личность, а имѣніе должника подвергалось отвѣтствію. Такъ же цензорство Аппія Клавдія, размѣстившаго низкій классъ людей по всѣмъ куріямъ, вскорѣ было исправлено Фабіемъ, которой, составя изъ сихъ гражданъ четыре особыя куріи, отнялъ у нихъ силу въ правленіи. А чтобъ очистить Римъ отъ размно-

жившейся черни и дать ей средство къ выгодному содержанію, правительство переселило часть бѣдныхъ гражданъ въ завоеванные города, въ которыхъ они, получивъ домы и земли, пріобрѣли себѣ безбѣдное состояніе.

Но сколько правительство заботилось о уменьшеніи бѣдности, не менѣе того пѣклось о истребленіи роскоши. Фабрицій въ бытность свою Цензоромъ исключилъ изъ списка Сенаторовъ Корнелія Руффа, бывшаго дважды Консуломъ и однажды Диктаторомъ, за то только, что онъ имѣлъ у себя въ домѣ десять фунтовъ серебренной посуды (*). Такая строгость въ истребленіи роскоши, и законъ Лициніевъ, ограничивающій владѣніе земель, уничтожали виды къ размноженію не нужныхъ и часто вредныхъ потребностей. И Римляне, лишась средствъ расточать имѣніе, поставили себѣ за честь и въ число благородныхъ занятій обрабатывать подъ

(*) Послѣ сего безчестія фамилія Руффиновъ упала и около 160 лѣтъ оставалась въ забвеніи. Силла, потомокъ Руффиновъ, вывелъ родъ свой изъ сего забвенія и къ сожалѣнію прославился болѣе, нежели сколько человѣкъ законно отличить себя можетъ.

собственнымъ надзоромъ небольшія поля свои, и жить по правиламъ самой строгой умѣренности. Сія гражданская добродѣтель болѣе всего примѣтна была въ вышнемъ сословіи, а смотря на оное и низшіе классы людей, и всѣ вообще тщетолюбцы принуждены были соображатся съ поведеніемъ и господствующимъ образомъ мыслей въ сословіи Патриціевъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

РИМСКОЙ ИСТОРІИ.

ПУНИЧЕСКІЯ и ДРУГІЯ ВНѢШНІЯ БРАНИ ДО РАЗРУШЕНІЯ КАРФАГЕНА, КОРИНФА И НУМАНЦІИ.

Произшествія около 130 лѣтъ, отъ 264 до 133 года до Р. Х.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческое обозрѣніе Карфагена и Сициліи.

Прежде, нежели приступимъ къ исторіи пуническихъ браней, нужно подать нѣкоторое понятіе о состояніи Карфагена и о Сициліи, бывшей предметомъ раздора двухъ сильнѣйшихъ на землѣ народовъ.

Мы видѣли изъ Финикійской исторіи, что Елиза или Дидона, по притѣсненію брата своего Пигмаліона, удалилась въ Африку и основала на берегу средиземнаго моря новый городъ или Карфагенъ за 890 лѣтъ до Р. Х. Съ нею удалились многіе богатые граждане, недовольные настоящимъ правленіемъ; и какъ они были люди торговые, то и занялись тою же промышленностію въ новой колоніи. Они вошли въ сношенія съ природными той земли жителями, захотили ихъ мѣнятся произведеніями и заняли выгодными для обоихъ сторонъ работами.

По недостатку историческихъ извѣстій мы не имѣемъ вѣрнаго свѣденія о состояніи и распространеніи Карфагенскаго могущества въ первые вѣки. Мы знаемъ только, что Карфагенцы, подобно единоплеменникамъ своимъ, вскорѣ торговлею и промышленностію поставили себя на степень богатаго и сильнаго народа. Впрочемъ кажется вѣроятно, что произшествія на востокѣ частію способствовали Карфагенскому могуществу. Первая выгода Карфагенянъ состояла въ томъ, что они поселились въ отдаленіи отъ сильныхъ восточныхъ Державъ между такими народами, которые не могли вредить ихъ мирнымъ торговымъ занятіямъ; второю причиною возвышенія Карфагена можно почесть, что соотечественники ихъ Финикіяне, будучи безпрестанно тѣснимы сильными сосѣдними Державами, удалялись съ богатыми капиталами въ Африку, и тамъ, подъ именемъ уже Карфагенцовъ, распространяли промышленность свою. Начальное раззореніе Тира Навуходоносоромъ, потомъ притѣсненіе Персидскими Государями, въ слѣдъ за тѣмъ истребленіе большей части гражданъ при возмущеніи невольниковъ и наконецъ совер-

шенное разрушеніе Тира Александромъ Царемъ Македонскимъ неоставляетъ ни какого сомнѣнія, чтобъ при сихъ нещастныхъ произшествіяхъ не бѣжали богатые граждане изъ отечества своего въ землю, предками ихъ населенную и бывшую съ ними по торговымъ связямъ въ непрерывномъ сношеніи. По крайней мѣрѣ видно, что большая часть Финикійскихъ колоній перешла во власть Карфагена безъ всякой войны между сими единоплеменными народами.

Такимъ образомъ Карфагенцы, возвысясь частію на упадкѣ древняго отечества своего и присвоивъ себѣ Финикійскія колоніи, распространили могущество и промышленность свою до предѣловъ извѣстнаго въ то время древняго свѣта. Въ числѣ покоренныхъ ими земель щитались: Сардинія, Корсика, Балеарскіе острова, часть Сициліи и Испаніи, и обширныя владѣнія въ Африкѣ; мореплаваніе же ихъ простиралось за Гибралтарскимъ проливомъ къ сѣверу до Балтійскаго моря, а къ югу до Канарскихъ острововъ, въ то время благополучными называемыхъ.

Правленіе въ Карфагенѣ было Аристократическое, частію смѣшанное съ

Демократическимъ. Два главные начальника подъ именемъ Суффетовъ избирались ежегодно подобно Римскимъ Консуламъ. Сенатъ, составленный изъ богатыхъ капиталистовъ, имѣлъ власть законодательную; ибо когда всѣ Сенаторы соглашались на одно мнѣніе, тогда рѣшеніе ихъ ни куда не переносилось на утвержденіе и имѣло силу закона. Въ противномъ случаѣ, естьли выходило какое нибудь разнорѣчіе, тогда дѣло переносилось на рѣшеніе народнаго собранія; но рѣдко случалось, по крайней мѣрѣ въ первые вѣки, чтобъ Сенаторы, имѣя одинакіе выгоды и свойственное имъ честолюбіе, соглашались уступать власть свою народному собранію.

Впрочемъ для ограниченія власти Сенаторовъ, начальниковъ и самыхъ полководцевъ учрежденъ былъ верховный судъ, или совѣтъ старѣйшинъ, изъ ста особъ состоящій, которому поручено было разсматривать поведеніе начальниковъ колоній, главнокомандующихъ арміями и прочихъ чиновниковъ, и въ случаѣ злоупотребленія власти судить и наказывать ихъ.

Народъ Карфагенской, не смотря на то, что по смыслу уложенія былъ вер-

ховнымъ судіею, а по согласію Сенаторовъ не могъ участвовать въ правленіи, оставался спокойнымъ и непримѣтно было такого раздора въ правленіи, какой существовалъ въ Римѣ. Причиною сему полагаютъ различное свойство сихъ двухъ народовъ. Римляне, воины по уложенію, были послушны только подъ знаменами; но въ городѣ несоглашались уступать правъ своихъ. Карфагенцы напротивъ того, заняпые беспрестанно мореплаваніемъ и выгодными рукодѣліями, не имѣли свободнаго времени толпится на народной площади, и лучше соглашались уступить часть своей власти, нежели лишится выгодныхъ занятій.

Аристотель замѣчаетъ два главные порока въ Карфагенскомъ правленіи. Первый, что одному лицу поручали многія должности, отъ чего невозможно было ожидать основательнаго о дѣлахъ сужденія; поверхностный же взглядъ на дѣла необходимо влекъ за собою невѣрныя опредѣленія. Притомъ обремѣненіе одного лица многими должностями дѣлаетъ праздными другія лица, способныя занимать мѣста, и возбуждаетъ въ нихъ зависть къ лицу, по множеству дѣлъ не внимательному къ своей должности.

Другимъ порокомъ почиталъ онъ въ Карфагенскомъ правленіи то, что одни богатые допускались къ общественнымъ должностямъ, и потому личное достоинство и честность безъ богатства были отринуты на службу отечеству.

Впрочемъ послѣдній порокъ примѣненъ былъ не въ одномъ Карфагенскомъ правленіи. Древніе законодатели удаляли бѣдность отъ участія въ правленіи вѣроятно изъ той предосторожности, что бѣдные скорѣе покусятся, нежели богатые, должностію пріобрѣсть себѣ состояніе. Но для чего честныхъ и умныхъ людей смѣшали вмѣстѣ съ бѣдными? Не лучше ли бы было сортировать людей по личнымъ способностямъ? Опытъ всѣхъ временъ доказалъ, что корыстолюбивые богачи столько же низки въ своихъ правилахъ, какъ и самые бѣдные; напротивъ того Аристидъ, Епаминондъ, Цинцинатъ, Фабрицій и многіе другіе, отличные по своей бѣдности мужи, показали въ государственномъ управленіи такія способности, какихъ не имѣлъ ни одинъ богачь того времени.

Карфагенская республика, разбогатѣвшая отъ промысловъ и обширной торговли своей, а еще болѣе отъ най-

денныхъ въ Испаніи золотыхъ и серебренныхъ рудниковъ, нечувствительно превратилась въ военную республику. Сначала она должна была содержать наемные войски подъ своимъ начальствомъ для защиты собственныхъ владѣній; потомъ изъ корыстолюбивой склонности начала угнѣтать колоніи и союзниковъ своихъ разными запрещительными постановленіями, а наконецъ покусилась къ разпространенію и къ завоеванію земель, ни по какимъ правамъ ей непринадлежавшихъ.

Сицилія была такая земля, на которую по богатству и плодородію ея наиболѣе обращено было вниманіе Карфагенскаго правительства. Она раздѣлена была на многія независимыя одно отъ другаго владѣнія, и тѣмъ способнѣе казалась къ завоеванію. Карфагенцы имѣли уже въ ней не большую колонію; но главнымъ и сильнѣишимъ владѣніемъ щитались Сиракузы, Коринфское поселеніе, основанное около временъ Ромуловыхъ.

Ксеркъ Персидской Государь, принявъ намѣреніе поработить Грецію и опасаясь, чтобъ Сиракузяне и другіе Греческіе переселенцы въ Сициліи неподали единоплеменникамъ своимъ помощи, скло-

нилъ Карфагенцовъ напасть на Сицилію въ то время, когда онъ пойдетъ на Грецію. Такое приглашеніе соотвѣтствовало желанію Карфагенскаго правительства—и триста тысячь наемныхъ войскъ подъ начальствомъ Амилкара отправлено было на сіе предпріятіе. Но щастіе несоотвѣтствовало ожиданію. Сія експедиція имѣла такой же конецъ, какъ и Ксерксово нашествіе.

Гелонъ правитель Сиракузской, узнавъ изъ перехваченнаго письма, что жители Селинонта готовятся отправить къ Амилкару по требованію его вспомогательный отрядъ конницы, послалъ вмѣсто оной свою, которая, прибывши въ станъ, принята была за союзную и поданному ей наставленію нашла случай убить Амилкара и сожечь флотъ его. Между тѣмъ Гелонъ, набравъ армію въ пятьдесятъ тысячь пѣхоты и въ пять тысячь конницы, напалъ на оставшихся безъ начальника непріятелей, болѣе половины положилъ на мѣстѣ, осталные сдались на договоръ. Карфагенцы, гордые въ щастіи и малодушные въ нещастіи, увѣдомясь о потерѣ арміи своей и главнаго начальника, просили Гелона о заключеніи мира на какихъ усло-

віяхъ побѣдителю угодно будетъ. Умѣренность Гелонова при семъ случаѣ удивила корыстолюбивыхъ Карфагенцовъ. Онъ взялъ только двѣ тысячи талантовъ за употребленные имъ военные издержки, и оставилъ Сицилійскіе дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ они были до начала войны; но по человѣколюбію своему включилъ только въ мирный трактатъ, чтобъ Карфагенцы перестали приносить въ жертву дѣтей своихъ. Несправедливость Карфагенскаго правительства обнаружилась въ сію войну тѣмъ, что они вмѣнили Амилкару въ преступленіе нещастіе его и въ наказаніе сослали въ ссылку сына его Гискона.

Сиракузяне, въ благодарность за спасеніе отечества, почтили Гелона самодержавною властію, и не имѣли причины въ томъ раскаиватся. Царствованіе его было щастливо для подданныхъ, и по смерти доставило престолъ второму брату Гіерону, которой сначала показалъ въ себѣ жестокаго и своенравнаго Государя; но сія жестокость частію смягчилась убѣжденіемъ славнѣйшихъ стихотворцевъ того времени, призванныхъ ко двору его. Симонидъ находился въ числѣ сихъ облагодѣтельствованныхъ

Гіерономъ поэтовъ. Мы видѣли изъ его жизни, какую пользу принесъ онъ Сиракузянамъ и самому Государю. По смерти Гіерона, случившейся около 460 года до Р. Х. вступилъ на престолъ третій братъ его Ѳразибулъ, коего царствованіе продолжалось только два года. Онъ былъ изгнанъ за жестокость свою, и возстановлено послѣ его Демократическое правленіе, продолжавшееся около 60 лѣтъ до порабощенія Сиракузъ Діонисіемъ.

Въ сіе время случилась та славная и нещастная експедиція, которую Афиняне по внушенію Алкивіада отправили противъ Сиракузянъ. Сегестяне, призвавшіе Афинянъ и по разбитіи ихъ Сиракузянами, опасаясь мщенія побѣдителей, отдались въ покровительство Карфагена. Аннибаллъ, внукъ Амилкаровъ, а сынъ сосланнаго въ ссылку Гискона, посланъ былъ съ сильною арміею защитить новыхъ союзниковъ въ случаѣ нападенія Сиракузянъ. Онъ взялъ нѣсколько городовъ, и въ отмщеніе за смерть дѣда своего поступилъ съ побѣжденными весьма жестоко. Успѣхи Аннибаловы возбудили желаніе въ Карфагенцахъ овладѣть Сициліею. Они отправили въ

другой разъ Аннибалла и, по старости его, придали ему въ помощь Имилкона сына Ганнонова. Но сія вторая експедиція неимѣла столь щастливаго успѣха, какъ предъидущая. Аннибаллъ съ большею частію арміи погибъ отъ моровой язвы; однакожъ Имилконъ съ остальною арміею успѣлъ раззорить богатый и многолюдный городъ Аргигентъ, потомъ приступилъ къ Гелѣ.

Діонисій старшій, произшедшій по мнѣнію однихъ изъ знатнаго рода, а по мнѣнію другихъ изъ низкаго званія, желая похитить верховную власть въ Сиракузахъ, употребилъ сей случай къ своему возвышенію. Онъ, явясь въ собраніе, началъ доносить на главныхъ правителей, что они по личной корысти, или даже по тайнымъ связямъ съ Карфагенцами, не подали Аргигенту нужной помощи и допустили погибнуть богатѣйшему городу во всей Сициліи. Такая рѣчь принята была за возмутительную и Діонисія, не давъ окончить оной, тотчасъ осудили на заплату денежной пѣни. Сообщники Діонисія тотчасъ внесли положенной штрафъ, и чрезъ то подали средство Діонисію окончить рѣчь свою. Ободренный симъ вспоможеніемъ онъ

со всемъ искуствомъ оратора вооружился на правителей и зная, сколь опасно его положеніе въ случаѣ неудачи, довелъ слушателей до того, что всѣ градоначальники смѣнены въ тоже присудствіе, на мѣсто ихъ выбраны другіе и Діонисій назначенъ главнымъ правителемъ. Оставалось получить еще начальство надъ войсками, чтобъ довершить свое предпріятіе. Тѣже клеветы на полководцевъ, какіе на гражданскихъ начальниковъ, послужили Діонисію въ томъ, что онъ избранъ главнокомандующимъ и надъ войсками. Благомыслящіе граждане предвидѣли, къ чему клонились замыслы Діонисія, но не могли образумить безразсудной черни.

Такимъ образомъ Діонисій старшій, захвативъ въ свои руки правленіе въ Сиракузахъ, но не надѣясь еще твердо на власть свою, принужденъ былъ на время заключить съ Имилкономъ мирный трактатъ, которымъ предоставилъ Карфагенцамъ всѣ завоеванные ими города въ Сициліи. Когда же утвердился на престолѣ, то и началъ готовиться къ жестокой войнѣ на Карфагенскія владѣнія. Искусные художники во всякомъ родѣ призваны были въ Сицилію. Сиракузы

превратились въ оружейную палату. Мечи, шлемы, щиты, копья, осадныя орудія, галеры и все потребное къ нимъ вооруженіе приготовлялись съ необыкновенною скоростію. Изобрѣтены были новаго рода машины, и самыя галеры въ первой разъ показались о пяти рядахъ веселъ, ибо до того времени строились обыкновенно о трехъ рядахъ. Діонисій самъ наблюдалъ за всѣми работами и ободрялъ искуснѣйшихъ мастеровъ, однихъ щедрыми наградами, другихъ своею привѣтливостію, иныхъ приглашеніемъ къ столу своему. Когда же все было приготовлено, Діонисій набралъ сильную армію, объявилъ Сиракузянамъ и всѣмъ Греческимъ племенамъ, поселившимся въ Сициліи, намѣреніе свое освободить сей островъ отъ власти Карфагенской. Предложеніе было принято, и Діонисій въ противность всѣхъ правъ народныхъ, необъявя войны, далъ приказъ умертвить въ назначенный день всѣхъ Карфагенцовъ въ Сициліи и расхитить ихъ имущество.

Рѣдко добрыя дѣла исполняются съ такимъ усердіемъ, какъ злыя. Едва роковая вѣсть разнеслась по Сициліи, какъ тысящи нещастныхъ жертвъ безчело-

вѣчно преданы были смерти. Сіе ненавистное произшествіе къ нещастію было не первое и не послѣднее въ мірѣ, и Діонисій, къ типлу незаконнаго похитителя власти, присовокупилъ еще порочнѣйшее типло безчеловѣчнаго губителя людей.

Но не таковъ былъ успѣхъ въ военныхъ его предпріятіяхъ. Имилконъ въ двѣ напольности опустошилъ Сицилію огнемъ и мечемъ, приступилъ къ самымъ Сиракузамъ, раззорилъ окрестности и овладѣлъ уже двумя предмѣстіями, какъ вдругъ неожидаемое приключеніе разстроило всѣ его предпріятія. Моровая язва возникла въ Карфагенской арміи и почти всю ее истребила. Имилконъ въ отчаяніи не могъ перенести сего нещастія. Онъ посадилъ на суда избѣжавшихъ отъ смерти воиновъ и, перевезя ихъ на свою родину, лишилъ себя жизни. Магонъ заступилъ его мѣсто и былъ посланъ съ новыми войсками; но сей начальникъ, не поправя дѣла, потерялъ жизнь свою на одномъ сраженіи. Сынъ его Магонъ былъ щастливѣе. Онъ разбилъ Сиракузянъ, болѣе 14 тысячь положилъ на мѣстѣ и принудилъ Діонисія къ заключенію новаго договора, которымъ

подтверждены за Карфагенцами всѣ завоеванія ихъ въ Сициліи.

Такимъ образомъ Діонисій, бывъ причиною смерти нѣсколька сотъ тысячь людей, непріобрѣлъ себѣ сею кровавою мѣрою ни какой пользы, и оставилъ Сицилію въ томъ же положеніи, въ какомъ она находилась при заключеніи перваго договора. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Сынъ его Діонисій младшій заступилъ его мѣсто. Но онъ чрезъ нѣсколько времени былъ изгнанъ, убѣжалъ въ Италію и по прошествіи десяти лѣтъ овладѣлъ опять Сиракузами вооруженною рукою.

Сіи смутныя произшествія подали Карфагенцамъ мысль овладѣть и остальною частію Сициліи. Сиракузяне, не довольные Діонисіемъ и опасаясь Карфагенцовъ, просили помощи у Коринфянъ единоплеменниковъ своихъ. Тимолеонъ знатнѣйшій Коринфской гражданинъ съ одною тысячею воиновъ отправился въ Сицилію, и съ сею горстію людей успѣлъ избавить Сиракузянъ и отъ Діонисія, и отъ Карфагенцовъ, отославъ перваго въ Коринфъ, а съ послѣдними заключивъ выгодный миръ съ отобраніемъ отъ нихъ нѣкоторыхъ владѣній въ Сициліи.

Спустя около тридцати лѣтъ явил-

ся въ Сиракузахъ новый похититель власти Агаѳоклъ, которой извѣстенъ въ исторіи сколько по жестокости своей, а не менѣе того и по одному отважному предпріятію. Онъ, вошедши въ новую войну съ Карфагенцами, оставленъ былъ почти всѣми союзниками своими и осажденъ въ Сиракузахъ. Въ сіе опасное время онъ поручилъ команду въ городѣ брату своему, а самъ, посадивъ на суда 1600 отборныхъ воиновъ и присовокупя къ онымъ невольниковъ, переправился въ Африку. Предпріятіе сіе произведено было съ такою тайною, что никто не зналъ его намѣренія, и никто не могъ подумать, чтобъ съ такою малою силою можно было отважиться на высадку въ Африку. Онъ щастливо ускользнулъ отъ поисковъ Карфагенскаго флота и, высадя войски на берегъ, сжегъ свои суда не имѣя возможности удержать ихъ за собою.

Нечаянное прибытіе Агаѳокла въ Африку встрѣвожило Карфагенцовъ. Они подумали, что армія ихъ разбита въ Сициліи, флотъ истребленъ и самое отечество находится въ опасности. Агаѳоклъ воспользовался симъ смущеніемъ и, не теряя времени, началъ громить

Африканскія земли и успѣлъ взять два значительные города. Карфагенцы въ первой еще разъ вооружили гражданъ своихъ и выслали ихъ противъ непріятеля подъ начальствомъ Ганнона и Бомилкара. Агаѳоклъ, имѣя у себя подъ командою не болѣе 14 тысячь, принужденъ былъ дать сраженіе арміи въ 40 тысячь человѣкъ. Къ щастію его Ганнонъ былъ убитъ въ жару сраженія, а Бомилкаръ, будучи противной партіи, вмѣсто того, чтобъ кончить битву съ Агаѳокломъ, повелъ армію свою на собственныхъ гражданъ, предавая смерти всѣхъ встрѣчающихся на улицахъ. Станъ его и Ганноновъ безъ бою достался въ добычу Агаѳоклу. Въ слѣдъ за тѣмъ присоединились къ нему нѣкоторые Африканскіе владѣльцы, недовольные Карфагенцами. Все предвѣщало щастливое окончаніе дѣла. Но природа не дала Агаѳоклу вѣрныхъ соображеній и постоянства въ характерѣ. Въ то самое время, когда нужнѣе всего было присудствіе его въ Африкѣ, онъ уѣхалъ въ Сицилію, оставя армію и новыхъ союзниковъ своихъ на произволъ судьбы. Въ отсудствіе его Африканскія дѣла разстроились. Сіе обстоятельство заставило его въ дру-

гой разъ переѣхать въ Африку, но упустивъ первой случай къ побѣдѣ или къ выгодному миру, онъ не могъ уже возвратить его. Не имѣя ни судовъ для перевозу арміи, ни средствъ защищаться отъ обманутыхъ имъ союзниковъ и Карфагенцовъ, онъ предалъ армію и дѣтей своихъ въ жертву непріятелю, а самъ постыднымъ образомъ убѣжалъ опять въ Сицилію и потерявъ все, кончилъ жизнь достойною себя отравою.

Вскорѣ послѣ того Сиракузяне, будучи тѣснимы Карфагенцами, призвали къ себѣ на помощь Пирра, бывшаго тогда въ Италіи. Сей Государь въ короткое время отнялъ у Карфагенцовъ многіе города, но по своенравію своему потерялъ ихъ столько же скоро и уѣхалъ опять въ Италію. Сиракузяне, изнуренные внутренними и внѣшними нещастіями, поручили Царскую власть Гіерону, который одержалъ надъ Карфагенцами многія преимущества. Но около того же времени Кампанскіе бродяги, служившіе на войнѣ Агаѳоклу, ворвались въ городъ Мессину, побили мирныхъ гражданъ, другихъ разогнали и, поженясь на вдовахъ убитыхъ мужей и присвоивъ имѣніе ихъ, остались спокойными владѣте-

лями. Они вошли въ сношеніе съ Римскими мятежниками, овладѣвшими на противномъ берегу въ Италіи городомъ Реджіо, и нѣсколько лѣтъ тѣ и другіе спокойно наслаждались плодами злодѣяній своихъ. Но когда Римляне, по выгонѣ Пирра изъ Италіи, наказали свой гарнизонъ и возвратили оставшимся жителямъ отнятое у нихъ имѣніе, то Мамертинцы, такъ назывались Сицилійскіе бунтовщики, лишась надежной подпоры въ Римскихъ мятежникахъ, приведены были въ опасное положеніе. Гіеронъ готовился истребить ихъ. Они, не надѣясь отразить Гіерона, отправили въ Римъ посольство съ прозьбою принять ихъ въ милостивое покровительство. Сенатъ Римской, хотя имѣлъ виды свои на Сицилію по хлѣбородію ея, но гнушаясь помогать бунтовщикамъ отвергнулъ предложеніе; однакожъ, удержавъ пословъ, отослалъ дѣло на разсмотрѣніе народнаго собранія.

Между тѣмъ Аннибаллъ, начальникъ Карфагенской, находясь случайно вблизи Сициліи, узналъ о успѣхахъ Гіерона и опасаясь, чтобъ онъ, покоря Мамертинцовъ, не внесъ оружія въ Карфагенскія владѣнія въ Сициліи, отправился къ не-

му подъ предлогомъ поздравленія съ благополучнымъ успѣхомъ въ дѣйствіяхъ его; въ самомъ же дѣлѣ въ намѣреніи удержать его на нѣсколько времени отъ предпріятія на Мессину, приказавъ между тѣмъ ввести въ оную свои войски. Римляне, узнавъ о семъ поступкѣ Аннибалла и негодуя на Карфагенцовъ за бывшія сношенія ихъ съ Тарентинцами, объявили имъ войну, а Мамертинцовъ приняли въ покровительство свое.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первая Пуническая война, продолжавшаяся 24 года, отъ 264 до 241 года до Р. Х.

Римляне, объявя сильнѣйшей морской Державѣ войну, не имѣли ни флота для сраженія съ Карфагенцами, ни достаточнаго числа перевозныхъ судовъ для высадки войскъ своихъ на земли непріятельскія. Аппій Клавдій, избранный на тотъ годъ въ Консулы и получившій начальство надъ войсками, назначенными противъ Карфагенцовъ, прибылъ въ Регію; но не имѣлъ возможности переправиться въ Сицилію, ибо непріятельской

флотъ содержалъ берега въ блокадѣ. Онъ выдумалъ хитрость, сдѣлавъ притворное отступленіе и разгласивъ, что намѣренъ возвратится въ Римъ. Карфагенцы, обманутые сею выдумкою, вышли изъ пролива; а Консулъ, возвращясь къ берегу и сѣвъ поспѣшно на подготовленные паромы и суда, переправился ночью въ Сицилію. Высадя войски на берегъ, пошелъ прямо на непріятеля и, воспользуясь его оплошностію, одержалъ надъ нимъ побѣду.

Гіеронъ передъ тѣмъ временемъ, вѣроятно не желая допустить Римлянъ въ Сицилію, вошелъ въ союзъ съ Карфагенцами; но будучи побѣжденъ Аппіемъ и негодуя на Карфагенцовъ, что они не воспрепятствовали Римлянамъ въ переправѣ, отсталъ отъ союза. Аппій одержалъ еще побѣду надъ Карфагенцами, погромилъ ихъ земли и, оставя въ Мессинѣ сильной гарнизонъ, возвратился щастливо въ Италію. Тріумфъ его былъ тѣмъ блистательнѣе, что онъ въ первый разъ торжествовалъ побѣду Римлянъ надъ заморскими народами внѣ Италіи. Въ сей же годъ учреждено въ Римѣ давать на зрѣлищахъ Гладіаторскія сраженія, и сдѣлана перепись наро-

ду, котораго оказалось до 292 тысячь, способныхъ носить оружіе.

На другой годъ оба Консула, Валерій Максимъ и Отацилій Крассъ, пошли въ Сицилію, ибо въ первый годъ одинъ изъ Консуловъ отряженъ былъ съ арміею для наказанія взбунтовавшихся рабовъ въ Тосканѣ. Въ сей годъ Римляне, кромѣ многихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ непріятелемъ, пріобрѣли себѣ въ Гіеронѣ, заключеніемъ съ нимъ мирнаго трактата, такого союзника, который ненарушимою вѣрностію въ продолженіе всего царствованія своего весьма много способствовалъ возрастающему могуществу Римлянъ. Послѣдуя Гіерону и прочія независимыя владѣнія въ Сициліи пристали къ Римлянамъ, и чрезъ то заставили Карфагенцовъ одними своими силами защищаться отъ всего союза.

Валерій, возвращаясь въ Римъ, несъ въ числѣ трофеевъ солнечные часы, взятые имъ въ Катанѣ, какъ такую рѣдкость, какой не бывало въ Римѣ, и поставилъ ихъ на народной площади подлѣ кафедры. О невѣжествѣ Римлянъ въ наукахъ въ то время можно судить потому, что сіи часы, сдѣланные по Катанской широтѣ, не могли быть вѣрны

для Рима, однакожъ погрѣшность не была замѣчена и около ста лѣтъ оставалась безъ поправки.

На третій годъ Римляне послали въ Сицилію только два легіона, ибо Гіеронъ и прочіе союзники выставили въ полѣ достаточную армію, которая съ Римскими легіонами составляла до ста тысячъ. Сей годъ замѣчателенъ по семимѣсячной осадѣ и взятію крѣпкаго и многолюднаго города Аргигента, которой Карфагенской начальникъ защищалъ съ великимъ упорствомъ. Двадцать пять тысячь плѣнныхъ было наградою побѣдителей; однакожъ и Римляне въ сію компанію потеряли съ союзниками своими до тридцати тысячь воиновъ.

Въ четвертой годъ войны мало случилось примѣчанія достойнаго. Ганнонъ начальникъ Карфагенской, побѣжденный Консулами въ прошломъ годѣ, былъ смѣненъ Амилкаромъ; а сей, не надѣясь взять поверхности надъ Римлянами на сухомъ пути, обратилъ все вниманіе свое на морскія силы, опустошилъ въ Сициліи и въ самой Италіи берега, принадлежащія Римлянамъ и союзникамъ ихъ, не давая ни гдѣ сраженія. Однимъ словомъ порядокъ военныхъ дѣйствій пе-

ремѣнился въ грабежъ и опустошеніе. Въ число замѣчательныхъ произшествій сего года можно поставить, что Ганнонъ передъ отставкою своею, задолжавъ нанятой арміи жалованьемъ и желая избавится отъ платежа самымъ наглымъ просителямъ, послалъ ихъ въ числѣ четырехъ тысячь, большею частію изъ Галловъ, для взятія въ Сицилїи одного мѣстечка, увѣдомя напередъ Римлянъ о семъ откомандированіи. Римляне послали на дорогу засаду и, напавъ въ расплохъ на сей отрядъ, побили всѣхъ на голову и тѣмъ избавили Ганнона отъ платежа заслуженнаго сими воинами жалованья. Такое употребленіе власти не приносило чести Карфагенскому правительству, и неподавало надежды къ побѣжденію такого народа, у котораго заслуги почитались первымъ отличіемъ и награда первою обязанностію правительства. Впрочемъ корыстолюбіе, хитрость и самое вѣроломство почитались природными въ характерѣ Карфагенцовъ.

Римляне, всегда внимательные къ пользамъ своего отечества, увидѣли изъ четвертаго года войны, что они одними сухопутными силами не могутъ побѣдить господствующаго на водахъ народа,

которой, опустошая Римскіе берега, содержалъ собственныя свои владѣнія въ совершенной безопасности, и потому опредѣлили завести морскія силы. Но гдѣ взять корабли, и гдѣ матрозовъ? Римляне хотя имѣли нѣсколько судовъ, но оные не могли служить образцомъ для военныхъ кораблей. Къ щастію ихъ выкинуло бурею на берегъ Карфагенскую галеру о пяти рядахъ веселъ почти неповрежденную. Римляне воспользовались симъ случаемъ и по образцу выброшенной построили въ скоромъ времени до 120 галеръ, а въ продолженіи работы обучали матрозовъ, сидя на скамьяхъ, управлять веслами. По спускѣ галеръ на воду обучали еще нѣсколько времени матрозовъ къ греблѣ и къ морскому искуству; однакожъ, не надѣясь сравняться съ опытными въ семъ дѣлѣ мореходцами, придумали сдѣлать на галерахъ своихъ большіе желѣзные крюки, чтобъ можно было ихъ закидывать на непріятельскіе корабли и сражатся въ схваткѣ бортъ о бортъ. Дѣятельность Римлянъ въ заведеніи флота была столь велика, что они въ томъ же годѣ успѣли выдти въ морѣ, а что еще удивительнѣе, одержать надъ непріятелемъ побѣду. Консулъ Ду-

илій получилъ первой морской тріумфъ, и Римляне, восхищенные сею побѣдою, опредѣлили въ знакъ отличія побѣдителю на всю жизнь особую честь: когда онъ вечеромъ пойдетъ по городу, то идти передъ нимъ трубачу и воину съ факеломъ, первому для отличія, послѣднему для освѣщенія дороги.

Въ шестой годъ Римляне, подъ начальствомъ Консула Корнелія Сципіона, взяли нѣсколько городовъ въ Сардиніи и Корсикѣ. Седьмой и осьмой годы протекли безъ значительныхъ подвиговъ; а въ девятой годъ Римляне рѣшились внести оружіе свое въ самую Африку. 330 Галеръ, съ потребнымъ числомъ матрозовъ, и до сорока тысячь отборныхъ войскъ приготовлено было для сей великой и отважной експедиціи. Консулы Регулъ и Манлій, принявшіе на тотъ годъ начальство, принуждены были дать напередъ Карфагенцамъ морское сраженіе, и по щастію они, одержавъ побѣду, могли уже безпрепятственно высадить войски на Африканской берегъ. Городъ Клипея былъ первымъ завоеваніемъ, въ которомъ Консулы укрѣпились и, опустошивъ окрестности, отправили въ Римъ

нарочнаго о истребованіи дальнѣйшихъ повелѣній.

При семъ случаѣ Сенатъ Римской сдѣлалъ непростительную ошибку въ распоряженіяхъ своихъ. Щитая войски нужными для покоренія остальной части Сициліи, онъ вызвалъ Консула Манлія обратно съ большею частію войскъ и флота; а Регула, въ званіи Проконсула, оставилъ дѣйствовать въ Африкѣ съ 15 тысячами войска и съ 40 галерами. Съ такою малою силою не возможно было ожидать хорошихъ успѣховъ противъ многолюднаго и богатѣйшаго на землѣ города. Регулъ кажется предвидѣлъ ненадежность предпріятія, и просилъ себѣ отставки по причинамъ, достойнымъ временъ Патріаршескихъ. Онъ владѣя пашнею, всего изъ семи десятинъ состоящею, оставилъ предъ отъѣздомъ въ Африку управителя съ наемными работниками для обрабатыванія сего не большаго помѣстья своего. Но въ продолженіе года управитель умеръ, а работники бѣжали, унеся съ собою и земледѣльческія орудія. Консулъ, не имѣя ни какого имущества, кромѣ сей не большей пашни, опасался, что за отсудствіемъ его и по причинѣ украденныхъ орудій

поле его останется не засѣяннымъ, а жена и дѣти безъ пропитанія. Сенатъ, уважая столь справедливыя причины, опредѣлилъ на щетъ казны купить Регулу новыя земледѣльческія орудія, засѣять его пашню и принять издержки на содержаніе семейства его; а самаго Регула оставить въ Африкѣ согласно перваго опредѣленія.

По сему Регулъ, лишась надежды возвратиться въ отечество, принужденъ былъ на другой годъ открыть военныя дѣйствія. Карфагенцы вызвали изъ Сициліи Амилкара съ пятью тысячами войска, и опредѣлили еще двухъ начальниковъ, Асдрубалла сына Ганнонова и Бостера. Неспособность сихъ начальниковъ была причиною, что Регулъ одержалъ надъ ними побѣду, пріобрѣлъ въ Африкѣ многихъ союзниковъ и въ состояніи уже былъ приступить къ Карфагену.

Не знаю, нужно ли упоминать о похожемъ на басню произшествіи, случившемся будто бы при началѣ сей второй Африканской напольности. Разсказываютъ, что Регулъ, подойдя къ рѣкѣ Баградѣ, остановленъ былъ зміемъ ужасной величины, которой недопускалъ Рим-

лянъ черпать воду, умерщвлялъ ихъ челюстями, или изгибами хвоста своего. Римляне, не могши пробить оружіемъ твердой чешуи, принуждены были наконецъ выставить противъ его стѣнобитныя орудія. Одинъ, брошенный съ оныхъ камень переломилъ змію хребетъ и тѣмъ подалъ средство умертвить его. Но возвратимся къ исторіи.

Знаменитая побѣда, одержанная Регуломъ въ Африкѣ и большая часть приставшихъ къ нему Африканскихъ владѣльцовъ, заставили Карфагенское правительство просить мира. Побѣдитель могъ выговорить выгодныя для Римлянъ и не совсѣмъ постыдныя для Карфагенцовъ условія. Но Регулъ забылся въ щастіи и, по свойственной Римлянамъ жестокости, предложилъ условія, не согласныя съ его положеніемъ и невозможныя къ выполненію. Побѣжденные, но сильные еще Карфагенцы, не могли согласиться на принятіе отъ горсти пришельцовъ постыднаго мира. Они рѣшились продолжать войну. Между тѣмъ прибыли къ нимъ изъ Греціи вспомогательныя, или наемныя войски подъ начальствомъ Ксантиппа полководца Лакедемонскаго. Ксантиппъ, разпросивъ по-

дробно о дѣйствіяхъ прошедшей напольности и о послѣднемъ сраженіи, доказалъ Карфагенцамъ, что всѣ нещастія произошли отъ не искуства начальниковъ. Карфагенцы ободрились и поручили Ксантиппу главное начальство по арміи. Онъ и дѣйствительно, перемѣнивъ планъ дѣйствія и почти съ равною противъ Римлянъ силою, одержалъ надъ Регуломъ совершенную побѣду, истребилъ его войски и самаго его, взявъ въ плѣнъ, отдалъ Карфагенцамъ.

Обрадованные столь неожидаемою и рѣшительною побѣдою Карфагенцы изъявили Ксантиппу всѣ знаки притворной благодарности, но внутренно досадовали, что одолжены спасеніемъ своимъ чужестранцу. Ксантиппъ, зная вѣроломной нравъ ихъ, просилъ позволенія возвратиться въ отечество. Они согласились, снарядили корабль, но къ неблагодарности, говорятъ, присовокупили гнусное вѣроломство, отправя на кораблѣ знатное число Карфагенцовъ съ тайнымъ повелѣніемъ сбросить Ксантиппа со всею свитою его въ морѣ.

Съ сего времени щастіе Римлянъ нѣсколько измѣнилось. Новые Консулы хотя одержали надъ Карфагенцами у

Африканскихъ береговъ и на самомъ берегу новыя побѣды; но по опустошенію Регуломъ окрестностей принуждены были, за недостаткомъ продовольствія, вывести остальныя войски изъ Клипеи и со всею сложенною въ оной добычею отправиться въ Сицилію. Но, замѣшкавъ сими зборами до наступленія бурнаго времени, потеряли въ дорогѣ при возвращеніи своемъ большую часть флота и съ войсками, и плѣнными и съ добычею.

Черезъ годъ Римляне успѣли опять снарядить новый флотъ и отправить въ Африку, но и сей, кромѣ опустошенія береговъ, не произведя ничего важнаго, разсѣянъ былъ бурею. Столь великія въ морѣ отъ бурь нещастія, произшедшія большею частію отъ малаго искуства въ мореплаваніи, Римляне приписали гнѣву боговъ, и опредѣлили по истощенію казны не заводить болѣе флота, кромѣ 60 галеръ, необходимо нужныхъ для удержанія Сициліи.

Однакожъ дѣла ихъ вскорѣ поправились. Въ 14-й годъ войны Консулъ Метеллъ, оставленный въ Сициліи въ званіи Проконсула, поддержалъ оружіе Римское, разбилъ Карѳагенскую армію подъ начальствомъ Асдрубалла и, кромѣ мно-

жества добычи и плѣнныхъ, взялъ болѣе ста слоновъ, которыхъ и переправилъ въ Италію для украшенія тріумфа своего.

Между тѣмъ Карфагенцы, соскучась продолжительною и раззорительною войною, отправили въ Римъ посольство съ предложеніемъ о мирѣ; а естьли не согласятся въ условіяхъ, то по крайней мѣрѣ размѣняются плѣнными. Для лучшаго же въ дѣлѣ успѣха отправили съ послами содержащагося у нихъ въ плѣну Регула, взявъ съ него клятву возвратиться назадъ, естьли посольство не достигнетъ своей цѣли. Регулъ, приближась къ Риму и почитая себя военноплѣннымъ, не согласился войти въ городъ, не смотря на усильныя прозьбы друзей и Сенаторовъ; не согласился даже и на свиданіе съ женою и дѣтьми своими. По сему случаю Сенатъ созванъ былъ за городомъ, соглашался заключить миръ и можно было надѣяться на выгодныя условія. Оставалось Регулу объявить свое мнѣніе. Сей почтенный старецъ, къ удивленію и даже къ сожалѣнію всего собранія объявилъ, что не должно соглашаться не только на заключеніе мира, но и на самый размѣнъ плѣнныхъ, до-

казывая, что кто имѣя оружіе въ рукахъ отдался непріятелю, тотъ недостоинъ сожалѣнія и не можетъ принести большей пользы отечеству. Касательно же мирныхъ предложеній сказалъ, что Карѳагенцы, изнуренные войною и раздираемые несогласіями, не могутъ выдержать оружія Римскаго тѣмъ болѣе, что лучшіе полководцы ихъ одни казнены по приговору военнаго суда, другіе находятся въ плѣну у Римлянъ; и что его мнѣніе продолжать неослабно войну, дабы принудить Карѳагенцовъ къ принятію тѣхъ условій, какіе отъ него Регула послѣ побѣды были предложены.

Писатели по сіе время не соглашаются въ дѣйствіи сего Регулова поступка. Одни приписываютъ чрезмѣрной любви къ отечеству, другіе суровости его нрава. Но кажется любовь къ отечеству можно имѣть безъ ненависти къ сосѣднимъ народамъ, и здравый разсудокъ обязывалъ Регула согласиться по крайней мѣрѣ на размѣнъ плѣнныхъ. Одни виновные заслуживаютъ наказаніе; но нельзя сказать, чтобъ всѣ попавшіяся въ плѣнъ не достойны были сожалѣнія. Самъ Регулъ потерялъ сраженіе по такимъ причинамъ, которые могли оправдать его.

По крайней мѣрѣ онъ не могъ ручатся за щастіе и не виноватъ, когда Римляне, отозвавъ обратно большую часть арміи и флота, отняли у него всѣ средства къ успѣшному окончанію дѣла въ такое время, когда страхъ его оружія придавалъ ему возможность овладѣть и самымъ Карфагеномъ.

Регулъ, обрѣкшись добровольно на смерть, получилъ казнь, соотвѣтственную малодушію Карфагенцовъ. Возвратясь въ Африку, онъ преданъ былъ на самыя жесточайшія мученія и кончилъ жизнь свою въ бочкѣ, проколотой гвоздями.

Люпость, оказанная Регулу въ Карфагенѣ, произвела въ Римлянахъ непримиримую ненависть къ безчеловѣчнымъ мучителямъ и желаніе къ отмщенію. Обѣ стороны съ новымъ жаромъ начали готовиться къ продолженію войны. Римляне снарядили новый флотъ и осадили Лилибею, самый крѣпкій Карфагенской городъ въ Сициліи. Но худой выборъ Консуловъ на военное время былъ причиною, что Римляне потеряли сей флотъ, и по изпощенію казны не могли снарядить новаго. Девять лѣтъ протекло въ осадѣ Лилибеи, и въ набѣгахъ каперами частныхъ людей на непріятельскія земли.

Наконецъ Римляне почувствовали необходимость въ сооруженіи новаго флота, и въ принятіи сильныхъ мѣръ къ прекращенію войны, изтощившей ихъ казну и уменьшившей народонаселеніе. Любовь къ отечеству, ни когда неослабѣвающая въ Римлянахъ, подала средство къ поспѣшному сооруженію флота. Граждане согласились добровольно, каждый по возможности, дать въ заемъ правительству потребную сумму, и принялись за построеніе галеръ по новому лучшему образцу, взятому съ Карфагенской галеры. Консулъ Лутацій Катуллъ имѣлъ щастіе побѣдить на морскомъ сраженіи славнаго Карфагенскаго Адмирала Амилкара Варку, отца Аннибаллова, и заключить миръ на предложенныхъ Регуломъ условіяхъ. Въ слѣдствіе сего мира Карфагенцы уступили Римлянамъ всѣ владѣнія свои въ Сициліи, отдали плѣнныхъ безъ выкупу и обязались заплатить въ продолженіе десяти лѣтъ 2200 талантовъ серебромъ, и сверхъ того тысячу талантовъ при подписаніи договора.

Такимъ образомъ кончилась первая Пуническая война, продолжавшаяся безъ малаго 24 года. Римляне потеряли въ

сію войну болѣе 700 галеръ и знатное число народа; ибо при учиненной по окончаніи войны переписи число гражданъ уменьшилось до 32 тысячь. Потеря съ Карфагенской стороны была еще важнѣе. Не говоря о наемныхъ войскахъ, которые кромѣ денегъ ничего имъ нестоили, они потеряли множество судовъ и искусныхъ матрозовъ вмѣстѣ съ начальниками, и на всегда лишились Сициліи, важной по хлѣбородію и доставившей Римлянамъ неистощимый запасъ первой жизненной потребности.

Карфагенцы, послѣ войны съ Римлянами, принуждены были выдержать еще другую войну въ самой Африкѣ. Множество наемныхъ войскъ, служившихъ во время брани, потребовали заслуженаго жалованья. Полководцы, оставшіяся въ Сициліи, предвидя опасность, начали отправлять сіи войски въ Африку не большими отрядами въ томъ предположеніи, чтобъ ихъ удовлетворять жалованьемъ и распускать по мѣрѣ прибытія. Но Карфагенское правительство, основанное на разщетахъ корысполюбія, невоспользовалось симъ благоразумнымъ распоряженіемъ. Оно, не имѣя въ казна-

чействѣ наличной суммы на заплату войскамъ жалованья, не захотѣло открыть займа, или обременить гражданъ новымъ необходимымъ для сего налогомъ. При томъ же, когда война кончилась и войски стали не нужны, то правительство вздумало съ ними торговаться о убавкѣ обѣщаннаго и заслуженнаго ими жалованья. Сіи корыстолюбивые разщеты остановили удовлетвореніе арміи, и заставили прежде прибывшую ожидать остадьной изъ Сициліи. Когда же армія вся собралась и правительство, не перемѣняя намѣренія своего, начало общипывать воиновъ, тогда вспыхнуло явное возмущеніе, которое превратилось въ открытую кровопролитную войну. Многіе Африканскіе города, находясь подъ притѣснительнымъ правленіемъ Карфагена, стали на сторонѣ возмутителей; и хотя Карфагенцы, послѣ трехъ лѣтней жестокой войны, успѣли привести Африканскія владѣнія свои въ прежнее повиновеніе, но потеряли часть внѣшнихъ владѣній, изъ коихъ Сардинія и Корсика сбросили съ себя Карфагенское иго и подпали подъ зависимость Римлянъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Отъ конца первой до начала второй Пунической войны. Произшествія 23 лѣтъ, отъ 241 до 218 года до Р. Х.

Римляне, по заключеніи мира съ Карфагеномъ, первымъ долгомъ сочли устроить порядокъ во вновь пріобрѣтенныхъ Сицилійскихъ владѣніяхъ. Они выслали всѣхъ подозрительныхъ людей, особливо Галловъ, служившихъ въ войскѣ Карфагенскомъ, изъ той предосторожности, чтобъ непроизошло отъ нихъ какого либо возмущенія; опредѣлили одного Претора для судныхъ дѣлъ, и одного Квестора для сбору податей, которыя распредѣлены были соразмѣрно богатству и многолюдству каждаго города. На Претора возложено было еще, кромѣ судныхъ дѣлъ, начальство надъ войсками, оставленными для укрощенія внутреннихъ возмущеній и для защиты отъ внѣшнихъ непріятелей. Такое управленіе завоеванными провинціями не могло быть отягощительно для побѣжденныхъ, и даже выгоднѣе было для нихъ, нежели какъ бы оставались они подъ собственнымъ своимъ или Карфагенскимъ

правленіемъ. Одинъ страхъ имени Римскаго защищалъ ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей; внутреннее же правленіе, предоставленное каждому городу съ правомъ свободной промышленности, и малое число Римскихъ начальниковъ и оставленныхъ войскъ, было выгодно для новыхъ подданныхъ, особливо въ то время, когда Римляне не ослѣпились еще роскошію и корыстолюбіемъ.

Римъ, избавясь войны Карфагенской, подверженъ былъ въ скоромъ времени другаго рода нещастію. Рѣка Тибръ, выступя изъ береговъ, запопила нижніе части города и снесла многіе домы; въ слѣдъ за тѣмъ случился пожаръ, превратившій въ пепелъ множество домовъ и всѣ казенныя зданія вокругъ народной площади; при чемъ сгорѣлъ и храмъ богини Весты, столь много почитаемый въ Римѣ. Когда сей храмъ загорѣлся, то Весталки, хранительницы неугасаемаго огня, разбѣжались отъ страха. Но главный Жрецъ, Цецилій Метеллъ, бросился въ объятый пламенемъ храмъ, схватилъ истуканъ богини и нѣкоторыя утвари, и вынесъ оные невредимо изъ пламени; но себѣ сожегъ руку и опалилъ глаза, отъ чего лишился зрѣнія. Набож-

ные Римляне неоставили безъ награды столь великой заслуги. Они почтили Метелла особою честію: правомъ въѣзжать на колесницѣ въ Сенатъ.

Около сего же времени показались въ Римѣ первые опыты въ словесныхъ наукахъ. Ливій Андроникъ, родомъ Грекъ, началъ представлять трагедіи и комедіи въ Греческомъ вкусѣ, и возбудилъ въ Римлянахъ склонность къ поэзіи, особливо пастушеской, ибо полевыя работы щитались у Римлянъ почетнымъ занятіемъ. Вмѣсто военныхъ тріумфовъ, ослѣпительныхъ для глазъ народа, приближалось время праздновать столѣтіе. Разосланные по всей Италіи нарочные возвѣстили о семъ праздникѣ. Гіеронъ Царь Сиракузской, вѣрный союзникъ Римлянъ, прислалъ въ подарокъ на сей праздникъ сто тысячь мѣръ пшеницы, и самъ прибылъ въ Римъ изъ любопытства посмотрѣть на сіе великолѣпное празднество. Въ слѣдъ за тѣмъ не важные брани у Римлянъ со всѣми народами кончились, и въ знакъ всеобщаго мира затворенъ былъ храмъ Янусовъ, бывши отвореннымъ со времени царсiвованія Нумы около 440 лѣтъ.

Но миръ не былъ удѣломъ народу

Римскому. Подозрѣваютъ, что и политика Сената заставляла безпокойной народъ занимать безпрестанно внѣшнею войною, чтобъ избавиться внутреннихъ смятеній. Въ семъ намѣреніи Сенатъ, изыскивая причины къ новымъ бранямъ, не всегда держался справедливости. Сначала онъ свято чтилъ договоръ, заключенный съ Карфагенцами, которые, помирясь съ Римлянами, должны были выдержать еще, какъ замѣчено, жестокую войну съ наемными войсками и союзниками своими. Въ сіе опасное для Карфагенцовъ время многіе колоніи взбунтовались, особливо Сардинія и Корсика подвергнулись сильнѣйшимъ переворотамъ. Тамъ наемные войски, вѣроятно по таковой же остановкѣ жалованья, взбунтовались и, воспользуясь смятеніемъ въ Африкѣ, выгнали Карфагенскихъ начальниковъ и хотѣли овладѣть островами; но природные жители вздумали также войти въ права свои, выгнали чужестранцевъ и остались подъ собственнымъ своимъ правленіемъ. Убѣжавшіе въ Италію сіи чужестранцы внушили Римлянамъ завладѣть островами. Римляне сначала не хотѣли начинать войны въ нарушеніе договора съ Карфагенцами; но

послѣ, прельстясь сею приманчивою добычею и не смотря на сильныя представленія Карфагенскаго правительства, завладѣли во время мира сими островами и обратили ихъ въ Римскія провинціи.

Вскорѣ послѣ того по причинамъ болѣе справедливымъ открыли войну съ Иллирійцами, которые, населяя берега нынѣшней Албаніи, и занимаясь морскими разбоями, притѣсняли и грабили купцовъ Италійскихъ. Сенатъ, выслушивая часто повторяемые на сіе жалобы, рѣшился наконецъ отправить къ Иллирійской Царицѣ Тевтѣ посольство съ требованіемъ въ причиненныхъ подданными ея народу Римскому обидахъ удовлетворенія. Тевта не уважила посольства, отказала въ удовлетвореніи, и когда услышала отъ одного изъ пословъ дерзкій на сіе отвѣтъ, то приказала его убить, а прочихъ бросила въ тюрьму. Такое нарушеніе правъ народныхъ и самыя безсильныя Государства не переносятъ равнодушно; о Римлянахъ же нельзя было и подумать, чтобъ они не наказали гордости Иллирійской Царицы. Имъ не много стоило труда совершить сіе наказаніе. Одинъ походъ кончилъ все

дѣло. Тевта лишена престола, на мѣсто ея возведенъ молодой Царевичь Пеней подъ опекою преданнаго Римлянамъ правителя. Часть городовъ у него отобраны, на остальные наложена ежегодная подать. Сверьхъ того запрещено Илирійцамъ мореплаваніе далѣе своихъ береговъ, а въ случаѣ надобности ѣздить къ Епирскимъ и Греческимъ берегамъ не болѣе, какъ на двухъ судахъ.

Такой договоръ сколько былъ полезенъ для Римлянъ, не менѣе того привелъ въ безопасность и Грецію, которая почти безпрестанно обеспокоиваема была сими разбойниками. Консулъ Постумій, окончившій сію войну, отправилъ въ Грецію посольство съ изъясненіемъ причинъ, побудившихъ Римлянъ къ войнѣ съ Иллирійцами и съ объявленіемъ заключеннаго договора. Етоляне, Ахаяне, Коринфяне и Афиняне съ признательностію приняли сіе посольство, и предоставили Римлянамъ право гражданства и присудствіе на Истмическихъ играхъ.

Съ другой стороны главное вниманіе Римлянъ обращено было на Карфагенцовъ, которые, по окончаніи войны съ союзниками своими, начали опять усиливаться, и потерю Сициліи съ избыт-

комъ вознаградили покореніемъ большей части Испаніи. Амилкаръ, отецъ славнаго Аннибалла, возстановилъ упадшее могущество Карфагенцовъ и подъ клятвою завѣщалъ сыну своему имѣть къ Римлянамъ вѣчную, непримиримую ненависть. По смерти сего Карфагенскаго полководца правленіе Испаніи досталось зятю его Асдрубаллу, которой по миролюбивому характеру своему занимался не столько оружіемъ, сколько хозяйственнымъ благоустройствомъ. Ему приписываютъ построеніе новаго Карфагена въ Испаніи на берегу средиземнаго моря.

Римляне съ зависшію смотрѣли на сіе распространеніе могущества Карфагенскаго, и хотя они по трактату невыговорили себѣ права ограничивать власть Карфагенскую, однако же вошли съ представленіемъ и старались такъ же вмѣшатся въ дѣла Испаніи, какъ вмѣшались несправедливо въ дѣла Сардиніи и Корсики. Они сдѣлали бы еще болѣе, естьли бы Галлы неустрашили ихъ въ то время сильнымъ приготовленіемъ къ разгромленію земель Римскихъ. По сей причинѣ они кончили дѣло съ Карфагенцами одними переговорами, постановя однакожъ границею между обоими народами

рѣку Ебро въ Испаніи, и запретили Карфагенцамъ переходить за оную. Но какъ за рѣкою на Карфагенской сторонѣ оставался крѣпкой и сильной городъ Сагунтъ, которой, не желая подпасть подъ Карфагенское иго, отдался въ покровительство Римлянъ, то сіи выговорили оставаться сему городу неутральнымъ подъ собственнымъ его правленіемъ.

Такимъ образомъ Римляне, обезопасивъ себя со стороны Карфагена, обратились всѣми силами своими на Галловъ, которые, будучи обижены за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отняттіемъ принадлежащей имъ земли, вошли въ числѣ 70 тысячь въ Етрурію и, опустошивъ оную, подошли на три дня пути отъ Рима. Ни когда Римляне не дѣлали столь страшныхъ приготовленій, какъ въ сію войну. Приказано было всѣмъ союзникамъ выставить свои участки и прислать росписи, сколько еще можно набрать войскъ въ случаѣ надобности. По симъ росписямъ нашлось болѣе 43 тысячь Римлянъ и 158 тысячь союзниковъ въ дѣйствительной службѣ; сверьхъ того около 560 тысячь можно было набрать, естьли бы надобность того востребовала.

Но всѣ сіи силы не спасли бы Рима

отъ нещастія, естьли бы Промыслъ Божій неуправлялъ судьбою Царствъ и народовъ. Случилось такъ, что всѣ Римскія арміи находились не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было нужно. Одинъ только не большей корпусъ подъ начальствомъ Претора встрѣтилъ непріятельскую армію; но будучи разбитъ съ потерею шести тысячь, остальной укрѣпился на удобномъ мѣстѣ. Галлы имѣли возможность истребить сіи остатки и приступить къ Риму; но возгордясь своею побѣдою и пріобрѣтенною добычею, провели ночь въ гульбѣ и въ твердой надеждѣ наутро окончить пораженіе Римлянъ. Между тѣмъ Консулъ Емилій съ главною арміею, имѣвши станъ свой при Адріатическомъ морѣ и узнавъ, что непріятель ворвался въ Етрурію, пошелъ искать его и въ ту самую ночь нашелъ нечаянно на то мѣсто, гдѣ стоялъ непріятель. Другой Консулъ Атилій, возвращаясь съ арміею изъ Сардиніи, высадилъ войски въ Пизѣ и, идучи къ Риму, сошелся на томъ же мѣстѣ.

Такимъ образомъ Галлы побѣдители вдругъ поставлены были случайно между двухъ непріятельскихъ армій и, вмѣсто вѣрной побѣды, принуждены были са-

ми защищаться отъ нападенія. Не было возможности спастись бѣгствомъ. До сорока тысячь легло на мѣстѣ, болѣе десяти тысячь съ однимъ Царемъ досталисъ въ плѣнъ Римлянамъ; а другой Царь, не желая пережить пораженія, самъ себя лишилъ жизни со многими подначальниками. Таковъ былъ конецъ сраженія Теламонскаго, въ которомъ не разумъ полководцевъ Римскихъ управлялъ движеніями армій, но случай привелъ Консуловъ изъ разныхъ мѣстъ въ одно время на непріятеля.

На другой годъ Римляне, по случаю сильныхъ дождей и умножившихся отъ того въ арміи болѣзней, не сдѣлали въ поискахъ своихъ надъ непріятелемъ ничего значительнаго; на третій годъ Консулъ Фламиній еще разъ разбилъ Галловъ, но былъ отданъ подъ судъ за то, что дѣйствовалъ въ противность приказаній Сената. Наконецъ въ четвертый уже годъ Консулы Клавдій Марцеллъ и Корнелій Сципіонъ покорили всю верьхнюю Италію до Алпійскихъ горъ, и обратили оную въ Римскую провинцію подъ названіемъ пред-Алпійской.

Въ слѣдъ за тѣмъ Димитрій, опекунъ Иллирійскаго Царя, открылъ про-

тивъ Римлянъ непріятельскія дѣйствія. Онъ, въ нарушеніе заключеннаго договора, зашелъ съ 50 вооруженными судами за предѣлы владѣній своихъ, покорилъ Цикладскіе острова, и заключилъ оборонительный трактатъ съ Македонскимъ Государемъ; узнавъ же, что Римляне готовятся наказать его, распорядился къ сильной защитѣ; укрѣпилъ городъ Дималу, а самъ съ отборными войсками засѣлъ въ Фаросѣ.

Консулы Емилій Павелъ и Ливій Селинаторъ, отправленные въ Иллирію, сочли рѣшительнѣе приступить къ главному укрѣпленному городу Дималѣ и, по семидневной осадѣ, взяли его приступомъ. Прочіе города, устрашенные столь рѣшительною побѣдою, сдались безъ сопротивленія. Оставалось только взять Димитрія въ Фаросѣ; но какъ городъ былъ укрѣпленъ и снабженъ сильнымъ гарнизономъ, то Римляне выманили Димитрія притворнымъ отступленіемъ на вылазку и, оставленною въ разныхъ мѣстахъ острова засадою, отрѣзавъ его отъ крѣпости, большую часть воиновъ порубили. Самъ Димитрій успѣлъ спастись бѣгствомъ къ Филиппу Царю Македонскому, котораго въ послѣдствіи

склонилъ войти въ союзъ съ Аннибаломъ, и чрезъ то подалъ Римлянамъ благовидный предлогъ войти въ непріятельскія дѣйствія съ Македонскими Государями.

Римляне оставили въ Иллиріи Царствовать по прежнему Пенея, впрочемъ ограничили власть его и сдѣлали почти данникомъ Риму. Такимъ образомъ они, въ продолженіе мира съ Карфагеномъ, успѣли управиться съ другими непріятелями своими, и готовы были всѣми силами возобновить войну съ главнѣйшимъ врагомъ своимъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вторая Пуническая война. Причина и начало войны. Дѣла Италійскія. Дѣла Испанскія. Дѣла Сицилійскія. Дѣла Италійскія, Сицилійскія и Африканскія. Окончаніе войны. Произшествія 17 лѣтъ, отъ 218 до 201 года до Р. Х.

Вторая Пуническая война отличается отъ всѣхъ браней въ древней исторіи ужаснѣйшимъ противоборствомъ двухъ сильнѣйшихъ на землѣ народовъ,

управляемыхъ искусными полководцами, отъ чего происшествія и перевѣсъ на той и на другой сторонѣ столь часто перемѣнялись, что до послѣдняго сраженія нельзя было предвидѣть, которой народъ сотрется съ лица земли и которому опредѣлено быть повелителемъ свѣта.

Мы уже видѣли, что Римляне не могли сносить равнодушно усилившуюся власть Карфагенцовъ въ Испаніи, но будучи въ то время заняты предстоящею войною съ Галлами, ограничили властолюбіе свое заключеніемъ договора съ Асдрубалломъ, зятемъ Амилькаровымъ. Въ Карфагенѣ такъ же господствовали двѣ партіи. Одна, прозванная Баркинскою, отличалась искуснѣйшими полководцами, въ которой начальникомъ былъ Амилкаръ, отецъ Аннибаловъ. Сія партія не терпѣла Римскаго могущества, не прощала той несправедливости, по которой Римляне отняли въ мирное время Сардинію и Корсику, и наложили къ начальному договору прибавочную дань въ тысячу талантовъ, и потому силилась вооруженною рукою поддержать независимость отечества своего. Другая партія подъ руководствомъ Ганнона держалась пра-

вилъ умѣренности, и не хотѣла начинать войны съ опаснымъ для нихъ непріятелемъ безъ крайней нужды.

Асдрубалъ зять Амилькаровъ, по смерти тестя, умѣлъ содержать обѣ партіи въ равновѣсіи, и между тѣмъ покорилъ большую часть Испаніи не столько оружіемъ, сколько обходительностію, переговорами и союзами съ тамошними народами. Онъ такъ же опасался разорвать союзъ съ Римлянами, уступая иногда ихъ требованіямъ, и согласился рѣку-Ебро поставить границею между обоими народами. Но когда смерть его доставила начальство въ Испаніи Аннибаллу, сыну Амилькарову, то партія Баркинская взяла перевѣсъ надъ умѣренною. Аннибалъ, поклявшійся въ непримиримой ненависти къ Римлянамъ, ничего болѣе не желалъ, какъ выказать военныя дарованія свои и внести оружіе въ сердцѣ самой Италіи. Въ семъ намѣреніи онъ началъ покорять въ Испаніи не подвластные еще народы, возбуждать въ Карфагенѣ ненависть къ Римлянамъ и, не желая прямо открыть своихъ мыслей, началъ клеветать на Сагунтянъ, Римскихъ союзниковъ, и испросилъ позволеніе осадить ихъ городъ, оставшій-

ся одинъ неподвластнымъ Карфагенцамъ за рѣкою Ебро.

Сагунтяне отправили въ Римъ пословъ просить помощи. Римляне, наблюдая приличіе, сочли за нужное снестись напередъ съ Карфагенскимъ правительствомъ и потребовать объясненія, по какимъ причинамъ Аннибалъ предпринялъ осаду союзнаго Римлянамъ города, и естьли правительство неучаствуетъ въ семъ дѣлѣ, то выдать имъ виновнаго. Но въ Карфагенѣ партія Аннибаллова была въ то время господствующею. Она проволочила посольство переговорами, не давъ рѣшительнаго отвѣта. Между тѣмъ Аннибалъ спѣшилъ взятіемъ Сагунта приступомъ. Знатнѣйшіе Сагунтяне, не видя ни какой возможности отразить непріятеля, снесли все имущество въ одинъ костеръ и, зажегши оный, побросались въ пламень съ женами и дѣтьми своими. Городъ по семимѣсячной осадѣ взятъ приступомъ, оставшіяся жители большею частію изрублены и самыя зданія сравнены съ землею.

Римляне поздо увидѣли, что предали на жертву Аннибалу столь храбрыхъ и вѣрныхъ союзниковъ и, негодуя какъ

на самихъ себя, а еще болѣе на вѣроломство Карфагенское, спѣшили раздѣлаться силою оружія. Они поручили Сципіону начальство въ Испаніи, а Семпронію въ Сициліи съ позволеніемъ, если Аннибалъ не ворвется въ Италію, то Семпронію переправиться въ Африку и открыть военныя дѣйствія противъ Карфагена. Между тѣмъ, желая дать благовидный предлогъ вооруженію своему, отправили въ Карфагенъ пословъ требовать себѣ рѣшительнаго удовлетворенія. Фабій, глава посольства, примѣтя прежнюю проволочку въ дѣлѣ и наклонность господствующей партіи къ войнѣ, кончилъ переговоры съ свойственною Римлянамъ рѣшительностію. Онъ, свернувъ полу одежды своей, сказалъ въ Сенатѣ Карфагенскомъ: я принесъ къ вамъ миръ или войну; выбирайте любое. Что вы сами назначите, отвѣчали главнѣйшіе изъ Сенаторовъ. И такъ, я объявляю войну, повторилъ Фабій. Мы принимаемъ ее съ удовольствіемъ, возразили Сенаторы и отпустили посланниковъ.

На обратномъ пути чрезъ Испанію и Галлію Фабій старался склонить туземныхъ жителей къ союзу съ Римля-

нами. Но преданные въ жертву непріятелю Сагунтяне находились у всѣхъ въ свѣжей памяти. Ни кто не согласился, кромѣ однѣхъ Марсельцовъ, войти въ союзъ съ такимъ народомъ, который оставляетъ въ нуждѣ друзей своихъ безъ помощи — и Фабій привезъ въ Римъ одни укоры отъ всѣхъ посѣщенныхъ имъ народовъ.

Между тѣмъ Карфагенцы, принявъ отъ Фабія объявленіе войны, должны были принять сильныя мѣры къ отраженію столь страшнаго непріятеля. Къ щастію они имѣли у себя въ то время такого полководца, которому подобнаго не производилъ Карфагенъ во все время существованія своего. Аннибалъ, будучи тогда не старѣе 26 лѣтъ, соединялъ въ себѣ всѣ способности великаго полководца и опытнаго Министра. Карфагенцы, сдѣлавъ его главнокомандующимъ всѣми арміями, предоставили ему дѣйствовать противъ Римлянъ по собственнымъ его распоряженіямъ — исіи распоряженія сдѣланы были съ такою мудростію, что всѣ древніе историки не замѣтили въ нихъ ни какой ошибки. Аннибалъ чувствовалъ, что вся его армія собрана была изъ такихъ людей, коло-

рымъ Карфагенъ не былъ отечествомъ, и слава его не могла быть ихъ собственностію. По сему онъ набранную армію въ Европѣ распредѣлилъ для защиты Африканскихъ владѣній, а природныхъ Африканцевъ перевелъ для защиты Испаніи въ томъ увѣреніи, чтобъ ни тѣмъ, ни другимъ въ случаѣ неудачнаго сраженія не было надежды разбѣжаться по домамъ своимъ. Самъ же съ отборными войсками, изъ 50 тысячь пѣхоты и 9 тысячь конницы, намѣренъ былъ пробратся въ Италію и открыть военныя дѣйствія въ собственныхъ Римскихъ владѣніяхъ, въ которыхъ надѣялся большую часть Римскихъ союзниковъ, особливо въ Южной Италіи, склонить на свою сторону.

Такое предпріятіе щиталось тогда однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ потому, что надобно было перейти разстояніе сухимъ путемъ до 1600 верстъ по дорогамъ проселочнымъ между народами независимыми и большею частію непріязненными, отъ которыхъ нельзя было ожидать, ни надежнаго продовольствія, ни свободнаго пропуска чрезъ ихъ земли; къ тому же протекающія на пути быспрыя, глубокія рѣки могли запру-

днять переправу арміи, особливо слоновъ, назначенныхъ для сраженій. Наконецъ отдѣляющій Италію хребетъ высочайшихъ въ Европѣ Алпійскихъ горъ съ снѣжными вершинами служилъ для Римлянъ такою оградою, которая казалась во все непреодолима. Аннибалъ все предвидѣлъ, обо всемъ собралъ вѣрныя свѣденія и, разославъ напередъ по всей дорогѣ нарочныхъ съ убѣжденіемъ, угрозами, а еще болѣе съ богатыми подарками и съ обѣщаніемъ платить за дружбу щедрою рукою, отправился на великій подвигъ, достойный славы первыхъ героевъ древности.

Переправа чрезъ рѣку Ебро и переходъ чрезъ Пиринейскія горы незатруднили Карфагенскаго героя, но быстрая и глубокая рѣка Рона въ Галліи остановила его армію. На одной сторонѣ не было довольнаго числа судовъ для переправы, а на другой собралось множество Галловъ въ намѣреніи не допустить прибывшую армію до высадки на берегъ. Аннибалъ послалъ ночью сильной отрядъ въ верьхъ по Ронѣ съ приказаніемъ переправится чрезъ рѣку и зайти непріятелю въ тылъ. Когда предпріятіе удалось, онъ началъ переправлять свою

армію и ставить въ строй для отраженія Галловъ; между тѣмъ посланный отрядъ вступилъ въ сраженіе съ тылу и чрезъ то, обративши на себя непріятеля, далъ время и способъ переправиться всей арміи.

Публій Сципіонъ, въ слѣдствіе замѣченныхъ выше распоряженій, посадивъ легіоны свои на суда для перевозу въ Испанію, но извѣстясь, что Аннибалъ выступилъ уже въ походъ и перешелъ Пиринейскія горы, вышелъ на берегъ въ Марсели, располагаясь дать сраженіе Аннибалу въ Галліи и недопустить его до Италіи. Посланный отъ него конный отрядъ открылъ непріятеля перешедшаго уже за Рону. Аннибалъ не разсудилъ ждать Сципіона и пошелъ впередъ своею дорогою. Консулъ, прибывъ на мѣсто переправы и узнавъ, что непріятель ушелъ впередъ на три дня пути, почелъ невозможнымъ настичь его, и потому, возвратясь поспѣшно на суда, часть войскъ своихъ отправилъ съ братомъ Кнеемъ Сципіономъ въ Испанію, а съ оспальными подъ своимъ начальствомъ поплылъ обратно къ Генуѣ, располагаясь встрѣтить Аннибала въ Пі-

емонтѣ по переходѣ его чрезъ Алпійскія горы.

Но не такъ легко было Аннибалу достичь сухимъ путемъ до Италіи по такимъ землямъ, въ которыхъ не только военныхъ, но мѣстами и проселочныхъ дорогъ не было. Переходъ же чрезъ Алпійскія горы въ позднѣе уже осеннее время дѣлалъ такое препятствіе, котораго казалось преодолѣть невозможно тѣмъ болѣе, что всѣ вершины и проходы заняты были свирѣпыми горцами, собравшимися бить и грабить Карфагенскую армію. Надобно было имѣть все искуство Аннибалово, чтобъ содержать разноплеменную рать въ безусловномъ послушаніи, и возбудить бодрость и охоту въ воинахъ къ столь трудному и опасному переходу. Двѣ недѣли боролась армія со всѣми ужасами Природы и свирѣпостію горныхъ жителей, то взбираясь на высокія оледенѣлыя вершины, то низвергаясь въ глубокія пропасти, то сражаясь съ непріятелемъ и голодомъ. Одинъ Аннибалъ не терялъ присудствія духа и, указывая съ вершинъ горъ на лежащія въ далекѣ плодоносныя равнины Италіи, обѣщалъ воинамъ своимъ послѣ труднаго перехода пріятное отдо-

хновеніе и богатыя корысти. Однакожъ онъ, при семъ переходѣ и переправѣ чрезъ Рону, расперялъ болѣе половины арміи своей, и прибылъ въ Италію только съ 20 тысячами пѣхоты и съ 6 тысячами конницы.

Дѣла Италійскія.

Римляне коль скоро узнали о прибытіи Аннибала въ Италію, тотчасъ отмѣнили нападеніе на Африку, и послали къ Семпронію повелѣніе возвратиться изъ Сициліи на защиту своего отечества. Сципіонъ между тѣмъ, высадивъ войски въ Пизѣ и соединясь съ находящимися въ близи войсками, пошелъ на встрѣчу непріятелю и сошелся съ нимъ за рѣкою По при Тезинѣ. Аннибалъ ясно видѣлъ, что успѣхъ въ предпріятіи его много будетъ зависѣть отъ первой битвы, и потому употребилъ все искуство свое къ одержанію надъ Сципіономъ побѣды. Но можетъ быть Консулъ не далъ бы побѣдить себя, еспьлибъ не былъ тяжело раненъ въ жару сраженія. Семнадцатилѣтній сынъ его Сципіонъ, прозванный въ послѣдствіи Африканскимъ, едва успѣлъ выхватить изъ рукъ непріятелей раненаго отца своего. Въ слѣдъ

за тѣмъ и вся армія отступила въ станъ и, переправясь ночью за рѣку По, разломала мостъ за собою. Аннибалу досталось въ плѣнъ только 600 человѣкъ, оставленныхъ для защиты моста во время перехода арміи. Однакожъ сія побѣда принесла ему великія выгоды потому, что Галлы и другіе сосѣдніе народы, непринимавшіе участія ни въ той, ни въ другой сторонѣ, послѣ пораженія Римлянъ пристали къ Аннибалу и соединились подъ его начальство.

Вскорѣ послѣ того и Семпроній прибылъ изъ Сициліи и соединился съ Сципіономъ на берегахъ Требіи. Безразсудное желаніе Семпронія, за болѣзнію товарища получить одному честь побѣды, побудило его, не смотря на сильныя возраженія Сципіона, дать сраженіе. Аннибала же самая необходимость заставляла рѣшительною побѣдою заслужить себѣ довѣріе отъ приставшихъ къ нему союзниковъ. При столь единодушныхъ желаніяхъ не трудно было вступить въ битву, и какъ предвидѣлъ Сципіонъ, такъ и случилось. Двадцать шесть тысячь съ Римской стороны пало на мѣстѣ битвы и перетонуло при обратной переправѣ чрезъ рѣку; остальная жь армія,

въ числѣ десяти тысячь, съ трудомъ успѣла спастись въ Піаченцу.

Аннибалу, послѣ побѣды при Требіи, надлежало перейти чрезъ Аппенинскія горы. При семъ переходѣ настигла его ужасная гроза съ жестокимъ вѣтромъ и проливнымъ дождемъ, причинившая арміи его еще болѣе вреда, нежели самый переходъ чрезъ Алпійскія горы. Здѣсь вторично напалъ онъ на Семпронія, но не сдѣлавъ ни чего рѣшительнаго и не желая продолжать войны на землѣ, принадлежащей союзникамъ его, перешелъ въ Етрурію. На семъ переходѣ случилось съ Аннибаломъ новое нещастіе. Армія его отъ разлитія рѣки Арно шла три дни по колѣно въ водѣ, воины умирали отъ изнуренія, лошади валились отъ голода; самъ Аннибалъ, разстроенный въ здоровьѣ отъ трудовъ и прежнихъ переходовъ, окривѣлъ отъ воспаленія въ глазахъ. Столь великія нещастія, претерпѣнныя Аннибаломъ въ пути, знатно уменьшили его армію и разстроили планъ военныхъ его предпріятій.

Римляне на противъ того, коль скоро узнали о пораженіи арміи своей при Требіи, то не вдаваясь въ безполезное отчаяніе, тотчасъ приступили къ на-

бору новой арміи и, собравъ оную съ великою поспѣшностію, выслали въ полѣ подъ начальствомъ новыхъ Консуловъ Фламинія и Сервилія. Къ щастію Аннибала Фламиній, при всей личной храбрости, былъ дурной полководецъ. Аннибалъ, узнавъ характеръ его, приказалъ опустошать Етрурскія земли. Консулъ не могъ вытерпѣть, чтобъ въ его глазахъ чинимо было столь ужасное громленіе. Тщетно подкомандующіе его убѣждали подождать другаго Консула; тщетно и жрецы объявляли неблагопріятныя предвѣщанія. Фламиній, презрѣвъ все, далъ приказъ готовиться къ сраженію. Аннибалу нельзя было ожидать лучшаго щастія. Съ его искуствомъ не трудно было отнять всѣ выгоды у опромѣтчиваго Консула, и 15 тысячь Римлянъ побитыхъ, было плодомъ побѣды при потерѣ съ Карфагенской стороны не болѣе полуторыхъ тысячь. Самъ Фламиній, пораженный потерею арміи, палъ вмѣстѣ съ нею подъ мечами непріятелей. Шесть тысячь Римлянъ спаслось отъ смерти, но и тѣ взяты на другой день военноплѣнными. Аннибалъ оставилъ въ плѣну однихъ Римлянъ, а Латинцовъ и прочихъ союзниковъ отпу-

стилъ на честномъ словѣ не воевать противъ его.

Таково было слѣдствіе безразсудности Фламиніевой, или конецъ битвы не подалеку отъ озера Тразименскаго. Печальная вѣсть о семъ пораженіи произвела въ Римѣ всеобщее уныніе, которое усугубилось еще и тѣмъ, что посланный отъ Сервилія въ помощь къ Фламинію отрядъ въ четыре тысячи воиновъ такъ же истребленъ Аннибаломъ послѣ Тразименской битвы. Въ сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ Сенатъ Римской оказалъ достойную себя прозорливость. Въ то время, какъ народъ толпился на площадяхъ и улицахъ, разсказывая другъ другу невѣрные слухи о произшедшемъ, Сенаторы собирались ежедневно въ присудствіе изыскивать средства къ спасенію отечества. Всѣ видѣли, что двѣ арміи погибли въ короткое время отъ неспособности начальниковъ, и всѣ были увѣрены, что щастіе Аннилово зависѣло, такъ сказать, отъ выбора въ Римѣ выставленныхъ противъ его Консуловъ. Сія истина заставила Сенаторовъ разсмотрѣть способности отличнѣйшихъ мужей между ими. Фабій Максимъ признанъ достойнѣйшимъ упра-

влять дѣйствіями арміи не потому, чтобъ онъ былъ изъ числа славныхъ полководцевъ; но за то, что его осмотрительность, вѣрныя и дальновидныя соображенія и хладнокровіе ручались въ томъ, что онъ не потеряетъ ни одного воина безъ вѣрной надежды на побѣду, и не сдѣлаетъ шагу ко вреду отечества. Оставалось запрудненіе въ томъ, какимъ образомъ избрать его начальникомъ. По существующимъ узаконеніямъ одни Консулы въ правѣ были избрать Диктатора, но ихъ не было въ городѣ: одинъ убитъ, а къ другому невозможно было послать извѣстія потому, что всѣ дороги къ Риму заняты были Аннибаломъ. Народу же предоставить сію власть, Сенатъ неразсудилъ, опасаясь непріятныхъ послѣдствій. По симъ причинамъ Сенатъ избралъ Фабія Продиктаторомъ, или управляющимъ за Диктатора, предоставя однакожъ ему полную власть Диктаторскую.

Между тѣмъ Аннибалъ послѣ побѣды Тразименской, сдѣлавъ нѣсколько неважныхъ движеній, подошелъ къ Адріатическому морю. Здѣсь онъ далъ роздыхъ своей изнуренной арміи, особливо принялъ попеченіе о лѣченіи больныхъ

и раненыхъ, и въ первой еще разъ, послѣ отъѣзда изъ Испаніи, послалъ въ Карфагенъ донесеніе о дѣйствіяхъ своихъ; ибо прежде, по случаю отдаленія отъ береговъ морскихъ, не имѣлъ къ сему возможности. Карфагенцы, обрадованные щастливымъ успѣхомъ похода Аннибалова, усугубили дѣятельность свою къ продолженію войны въ Испаніи и Сициліи; но не видно, чтобъ пополнена была армія Аннибалова.

Консулъ Сервилій, узнавъ о пораженіи товарища своего, отступилъ къ Риму. Прибытіе его утвердило Фабія законнымъ порядкомъ въ Диктаторствѣ. Фабій же, коль скоро получилъ начальство, то первымъ долгомъ счелъ возобновить древніе набожные обряды, дабы не имѣть укора въ пренебреженіи Святыни. Потомъ, набравъ два легіона и присоединя къ нимъ Консульскую армію, издалъ указъ поспѣшить уборкою хлѣба, и всѣмъ сельскимъ жителямъ сжечь свои домы и переселится въ укрѣпленныя мѣста. Симъ средствомъ надѣялся Диктаторъ отнять у Аннибала продовольствіе. Самъ же съ арміею своею, располагаясь на возвышенныхъ мѣстахъ, неприступныхъ для непріятельской конницы, из-

бѣгалъ сраженія и старался выморить непріятеля голодомъ.

Аннибалъ, вскорѣ замѣтивъ предусмотрительность новаго начальника, истощилъ все искуство свое, чтобъ выманить его на сраженіе; но ни что не могло поколебать твердости Диктатора. Онъ, не выпуская Аннибала изъ виду, держалъ его въ беспрестанномъ страхѣ и готовности къ сраженію; а между тѣмъ, уклоняясь отъ битвы, отнималъ у него всѣ способы къ продовольствію. Такой медлительной родъ войны не понравился наконецъ и самымъ Римлянамъ, особливо Минуцій, начальникъ конницы, явно укорялъ Фабія въ его трусости, и произвелъ дерзкими разговорами своими не только въ войскѣ, но и въ самомъ Римѣ безразсудныхъ хулителей поступка Фабіева. Аннибалъ, узнавши отъ перемѣтчиковъ о семъ образѣ мыслей и по хитрой выдумкѣ своей, приказалъ, при опустошеніи земель Римскихъ, щадить поля Фабіевы. Сія хитрость, при наговорахъ Минуція, получила, желаемое дѣйствіе. Народные Трибуны донесли на Фабія, что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Аннибаломъ. Фабій, вмѣсто отвѣта, приказалъ продать поща-

женныя непріятелемъ поля свои и вырученные деньги употребить на выкупъ плѣнныхъ.

Вскорѣ послѣ того и медленность Фабіева произвела ожидаемое дѣйствіе. Аннибалъ, бродивъ цѣлое лѣто по опустошеннымъ полямъ, увидѣлъ наконецъ, что естьли онъ не выведетъ арміи своей на зиму на плодородныя земли, то можетъ умереть съ голоду. Но для сего перевода оставался одинъ проходъ между горами, но и тотъ занятъ былъ войсками Фабія. Не оставалось ни какого средства избавиться отъ совершенной гибели. Въ семъ отчаянномъ положеніи, естьли вѣрить Историкамъ, Аннибалъ удивилъ всѣхъ своею хитростію. Онъ собралъ до двухъ тысячь быковъ, отнятыхъ имъ въ продолженіе напольности; навилъ на рога ихъ горючихъ веществъ и, зажегши оныя, пустилъ ночью въ проходы, приказавъ слѣдовать за волами и всей арміи своей. Когда огонь дошелъ до тѣла, быки взбѣсились, разбѣжались по всѣмъ мѣстамъ, зажгли растущій въ близи кустарникъ и навели ужасъ на Римскую засаду, согнавъ оную съ мѣстъ своихъ. Между тѣмъ армія ночью спокойно слѣдовала по дорогѣ, и

Римляне на разсвѣтѣ уже увидѣли обманъ и ошибку свою, когда большая часть непріятельской арміи находилась уже внѣ опасности и только задній конецъ потерпѣлъ не много отъ Римскаго оружія.

По выходѣ Аннибала встрѣтилась Фабію надобность по дѣламъ службы побывать въ Римѣ. Здавъ начальство Минуцію, приказалъ ему не отступать отъ сдѣланныхъ распоряженій. Но Минуцій не умѣлъ держать себя въ правилахъ опытнаго и осторожнаго Диктатора. Онъ коль скоро увидѣлъ Карфагенцовъ, разсѣявшихся за продовольствіемъ, тотчасъ выслалъ противъ ихъ сильной отрядъ съ приказаніемъ вступить въ сраженіе. Къ щастію удалось ему одержать не большую побѣду, но великую для надменнаго начальника. Онъ тотчасъ отправилъ въ Римъ гонца съ увеличеннымъ донесеніемъ о своей побѣдѣ. Сильная его партія довершила остальное. Всѣ восхищались побѣдою, укоряли Фабія, что онъ, потерявъ цѣлое лѣто въ безполезныхъ предосторожностяхъ, не истребилъ непріятеля. Трибуны предложили сдѣлать Минуція товарищемъ Диктатору. Теренцій Вар-

ронъ, богатый и гордый Плебеянинъ, подкрѣпилъ предложеніе со всею настойчивостію наглаго самохвала; и обиженный Диктаторъ принужденъ былъ раздѣлить власть свою съ малодостойнымъ начальникомъ. Прибывъ въ армію онъ согласился съ Минуціемъ раздѣлить войски по поламъ, чтобъ каждому дѣйствовать по своимъ мыслямъ и отвѣчать за свой корпусъ.

По раздѣлѣ войскъ Фабій остался при прежнихъ правилахъ, а Минуцій тотчасъ сошелъ съ вершинъ на ровное мѣсто и ни чего столько не желалъ, какъ дать сраженіе. Аннибалъ давно ожидалъ сего. Онъ по первому движенію и отъ перемѣтчиковъ узналъ о произшедшей перемѣнѣ въ Римской арміи и, не теряя времени, заманилъ Минуція въ дѣло. Превосходство дарованій Аннибаловыхъ не долго заставило его ждать побѣды. Минуцій былъ разстроенъ и охваченъ; оставалось только рубить Римлянъ, или заставить ихъ положить оружіе. Фабій, давъ полную волю Минуцію дѣйствовать, наблюдалъ однакожъ всѣ движенія его, и когда увидѣлъ Римлянъ на краю погибели, тотчасъ вывелъ

свой корпусъ, отогналъ Аннибала и спасъ Минуція.

Къ чести Минуція должно замѣтить, что онъ въ полной мѣрѣ призналъ безразсудность свою, просилъ у Фабія прощенія и, почитая себя недостойнымъ командовать, здалъ начальство свое по прежнему Диктатору. Но и Фабій отплатилъ Минуцію не меньшимъ великодушіемъ. Онъ принялъ кающагося виновника въ свои объятія, не сдѣлавъ ему ни одного упрѣка. Вскорѣ потомъ шестимѣсячный срокъ Диктаторства вышелъ. Фабій сложилъ съ себя должность. На мѣсто его избраны Консулами со стороны Патриціевъ Павелъ Емилій, а со стороны народа Теренцій Варронъ, тотъ самый, который способствовалъ къ возведенію Минуція на степень равнаго Диктатору начальника.

Римляне, располагаясь кончить войну сею напольностію, набрали въ двое большую армію. Прежде каждый Консулъ набиралъ обыкновенно по два легіона, но на сей разъ набрали они по четыре и составивши съ союзниками армію до 80 тысячь пѣхоты и до 6 тысячь конницы. Весь народъ полагалъ надежду на сію многолюдную армію, отпустилъ

оную въ походъ со всѣми приличными обрядами и съ желаніемъ возвратиться ей побѣдоносною. Консулъ Варронъ не переставалъ увѣрять, что онъ не будетъ по примѣру Фабія медлить побѣдою, и въ первый день, когда увидитъ непріятеля, дастъ ему сраженіе. Емилій напротивъ, досадуя на хвастовство товарища своего, говорилъ, что нельзя въ Римѣ назначить ни дня, ни мѣста сраженію, которое зависитъ отъ обстоятельствъ и обоюднаго положенія армій.

Аннибалъ, имѣя армію съ союзниками до 50 тысячь пѣхоты и до 10 тысячь конницы, находился тогда въ Апуліи по близости мѣстечька Каннъ. Онъ претерпѣвалъ большей недостатокъ въ продовольствіи, и даже съ трудомъ удерживалъ ропотъ арміи своей, и потому вынужденъ былъ кончить дѣло однимъ рѣшительнымъ сраженіемъ.

Консулы, подведя армію свою на видъ непріятеля, согласились командовать ежедневно по очереди. Въ первый день Римляне напали на отрядъ, защищавшій сенокосовъ Аннибаловыхъ, и почти на голову истребили его. Аннибалъ не жалѣлъ о сей потерѣ и даже надѣялся симъ проигрышемъ заманить Римлянъ къ об-

щему сраженію. На другой день выбрался какъ бы тайкомъ изъ стана, предоставя оный на грабежъ непріятелю, а самъ засѣлъ въ лѣса и за горы. Въ тотъ день начальство принадлежало Емилію, который, зная хитрости Аннибаловы и придерживаясь правилъ Фабіевыхъ, не рѣшился дать сраженія, не смотря на всю настойчивость Варронову. Но когда наступила очередь командовать сему Консулу, то онъ, несоображаясь ни съ чемъ, далъ приказъ выступить изъ стана. Емилій по неволѣ долженъ былъ за нимъ послѣдовать. Варронъ надѣялся на многолюдство арміи своей, Аннибалъ же на свое искуство. Сей послѣдній истощилъ всѣ способности свои къ предупрежденію всякихъ непредвидимыхъ случаевъ, и заслужилъ въ сей день отъ современниковъ и потомства титло величайшаго полководца древности. Варронъ напротивъ того, поставя армію въ боевой порядокъ, располагался рубить съ плеча непріятеля, не принялъ ни какихъ предосторожностей и не сдѣлалъ во время сраженія ни какихъ удачныхъ движеній. Къ нещастію Римлянъ Емилій былъ тяжело раненъ при началѣ сраженія, и хотя неоставилъ команды, но не могъ уже

дѣйствовать съ свойственнымъ ему искуствомъ и расторопностію. Аннибалъ въ самомъ жару сраженія неупускалъ изъ виду ни малѣйшихъ полезныхъ для него случаевъ и, располагая движенія арміи своей по обстоятельствамъ сраженія, успѣлъ разстроить Римлянъ и обратить въ бѣгство. Тогда превосходство и многочисленность Нумидійской конницы помогло ему довершить побѣду.

Павелъ Емилій, за полученными ранами, не могши командовать на лошади, сражался пѣшимъ, и когда всѣ усилія его къ поправленію дѣла остались безуспѣшны, тогда сражавшіяся вокругъ его воины побросались на лошадей и ускакали. Изнеможенный Консулъ остался на мѣстѣ. Вскорѣ послѣ того военный Трибунъ Лентулъ, убѣгая отъ преслѣдующихъ его непріятелей, увидѣлъ Консула, сидѣвшаго на камнѣ и истекающаго кровію. Положеніе достойнаго начальника заставило Лентула забыть собственную свою опасность. Онъ соскакиваетъ съ лошади, предлагаетъ ее Консулу и убѣждаетъ его спасатся отъ непріятелей. Умирающій Консулъ, поблагодаря Лентула за великодушное предложеніе, не согласился за безнадежное спасеніе

свое подвергать жизнь его опасности, и совѣтовалъ ему спѣшить въ Римъ и объявить Сенату, чтобъ оный принялъ мѣры къ укрѣпленію города; велѣлъ также сказать Фабію, что Консулъ всегда одобрялъ и слѣдовалъ его правиламъ. Лишь только Лентулъ удалился, непріятели наскакали на Емилія и предали его смерти.

Римляне потеряли въ семъ сраженіи, кромѣ 40 тысячь рядовыхъ, одного Консула, двухъ Квесторовъ, 21 Трибуна, 80 Сенаторовъ и такое множество всадниковъ, что собрано побѣдителями цѣлый четверикъ золотыхъ колецъ, которые всадники въ знакъ отличія отъ пѣшихъ на рукахъ носили. Сверьхъ того цѣлый отрядъ до семи тысячь, оставленный для защиты малаго лагеря, сдался военноплѣннымъ. Потеря со стороны Аннибала, не щитая раненыхъ, простиралась убитыми не болѣе шести тысячь. Варронъ съ небольшимъ числомъ всадниковъ ускакалъ въ Венузу. Многіе воины, спасшіяся отъ пораженія, укрылись по ближнимъ городамъ; а топъ отрядъ, которой оставленъ былъ для защиты большаго лагеря, числомъ болѣе четырехъ тысячь, спасся въ Канузу

Апулійской городъ. Одна знатная госпожа въ семъ городѣ, по имени Буза, снабдила Римлянъ хлѣбомъ, платьемъ и деньгами. При семъ разсказываютъ и другое приключеніе, которое такъ же прославило молодаго Сципіона, прозваннаго въ послѣдствіи Африканскимъ.

Сципіонъ служилъ тогда легіоннымъ Трибуномъ и находился въ Канузи вмѣстѣ съ другими тремя товарищами. Они рѣшились съ общаго согласія, до полученія указа о дальнѣйшемъ назначеніи, избрать между собою двухъ начальниковъ для содержанія спасшагося отряда и вновь прибѣгающихъ воиновъ въ должномъ послушаніи. Выборъ палъ на Сципіона и Аппія Клавдія. Въ то самое время является Фурій Филъ, сынъ знатнаго Консулярнаго Патриція, и объявляетъ, что многіе молодые всадники изъ знатнѣйшихъ фамилій согласились съ Цециліемъ Метелломъ оставить Канузи и бѣжать на корабляхъ изъ Италіи, почитая отечество погибшимъ. Всѣ изумились, не знали на что рѣшится въ такомъ опасномъ дѣлѣ. Въ ту самую минуту Сципіонъ, прерывая разговоръ, сказалъ: оставимъ сужденіе. Нужно дѣйствовать безъ отлагательства, когда

нашлись между нами трусы и явные враги отечеству. Кто любитъ Римъ, тотъ слѣдуй за мною. Потомъ идетъ прямо въ домъ Метелловъ, застаетъ тамъ многихъ молодыхъ людей на совѣщаніи, выхватываетъ мечь свой и, обратя остріемъ къ предстоящимъ, говоритъ грознымъ повелительнымъ голосомъ: клянусь ни когда не оставлять Рима и не потерплю, чтобъ кто другой его оставилъ. Кто откажется изъ васъ дать подобную клятву, тотъ будетъ врагомъ отечеству и личнымъ моимъ непріятелемъ. Все собраніе, зная рѣшительность Сципіона, дало присягу въ ненарушимой вѣрности отечеству. Симъ поступкомъ Сципіонъ возжегъ въ сердцахъ воиновъ угасшую искру мужества, и возбудилъ въ нихъ надежду къ пріобрѣтенію потерянной славы отечеству.

Между тѣмъ въ Римѣ не было еще получено достовѣрнаго извѣстія, когда слухъ о пораженіи арміи и обоихъ Консуловъ разнесся по городу. Ни кто не сомнѣвался, чтобъ непріятель не шелъ прямо къ Риму, и ни кто не надѣялся отразить его. Всѣ почитали Римъ погибшимъ на вѣки. Мужчины спрашивали другъ у друга съ смущеннымъ видомъ:

сколь близко непріятель? Женщины, какъ сумасшедшія, бѣгали по улицамъ, оплакивая погибшихъ мужей и дѣтей своихъ. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ Преторы созвали Сенатъ для принятія мѣръ къ спасенію отечества; но невозможно было продолжать засѣданія по причинѣ народной толпы и множества женщинъ, собравшихся вокругъ присудствія въ намѣреніи узнать подробности случившагося нещастія. Тогда Фабій Максимъ предложилъ утишить напередъ волненіе въ городѣ. Для сего усилили стражу на заставахъ, чтобъ ни кто не могъ убѣжать изъ города; женщинамъ запретили выходить на улицу безъ крайней надобности. Самъ Фабій и прочіе Сенаторы обошли всѣ домы въ городѣ, обнадеживая отцевъ семейства въ возможности спасти отечество, и совѣтуя имъ содержать домашнихъ въ должномъ послушаніи. Въ тоже время отправи. гонцевъ на дороги, узнать отъ бѣгущихъ о состояніи арміи. Когда занимались сими распоряженіями, получили отъ Консула Варрона донесеніе, что онъ, по потерѣ сраженія, удалился въ Венузу и собралъ уже подъ начальство свое до десяти тысячь

*

спасшихся отъ пораженія воиновъ, и что Аннибалъ стоитъ еще при Каннахъ и занимается выкупомъ плѣнныхъ.

По выслушаніи сего донесенія Сенатъ тотчасъ послалъ предписаніе къ Марцеллу, бывшему тогда начальникомъ флота, чтобъ онъ принялъ отъ Консула команду; вмѣстѣ съ тѣмъ, по недостатку гражданъ, опредѣлилъ записать въ службу недорослей, которымъ минуло 17 лѣтъ отъ роду; сверьхъ того принять восемъ тысячь рабовъ, которые охотою пожелаютъ записатся въ службу. Къ симъ распоряженіямъ Марцеллъ прислалъ съ флота 1500 человѣкъ на защиту города.

Здѣсь Историки замѣчаютъ твердость Римскаго Сената въ самое опасное время. Отрядъ малаго стана, не согласившійся по приглашенію Семпронія открыть себѣ путь вооруженною рукою и сдавшійся военноплѣннымъ, выговорилъ заплатить Аннибалу за выкупъ свой, полагая на наши деньги, за конныхъ около 50, за пѣшихъ около 30 и за рабовъ около 10 руб. за душу. Для полученія сихъ денегъ изъ общенародной казны Аннибалъ отправилъ въ Римъ изъ числа сихъ плѣнныхъ 10 депутатовъ, и вмѣ-

стѣ съ ними послалъ своего надежнаго чиновника съ предложеніями о мирѣ. Сенатъ, не смотря на усильныя прозьбы родственниковъ, не согласился на щетъ казны выкупить плѣнныхъ, и призналъ благонадежнѣе заплатить сію сумму помѣщикамъ за рабовъ, призванныхъ въ службу, нежели за воиновъ, добровольно отдавшихъ оружіе. На предложеніе же о мирѣ, говорятъ, данъ такой же отвѣтъ, какъ и Пирру, что Сенатъ не войдетъ съ Аннибаломъ ни въ какія сношенія, доколѣ онъ не выведетъ арміи своей съ земель, принадлежащихъ Римлянамъ.

Такая твердость оправдываетъ Аннибала въ той предосторожности, что онъ послѣ Канской побѣды не пошелъ прямо къ Риму. Хулители сего поступка находились даже и въ собственной его арміи; ибо когда Аннибалъ не согласился въ семъ дѣлѣ съ общимъ мнѣніемъ подчиненныхъ начальниковъ, то Магабралъ сказалъ ему въ глаза: ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоватся побѣдою. Но положеніе Аннибала доказываетъ, что сей упрѣкъ сдѣланъ ему несправедливо, и что онъ гораздо вѣрнѣе обсуживалъ состояніе дѣлъ своихъ и не-

пріятельскихъ. Послѣ Канской побѣды, за отключеніемъ убитыхъ и раненыхъ, онъ имѣлъ у себя не болѣе 30 тысячь арміи, собранной подъ знамена его не долгомъ службы и не любовію къ отечеству, но единственно приманкою къ корысти и нуждающеюся въ необходимомъ продовольствіи; то могъ ли онъ, безъ потери разсудка, рѣшится съ сею разноплеменною ратью приступить къ осадѣ сильнѣйшаго въ Италіи города, въ которомъ всѣ жители были воины, готовые защищать женъ, дѣтей и отечество свое до послѣдняго издыханія? Напротивъ того, оставя сіе безразсудное предпріятіе, онъ получилъ гораздо вѣрнѣйшіе плоды отъ сей побѣды. Кампанцы, Самнитяне, Тарентинцы и нѣкоторые другіе народы отпали отъ Рима и приняли сторону Аннибала, которой неимѣя до сего ни одного города, куда бы могъ укрытся въ случаѣ нещастія, вдругъ пріобрѣлъ большую часть Южной Италіи съ важными укрѣпленными городами и съ изобильнымъ продовольствіемъ. Оставалось только получить изъ Карфагена нужное подкрѣпленіе и флотъ, дабы оному дѣйствовать сообразно съ сухопутными силами. Но

когда пришло отъ Аннибала донесеніе о побѣдѣ съ требованіемъ пособія въ деньгахъ и войскахъ, то Ганнонъ, начальникъ противной партіи, настаивалъ въ отказѣ Аннибалу всякаго пособія и даже упрекалъ его, что онъ заставляетъ сомнѣваться въ побѣдѣ, когда проситъ пособія, которое дается побѣжденнымъ, а не побѣдителямъ. Послѣ сего можно ли было устоять Карфагену противъ такого народа, котораго правительство въ благоразуміи своемъ превзошло всѣ правительства въ древности?

Примѣръ сему, кромѣ множества другихъ, видѣнъ былъ въ пріятіи Варрона. Сей консулъ, погубившій болѣе 50 тысячь воиновъ, въ Карфагенѣ прямо бы пошелъ на висѣлицу; но въ Римѣ принятъ былъ съ такимъ уваженіемъ, которому въ исторіи не было примѣра. Сенатъ вышелъ къ нему на встрѣчу и торжественно благодарилъ за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества. Такое снизхожденіе конечно не относилось къ Варрону, но оно нужно было для извлеченія народа изъ отчаянія и къ возбужденію надежды, что Римляне, не смотря на отпаденіе многихъ

союзниковъ, имѣютъ еще вѣрные способы къ отраженію непріятеля.

Аннибалъ, послѣ побѣды при Каннахъ, хотѣлъ взять Неаполь; но увидѣвъ укрѣпленія его и не имѣя ни осадныхъ орудій, ни достаточнаго числа войскъ для приступа, оставилъ предпріятіе свое. Потомъ приступилъ къ Нолѣ, но былъ отбитъ Марцелломъ съ значительнымъ урономъ. Сія первая побѣда надъ Аннибаломъ весьма много способствовала къ возбужденію въ Римлянахъ прежняго мужества. Послѣ сего неудачнаго предпріятія, Аннибалъ расположился зимовать въ Капуѣ. Здѣсь воины его подвергнулись такой же участи, какую Римляне претерпѣли въ Самнитскую войну. Они побѣждены были не силою оружія, но роскошію и веселостями, и проведя зиму во всѣхъ возможныхъ удовольствіяхъ, разлюбили трудную военную жизнь, сдѣлались лѣнивы и склонны къ побѣгу.

Аннибала сильно укоряютъ за сію неосторожность. И естьли онъ не былъ приневоленъ къ тому обстоятельствами, то расположеніе войскъ на зимнія квартиры въ богатомъ и развращенномъ городѣ можно почесть одною изъ весьма

не многихъ ошибокъ, сдѣланныхъ имъ въ бытность въ Италіи.

Восточные Государи внимательно смотрѣли на борьбу двухъ сильныхъ западныхъ народовъ. Они, опасаясь могущества обоихъ, не могли склонится ни на ту, ни на другую сторону. Филиппъ Македонскій, какъ ближайшій Государь къ Италіи, имѣлъ болѣе другихъ надобности наблюдать дѣйствія войны и соображать съ оною поведеніе свое. Онъ воевалъ въ то время съ Етолійцами, когда Аннибалъ побѣдилъ Римлянъ при Каннахъ, и видя, что Карфагенской начальникъ разбиваетъ уже третію и, казалось послѣднюю Римскую армію, не сомнѣвался въ паденіи Рима. Къ сему увѣренію Димитрій, выгнанный изъ Иллиріи за измѣну, не переставалъ поддерживать въ Филиппѣ ненависть противъ Римлянъ, и наконецъ довелъ до того искательство свое при Македонскомъ Дворѣ, что Филиппъ отправилъ къ Аннибалу посла съ поздравленіемъ о побѣдахъ его въ Италіи, и для заключенія съ нимъ наступательнаго и оборонительнаго трактата.

Посолъ исправилъ порученіе съ надлежащимъ успѣхомъ. Онъ заключилъ

съ Аннибаломъ трактатъ, въ слѣдствіе котораго Филиппъ обѣщалъ помочь Аннибалу въ покореніи Италіи, Аннибалъ же въ замѣну сего обязался содѣйствовать Филиппу въ покореніи Греціи.

Сей раздѣлъ Государствъ есть не первый и не послѣдній, который, не смотря на разщетливость людей, получилъ отъ Природы со всемъ другое назначеніе. Послы, отправленные отъ Аннибала къ Филиппу съ трактатомъ и письмами, перехвачены были Валеріемъ, начальникомъ Римскаго флота, и отправлены въ Римъ на пяти галерахъ за крѣпкимъ карауломъ.

Сенатъ увидѣлъ изъ писемъ и трактата намѣреніе непріятелей своихъ, принялъ противъ сего надлежащія мѣры и поручилъ Валерію наблюдать за дѣйствіями Филиппа, который хотя отправилъ на другой годъ новое посольство къ Аннибалу и заключилъ съ нимъ новый трактатъ на тѣхъ же условіяхъ, какія постановлены были въ предъидущемъ годѣ; но Римляне такъ же съ своей стороны вошли въ союзъ съ Етолійцами и подкрѣпили ихъ своими силами противъ Филиппа и Ахайскаго союза.

Сверьхъ того подняли на Македонію Спартанцевъ и Пергамскаго Царя.

По сей причинѣ Филиппъ, будучи занятъ собственною войною въ Греціи, не могъ уже дѣйствовать съ Аннибаломъ ко вреду Римлянъ, и всѣ предпріятія свои ограничилъ сначала нападеніемъ на Иллирійскіе города, отъ которыхъ былъ отбитъ со стыдомъ и урономъ; потомъ войною съ Етолійцами и другими Римскими союзниками; а наконецъ, соскучась раззорительною и безвыгодною для себя войною, примирился съ Етолійцами, Римлянами и со всѣми ихъ союзниками. Римляне охотно желали сего мира потому, что они спарались скорѣе раздѣлаться съ Аннибаломъ, и не могли подавать новымъ Греческимъ союзникамъ своимъ сильной помощи.

Такимъ образомъ союзъ съ Филиппомъ не принесъ Аннибалу ни какой выгоды, а Римлянамъ напротивъ того открылъ дорогу вмѣшиваться въ дѣла Греціи, и подготовлять оную изподоволь къ своему порабощенію.

Римляне, наученные прежними ошибками, выставили противъ Аннибала двухъ страшныхъ для него непріятелей, Фабія Максима и Клавдія Марцелла, изъ

коихъ первый всегда держалъ Аннибала въ виду и готовности къ сраженію, ни когда не давая онаго; а послѣдній боролся съ нимъ и мужествомъ и искуствомъ при всякой встрѣчѣ, рѣдко уступалъ побѣду, и даже до того довелъ Аннибала, что онъ началъ бѣгать отъ Римскаго полководца. Римляне прозвали Фабія щитомъ, а Марцелла мечемъ Римскимъ; каждаго по пяти разъ избирали въ Консулы; сверхъ того поручали имъ начальство надъ войсками подъ названіемъ Проконсуловъ, Преторовъ и проч.

Мы не будемъ описывать всѣхъ подробностей пятнадцати-лѣтняго пребыванія Аннибалова въ Италіи, замѣтимъ одни важнѣйшія произшествія. Онъ, послѣ неудачнаго предпріятія на Неаполь и Нолу, осадилъ въ Кумахъ Консула Семпронія, но и здѣсь не получилъ желаемаго успѣха. Между тѣмъ Марцелъ громилъ земли перешедшихъ на сторону Аннибала союзниковъ, которые тщетно просили помощи у покровителя своего; ибо Аннибалъ по недостатку войскъ не могъ защищать ихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ одно время отъ преслѣдованія Римлянъ, которые отдѣльными корпусами осаждали и брали города друзей Анни-

баловыхъ. Подобной участи подвергнулась и самая Капуа, по долгомъ сопротивленіи взятая Римлянами. И какъ она первая послѣ Канскаго пораженія отпала отъ Римлянъ и чрезъ то подала поводъ къ отступленію прочимъ союзникамъ, то и подвергнулась жесточайшему наказанію. Имѣніе Сенаторовъ Капуйскихъ описано въ казну, а самимъ имъ за нарушеніе вѣрности отрублены головы.

Тщетно Аннибалъ старался отбить Римлянъ отъ сего нещастнаго города. Употребя къ тому всѣ усилія, онъ придумалъ наконецъ послѣднее средство, приступить къ самому Риму, чтобъ симъ движеніемъ отвести Римлянъ отъ Капуи. Но Римляне и при семъ случаѣ не сняли осады, а вызвали только часть войска для защиты своего города. При сей осадѣ случились два произшествія, доказавшія Аннибалу непреодолимое упорство и характеръ Римлянъ. Когда онъ стоялъ предъ Римомъ, то въ другіе ворота выпущены были войски, набранные для Испаніи; другое произшествіе, не меньше обидное для честолюбія Аннибалова, состояло въ томъ, что тѣ самыя земли, на которыхъ стоялъ онъ

предъ городомъ, перепроданы были въ другія руки безъ всякаго пониженія въ цѣнѣ. Сіи два случая доказали Аннибалу, что Римляне перестали страшится его, по чему онъ съ досадою въ сердцѣ принужденъ былъ отступить отъ города.

Впрочемъ нельзя обвинять Аннибала, что онъ не пріобрѣлъ вновь ни какихъ успѣховъ въ Италіи. Онъ сдѣлалъ все, что великой полководецъ сдѣлать долженъ, но не отвѣчаетъ уже за тѣ препятствія, какія причинены ему были отъ собственнаго его правительства. Сначала Ганнонъ препятствовалъ его предпріятіямъ, но когда партія Аннибалова превозмогла и опредѣлено было подкрѣпить его войсками изъ Африки и Испаніи, то наборъ сихъ войскъ производился съ необыкновенною медленностію; когда же Аздрубалъ собралъ войски и готовъ былъ выступить изъ Испаніи, то Сципіонъ разбилъ его за рѣкою Ебро и тѣмъ остановилъ отправленіе. Другая экспедиція подъ начальствомъ Магона лишь только сѣла на суда, то получила приказъ вмѣсто Италіи плыть въ Сардинію. Наконецъ по прошествіи уже девяти лѣтъ Аздрубалъ, разбитый Сци-

піономъ въ Испаніи, рѣшился собранные имъ остатки арміи своей перевести въ Италію. Онъ взялъ въ прибавокъ часть войскъ у товарищей своихъ и благополучно прибылъ въ Италію съ арміею до бо тысячь пѣхоты и конницы.

Столь важное подкрѣпленіе могло бы поправить дѣла Аннибаловы, но видно Провидѣнію не угодно было дать власти на землѣ Карфагенскому правительству. Посланный отъ Аздрубалла нарочный къ брату своему Аннибалу, съ извѣстіемъ о прибытіи арміи, перехваченъ былъ Консуломъ Нероном, дѣйствовавшимъ противъ Аннибала въ южной Италіи. Неронъ, увидя изъ письма столь страшную армію и опасаясь, что товарищъ его Консулъ Ливій, стоявшій въ верхней Италіи, не въ силахъ будетъ остановить Аздрубалла, рѣшился подать ему помощь. Въ семъ намѣреніи, желая скрыть походъ свой отъ Аннибала, онъ оставилъ станъ на прежнемъ мѣстѣ безъ всякой перемѣны, а самъ только съ семи тысячами воиновъ вышелъ ночью и пустился скорымъ шагомъ на другой конецъ Италіи. Чрезъ семъ дней прибылъ къ своему товарищу и, вошедши ночью въ его станъ, размѣстился въ

ономъ, чтобъ не дать замѣтить Аздрубаллу о прибытіи своемъ. На утро Аздрубаллъ, располагаясь дать сраженіе, подошелъ къ Римской арміи, но увидя измученныхъ лошадей догадался о прибытіи ночью втораго Консула. Вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ тайной страхъ о участи брата своего Аннибала, подозрѣвая, что онъ уже погибъ, когда оба Консула соединились противъ его. Въ сей печальной задумчивости далъ приказъ къ отступленію, но не зная дороги и неимѣя свѣдущихъ и вѣрныхъ проводниковъ, онъ шелъ на удачу по близости одной излучистой рѣки. Здѣсь Консулы настигли его. Аздрубаллъ приневоленъ былъ дать сраженіе, и когда по жестокомъ сопротивленіи увидѣлъ, что побѣда склонилась на сторону Римлянъ, то бросился съ отчаянія въ средину непріятелей и палъ на мѣстѣ сраженія. Вмѣстѣ съ нимъ изрублена и вся армія его, ибо болѣе 50 тысячь легло на мѣстѣ, остальные взяты въ плѣнъ.

Неронъ, взявъ голову Аздрубалла, возвратился съ такою же поспѣшностію въ станъ свой, и отославъ оную съ двумя плѣнниками къ Аннибалу, приказалъ имъ подробно разсказать о всемъ про-

изшедшемъ. При видѣ сего печальнаго зрѣлища Аннибалъ, тронутый до слезъ и лишась послѣдней надежды на помощь, сказалъ со вздохомъ, что щастіе его оставило. Съ сего времени онъ сдѣлался задумчивъ и жестокъ, потерялъ прежнюю бодрость и оставался еще нѣсколько лѣтъ въ Италіи единственно по той необходимости, что не имѣлъ ни средствъ, ни повелѣнія возвратиться съ честію въ отечество.

Дѣла Испанскія.

Выше замѣчено, что въ первый годъ войны Публій Сципіонъ отправилъ брата своего Кнея Сципіона съ частію войскъ въ Испанію. Кней успѣлъ исплошить Аздрубалла, намѣстника Аннибалова, одержалъ надъ нимъ небольшую побѣду, которая однакожъ побудила многія Испанскія племена на восточной сторонѣ Ебро отложиться отъ Карфагенцовъ и пристать къ Римлянамъ. На другой годъ Публій Сципіонъ, прибывъ въ Испанію съ новымъ подкрѣпленіемъ и соединясь съ братомъ, перешелъ за рѣку Ебро и склонилъ еще многія Испанскія племена на свою сторону. Аздрубаллъ, не имѣя возможности противит-

ся Сципіонамъ ни на сухомъ пути, ни на морѣ, просилъ помощи изъ Карфагена; но вмѣсто того получилъ указъ отправиться въ Италію, а начальство въ Испаніи здать прибывшему изъ Африки съ сильнымъ подкрѣпленіемъ Имилкону. Сципіоны, узнавъ о сихъ распоряженіяхъ, разбили Аздрубалла въ Испаніи, и сею побѣдою уничтожили походъ его въ Италію.

Однакожъ Сципіоны, не смотря на сіи успѣхи, не могли бы держаться въ Испаніи, особливо они нуждались оружіемъ, аммуниціею и деньгами; но сберегая честь и довѣріе къ своему правительству, не соглашались возложить сихъ тягостей на новыхъ союзниковъ своихъ. Донесеніе ихъ объ успѣхѣ Испанскихъ дѣлъ и о требованіи помощи пришло въ Римъ въ такое время, когда правительство не имѣло ни какой возможности подкрѣпить ихъ тѣмъ болѣе, что новая война со стороны Филиппа угрожала Риму. Въ сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ всякое другое правительство могло бы отозваться невозможностію; но Римляне при всей крайности не оставили донесенія Сципіоновъ безъ должнаго вниманія. Они открыли заемъ на щетъ

правительства и, не смотря на сомнительную надежду въ платежѣ, явилось 19 человѣкъ, которые согласились на свой коштъ снабдить Испанскую армію всѣми потребностями съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ихъ на время подряда уволить отъ службы, и естьли въ пути потерпятъ со стороны непріятеля или отъ бурь какое нещастіе, то чтобы убытокъ отъ сего такъ же принятъ былъ на щетъ казны. Сіи условія были приняты, и подрядчики выполнили обязанность свою съ надлежащею исправностію такъ, что правительство отъ сего новаго способа къ снабженію арміи потребностями получило великую пользу.

Сципіоны, получивъ запасы для войскъ своихъ, одержали надъ Карфагенцами многія преимущества, побили у нихъ въ одинъ годъ въ разныхъ сраженіяхъ до 50 тысячь человѣкъ, отняли обратно Сагунтъ и вновь населили оный разсѣянными по разнымъ мѣстамъ оставшимися жителями. Ободренные сими успѣхами, отправили посольство въ Африку къ Нумидійскому Царю Сифаксу, который поссорился тогда съ Карфагенцами. Сифаксъ принялъ дружбу Римлянъ и въ продолженіе переговоровъ перевѣлъ быв-

шія у Карфагенцовъ въ службѣ войски свои на сторону Римлянъ. Но Карфагенцы за сіе отступленіе подняли на Сифакса другаго Нумидійскаго Царя Гелу, которой послалъ на Сифакса многочисленную армію подъ начальствомъ сына своего Масиниссы. Сей молодой Царевичь, при помощи Карфагенцовъ, одержалъ надъ Сифаксомъ рѣшительную побѣду и загналъ его на край собственныхъ его владѣній къ Гибралтарскому проливу; по томъ переправился въ Испанію и безпрестанными набѣгами не давалъ Сципіонамъ покою.

Сципіоны, владѣя около пяти лѣтъ Юговосточною частію Испаніи и пріобрѣтая каждый годъ новыхъ союзниковъ, расположились окончить войну одною напольностію. Имъ надлежало разбить три Карфагенскія арміи, двѣ подъ начальствомъ двухъ Аздрубалловъ, а третью подъ начальствомъ Магона. Не задолго предъ тѣмъ Сципіоны склонили стать подъ знамена свои до 30 тысячь Цельтиберіянцовъ и, полагаясь на столь знатную помощь, раздѣлили свои войски на двѣ арміи. Кнею доспались сіи вновь пріобрѣтенные союзники съ небольшимъ числомъ Римлянъ, а Публію прочіе вой-

ски. Коль скоро они разошлись и подошли къ непріятелямъ, то Аздрубаллъ тотчасъ замѣтилъ Цельтиберіянцовъ въ арміи Сципіоновой и, зная корыстолюбіе сего племени, подкупилъ ихъ оставить войну и разойтись по домамъ своимъ. Въ слѣдствіе сего соглашенія Цельтиберіянцы, поклавъ пожитки свои на лошадей, удалились. Тогда Сципіонъ увидѣлъ, сколь не надежны союзники, и не имѣя возможности по малочислію арміи своей, ни принудить вѣроломныхъ къ послушанію, ни отразить непріятеля, поспѣшно отступилъ отъ него. Между тѣмъ Публій Сципіонъ подвергнулся еще большему нещастію. Онъ, располагаясь разбить одинъ Карфагенской отрядъ, вышелъ въ небольшемъ числѣ изъ стана; но былъ охваченъ Масиниссою и двумя Карфагенскими арміями и, получивъ смертельную рану, палъ на мѣстѣ сраженія. За смертію его послѣдовало и разбитіе всей арміи. Карфагенцы обратились потомъ всѣми силами на Кнея Сципіона и также разбили его, при чемъ и самъ Сципіонъ лишился жизни.

Такимъ образомъ Римляне, будучи пять лѣтъ побѣдителями въ Испаніи, лишились вдругъ и полководцевъ и армій

своихъ. Казалось, всѣ завоеванія ихъ въ сей богатой землѣ потеряны. Но Провиденіе и при семъ случаѣ выказало невидимую силу свою. Марцій, сынъ простаго всадника, но великій духомъ, былъ оставленъ Сципіонами начальникомъ въ одной крѣпости. Онъ собралъ остатки разбитой арміи и, пріобщивъ къ онымъ часть гарнизоновъ, привелъ довольно значительной корпусъ въ станъ Публія Сципіона, оставленный имъ во время нещастной Експедиціи его. Порядокъ требовалъ здать команду начальнику стана фонтею, какъ намѣстнику Сципіонову. Но войски при собираніи голосовъ всѣ единодушно избрали начальникомъ спасителя своего Марція. Едва успѣли кончить сіе избраніе и укрѣпить станъ, какъ увидѣли предъ собою Аздрубалла, идущаго прямо на сраженіе. Въ ту минуту Марцій возбуждаетъ въ воинахъ ревность къ отмщенію за смерть любимыхъ полководцевъ своихъ. Воины бросаются на непріятелей, разстроиваютъ ихъ ряды, и Марцій съ трудомъ могъ принудить товарищей своихъ возвратится въ станъ. Карфагенцы, увидя отступающихъ Римлянъ, почли сіе слабостію и невзяли предосторожности быть

готовыми къ новому сраженію. Марцій, замѣтя сію небрежность, вывелъ ночью войски свои изъ стана и въ расплохъ вошелъ въ станъ непріятельской, побилъ безоружныхъ воиновъ и, неторая времени, тогоже дня напалъ на другую армію, стоявшую въ 8 верстахъ отъ первой. Тамъ нашелъ еще большую беспечность. Воины, разсѣявшіяся по полю, неуспѣли приготовится къ защитѣ. Марцій и надъ сею арміею одержалъ рѣшительную побѣду и, взявъ оба стана непріятельскіе со всѣми запасами и оружіемъ, привелъ Карфагенцовъ въ совершенную не возможность къ продолженію въ томъ годѣ непріятельскихъ дѣйствій.

Такой переворотъ въ произшествіяхъ рѣдокъ въ Исторіи. Не болѣе, какъ въ два мѣсяца Римляне готовились выгнать Карфагенцовъ изъ Испаніи, вмѣсто того сами потеряли и полководцевъ и армію свою, и должны были лишиться всѣхъ завоеваній. Карфагенцы несомнѣвались уже въ своемъ щастіи и во владѣніи всею Испаніею, какъ вдругъ сынъ простаго всадника перемѣнилъ весь ходъ произшествій и поставилъ дѣла на прежнее основаніе.

Донесеніе Марція о подвигахъ его принято въ Римѣ холодно и оставлено безъ всякой награды; ему даже не подтвержденъ чинъ Пропретора, которымъ онъ въ донесеніи наименовалъ себя. Причиною сему полагаютъ незаконный выборъ его въ начальники. Сенатъ опасался дать поводъ войску къ таковымъ избраніямъ. Но Марцій, за спасеніе арміи и за удержаніе Испаніи, по всей справедливости заслуживалъ благодарность и награду. Не отступая отъ закона, должно было уважить то обстоятельство, которое побудило войски на выборъ начальника, и не утверждая сего выбора, можно было по всей законной урядности наградить Марція другимъ чиномъ, достойнымъ заслуги его. Сенатъ, не отвѣчая на донесеніе Марція, отправилъ въ Испанію начальникомъ Клавдія Нерона, и сею молчаливостію лишилъ Марція и власти и чина, оставя его въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился до принятія команды.

Неронъ былъ не способенъ для Испаніи. Онъ имѣлъ случай запереть въ ущеліяхъ Карфагенскую армію, но далъ себя обмануть Аздрубаллу переговорами, въ продолженіе коихъ Карфагенской началь-

никъ вывелъ по ночамъ армію свою изъ ущелій, и Неронъ тогда только примѣтилъ оплошность свою, когда ни одного непріятеля не осталось въ ущеліяхъ. Римляне чувствовали, что съ такимъ начальникомъ легко можно потерять Испанію, но не находили человѣка, способнаго занять мѣсто Сципіоновъ, и даже ни кто не вызывался просить начальства въ Испаніи. Надлежало по сему случаю созвать народное собраніе, но и сія мѣра недоставила кандидатовъ. Ни кто не вызывался, и когда собраніе готовилось разойтись, явился молодой 24 лѣтній Сципіонъ, вошелъ на кафедру и предложилъ себя къ занятію должности на мѣсто убитыхъ отца и дяди. Едва успѣлъ онъ выговорить, какъ всѣ съ восторгомъ приняли его предложеніе; но вскорѣ одумались: не безразсудно ли будетъ ввѣрить начальство въ Испаніи молодому человѣку, когда опытные и лучшіе полководцы не могли удержать сей должности, и погибли съ арміею въ продолженіе одного мѣсяца? Сципіонъ вывелъ собраніе изъ сего сомнѣнія, доказавъ самымъ основательнымъ образомъ, что онъ коротко знаетъ просимую должность и можетъ исправить

оную къ чести Римскаго правительства. По выслушаніи доказательствъ утвердили Сципіона въ званіи Проконсула, и къ находящимся въ Испаніи войскамъ прибавили еще десять тысячь пѣхоты и одну тысячу конницы.

Сципіонъ, прибывъ въ Испанію, первымъ долгомъ счелъ развѣдать обстоятельно, какъ о состояніи непріятельскихъ городовъ, начальниковъ и арміи, такъ и о расположеніи къ нимъ союзниковъ. Онъ узналъ, что Карфагенская армія раздѣлена на три корпуса въ далекомъ одинъ отъ другаго разстояніи; что корпусные начальники находятся между собою въ ссорѣ, и что новый Карфагенъ въ Испаніи есть только одинъ городъ, въ который сведены всѣ заложники, въ которомъ хранятся всѣ снаряды, оружіе, хлѣбъ и деньги, и что гарнизонъ въ немъ, по обширности города, самый малочисленной. Собравъ сіи свѣденія, Сципіону пришло на мысль овладѣть Карфагеномъ прежде, нежели узнаютъ о томъ корпусные начальники, и не открывая ни кому намѣренія своего, началъ готовить въ продолженіе зимы все нужное къ приступу. Весною открылъ тайну одному другу своему Лелію,

приказавъ ему съ флотомъ въ назначенный день и часъ быть предъ Карфагеномъ и начать приступъ съ моря. Потомъ вывелъ войски свои въ полѣ, обнадежилъ ихъ вѣрною добычею и, необъявляя намѣренія, отправился въ походъ. Чрезъ семъ дней прибылъ къ городу и, немѣшкавъ, приступилъ къ дѣлу. Первый приступъ по высотѣ стѣнъ неудался. Сципіонъ далъ приказъ къ отступленію. Осажденные думали, что непріятель отойдетъ отъ города; но вмѣсто того Римляне вновь приступили и съ сухаго пути, и съ моря и, воспользуясь убылью воды, перешли въ бродъ чрезъ озеро въ городъ и тѣмъ довершили побѣду. Городъ отданъ на разграбленіе, и пріобрѣтенная корысть, по обыкновенію, продана съ публичнаго торгу и раздѣлена всему войску. Казнѣ досталось 450 пудъ серебра въ посудѣ и въ деньгахъ, болѣе 70 тысячь мѣръ ячменю и пшеницы, 130 судовъ съ грузомъ, 18 галеръ и великое множество снарядовъ для флота и оружія для арміи.

Сципіонъ, взявши въ плѣнъ заложниковъ отъ разныхъ народовъ, обошелся съ ними весьма ласково и повѣстилъ сродникамъ взять ихъ безъ выкупу. Въ чи-

слѣ плѣнницъ находилась одна молодая Княжна отмѣнной красоты, обрученная за Князя Цельтиберіянскаго. Всѣ думали, что Сципіонъ, по молодости лѣтъ своихъ и по красотѣ плѣнницы, удержитъ ее у себя. Женихъ былъ въ отчаяніи. Но побѣдитель и политикъ умѣлъ владѣть своими страстями. Онъ, призвавъ Князя, нареченнаго супруга, и родственниковъ невѣсты, отдалъ плѣнницу жениху ея, а поднесенной отъ сродниковъ богатой выкупъ подарилъ ей въ приданое. Симъ великодушнымъ и справедливымъ поступкомъ Сципіонъ пріобрѣлъ отечеству своему сильныхъ и вѣрныхъ въ Испаніи союзниковъ.

Взятіе Карфагена доставило Сципіону неизчислимыя выгоды. Кромѣ великаго богатства, онъ нашелъ въ Карфагенѣ искусныхъ ремесленниковъ во всякомъ родѣ, и запасшись всемъ нужнымъ для своей арміи и флота, выступилъ обратно въ Тарраконъ, оставя въ Карфагенѣ достаточное число войскъ и исправя поврежденныя укрѣпленія его.

Располагаясь въ будущую напольность открыть военныя дѣйствія противъ находящихся въ Испаніи Карфагенскихъ армій, Сципіонъ завелъ свой

флотъ въ гавань, и въ продолженіе зимы обучалъ матрозовъ пѣшему военному искуству, снабдивъ ихъ сдѣланнымъ въ Карфагенѣ оружіемъ. Съ сею довольно значительною помощію напалъ онъ прежде всѣхъ на Аздрубалла, брата Аннибалова, и успѣлъ разбить его до соединенія съ нимъ другихъ Карфагенскихъ полководцевъ. Сею побѣдою Сципіонъ кончилъ напольность того лѣта и отступилъ на зимнее мѣстопребываніе свое. Аздрубаллъ, собравъ остатки разбитой арміи своей и дополнивъ оную изъ другихъ корпусовъ и вновь набранными войсками, выступилъ изъ Испаніи на помощь къ брату своему въ Италію. Мы видѣли уже нещастной конецъ сего похода. Изъ оставшихся же въ Испаніи двухъ Карфагенскихъ корпусовъ, одинъ подъ начальствомъ Магона получилъ приказъ отправиться на Балеарскіе острова, а другой подъ начальствомъ Аздрубалла, сына Гисгонова, удалился къ берегамъ Океяна.

Въ слѣдующее лѣто прибылъ изъ Африки на мѣсто Аздрубалла, ушедшаго въ Италію, Ганнонъ съ новымъ подкрѣпленіемъ. Сципіонъ выслалъ противъ его Силана. Ганнонъ намѣренъ былъ соединиться съ Цельтиберіянами, но Си-

ланъ успѣлъ разбить ихъ въ одинъ день, недопустивъ до сего соединенія, и самаго Ганнона взялъ въ плѣнъ. Послѣ сей побѣды оставалось Сципіону истребить послѣдній Карфагенской корпусъ подъ начальствомъ Аздрубалла, сына Гисгонова; но сей, не ожидая на себя нападенія, разставилъ армію свою по городамъ, предполагая надежнѣе защищаться въ оныхъ. Сципіонъ не разсудилъ терять время на осаду городовъ, но чтобъ не оставить и напольности безъ всякаго плода, поручилъ брату своему Сципіону же взять одинъ богатой городъ, котораго жители, устрашась имени Римлянъ, отворили ворота, не смотря на сопротивленіе Карфагенцовъ.

Въ теченіи зимы Аздрубаллъ, умноживъ армію свою новыми наборами до 60 тысячь, готовился дать Сципіону сраженіе. Сципіонъ такъ же, соединясь съ Силаномъ, имѣлъ у себя подъ начальствомъ до 45 тысячь надежныхъ войскъ, кромѣ невѣрныхъ союзниковъ. Обѣ арміи сошлись на вершинахъ Гвадальквивира по близости города Бекулы. Аздрубаллъ не убѣгалъ отъ сраженія; Сципіонъ началъ оное, и рѣшительная побѣда была плодомъ его предпріятія. Самъ Аздру-

баллъ съ Магономъ убѣжали въ Кадиксъ, бросивъ остатки разсѣянной арміи. Въ сей битвѣ, по Сципіонѣ, наиболѣе отличились Силанъ и Марцій, тотъ самый, которому Римское правительство отказало въ благодарности; но Сципіонъ, имѣя у себя Марція, какъ послушнаго подначальника, безпрепятственно могъ цѣнить заслуги и способности его, и дѣлалъ ему многія важныя порученія.

Послѣ Бекульскаго сраженія молодой Масинисса вошелъ въ тайныя сношенія съ Силаномъ, и обѣщалъ ему склонить свой народъ на сторону Римлянъ, для чего и уѣхалъ въ Африку. Сію перемѣну въ расположеніи его къ Карфагенцамъ приписываютъ сердечнымъ чувствованіямъ. Масинисса любилъ Софонизбу, дочь Аздрубаллову, и надѣялся быть супругомъ ея. Но Карфагенское правительство, вѣроятно желая привлечь къ себѣ въ дружбу и Сифакса, другаго Нумидійскаго Царя, предполагало выдать Софонизбу за сего совмѣстника Масиниссина. Огорченный Царевичь рѣшился отмстить дружбою своею къ Римлянамъ, и до самой смерти не переставалъ ненавидѣть Карфагенцовъ.

Между тѣмъ Сципіонъ послѣ Бекуль-

ской побѣды, не видя въ Испаніи сильныхъ непріятелей, началъ думать о пораженіи Карфагенцовъ въ самой Африкѣ. Въ семъ намѣреніи отправилъ посольство къ Сифаксу, какъ къ ближайшему владѣльцу къ Испаніи. Сифаксъ былъ тогда въ союзѣ съ Карфагенцами и, не отказывая однакожъ въ дружбѣ своей съ Римлянами, объявилъ только, что онъ не можетъ о семъ важномъ дѣлѣ дать отвѣта ни кому, кромѣ самаго Сципіона. По полученіи сего отвѣта Сципіонъ отважился на непростительную безразсудность. Онъ оставляетъ Испанію, подвергаетъ себя безъ дальней надобности на произволъ случая, ѣдетъ къ Сифаксу на двухъ галерахъ и пристаетъ къ берегу почти въ одно время съ Аздрубалломъ, прибывшимъ къ тому же Сифаксу на семи галерахъ. Сильный вѣтръ недопустилъ Аздрубалла испытать щастія своего на морскомъ сраженіи въ трое большими силами — и два главные полководца, двухъ враждующихъ народовъ, явились въ одно время къ гордому Африканцу съ поклономъ искать его дружбы. Сифаксъ изъ тщеславія принялъ ихъ на одной аудіенціи, заставилъ за однимъ столомъ кушать вмѣстѣ съ

собою и, можно сказать, одно Провидѣніе, опредѣлившее Сципіона къ важнѣйшимъ дѣламъ, недопустило его на сей разъ быть жертвою своей безразсудности. Онъ успѣлъ купить дружбу, или спасеніе свое, у Сифакса и благополучно возвратился въ Испанію.

Здѣсь Сципіонъ, не имѣя сильныхъ непріятелей, рѣшился наказать вѣроломныхъ союзниковъ, у которыхъ два города, не смотря на отчаянное сопротивленіе, превратилъ въ развалины. Въ слѣдъ за тѣмъ, по тайному приглашенію партіи недовольныхъ, Сципіонъ отправилъ Марція сухопутно, а Лелія моремъ для занятія Кадикса; но заговоръ открытъ до прибытія Римлянъ, и съ виновными поступлено съ свойственною Карфагенцамъ жестокостію.

Наконецъ приключившаяся болѣзнь Сципіону произвела въ Испаніи гораздо болѣе беспокойства и движеній, нежели вся оставшаяся непріятельская армія. Слухъ о сей болѣзни не только перемѣнилъ расположеніе многихъ союзниковъ, но и самая армія вышла изъ должнаго повиновенія. Одинъ корпусъ въ числѣ осьми тысячь, почитая Сципіона умершимъ, выгналъ своихъ начальниковъ, вы-

бралъ новыхъ изъ своей дружины, придавъ имъ Консульскія и военноприбунскія знаки отличія. Сципіону легче было завоевать Испанію, нежели рѣшить сіе непріятное и необыкновенное для него дѣло. Онъ принужденъ былъ употребить всю тонкость ума, чтобъ заманить наперед сей корпусъ въ свои руки; потомъ изъ двухъ мнѣній, раздѣлившихъ совѣтъ по сему дѣлу, избралъ кротчайшее. Онъ казнилъ однихъ главныхъ зачинщиковъ мятежа, числомъ 35 человѣкъ, а прочимъ даровалъ прощеніе съ выдачею имъ сполна заслуженнаго жалованья.

Выздоровленіе Сципіона и укрощеніе сего бунта ослабило опять партію Карфагенскую. Однако же Сципіонъ, узнавъ на опытѣ пользу кроткихъ мѣръ, воспользовался ими къ приведенію въ послушаніе строптивыхъ союзниковъ своихъ. Между тѣмъ прибылъ Масинисса изъ Африки и, желая переговорить лично съ Сципіономъ, послалъ къ нему нарочнаго, назначивъ время и мѣсто для свиданія. По сему случаю Сципіонъ долженъ былъ предпринять походъ къ Кадиксу. Масинисса, узнавъ о прибытіи его, вышелъ такъ же изъ Кадикса подъ

предлогомъ недостатка въ конномъ продовольствіи. Свиданіе двухъ молодыхъ героевъ, Царя и полководца, соединило ихъ тѣснѣйшею дружбою. Масинисса, чтобъ скрыть сіе свиданіе, сдѣлалъ нѣсколько набѣговъ на Римскія земли и возвратился въ Кадиксъ, а Сципіонъ отправился обратно къ Тарракону.

Вскорѣ послѣ того Карфагенское правительство, вѣроятно лишась надежды удержать за собою Испанію, дало приказъ Магону выѣхать изъ Кадикса на Балеарскія острова. Природные жители приняли сторону Римлянъ и здали городъ Сципіону. По взятіи Кадикса Сципіонъ не находилъ для себя важнаго дѣла въ Испаніи. Карфагенскія арміи были частію истреблены, частію переведены въ другія мѣста; лучшіе и крѣпкіе города взяты, и большая часть Испанскихъ народовъ поддались или держали сторону Римлянъ. Оставалось только держать ихъ въ уздѣ, чтобъ по природному ихъ непостоянству не сбросили съ себя наложенное иго.

По сей причинѣ Сципіонъ, здавъ команду въ Испаніи двумъ Проконсуламъ Ленгулу и Манлію, самъ отправился въ Римъ искать Консульства и повелѣнія,

открыть войну въ самой Африкѣ, какъ о томъ вѣроятно съ Масиниссою на словѣ было положено. Мы оставимъ его на нѣсколько времени въ дорогѣ, а между тѣмъ взглянемъ на произшествія въ Сициліи.

Дѣла Сицилійскія.

Гіеронъ, Царь Сиракузской, въ продолженіе 54 лѣтняго Царствованія своего былъ всегда вѣрнымъ союзникомъ Риму. Онъ былъ любимъ и почитаемъ отъ подданныхъ своихъ за мирное Царствованіе. Владѣя частію Сициліи, онъ не простиралъ видовъ своихъ къ завоеваніямъ, отяготительнымъ для подданныхъ и бѣдственнымъ для побѣжденныхъ. Презирая славу оружія, предпочелъ оной мирное Царствованіе и вѣрность къ своимъ союзникамъ. Онъ не перемѣнилъ расположенія своего къ Римлянамъ и послѣ Канскаго пораженія, когда большая часть союзниковъ отпала, а прочіе колебались въ вѣрности.

Но не таковъ былъ Гелонъ, сынъ и наслѣдникъ его. Сей, не смотря на совѣты опытнаго отца своего, прилѣпился къ сторонѣ Карфагенской; но преждевременная смерть, случившаяся при жи-

зни еще Гіерона, не допустила сего Царевича опкрыпь явную войну пропивъ Римлянъ. Престолъ Сиракузской по наслѣдству принадлежалъ малолѣпному внуку Гіерона, по имени Гіерониму. Престарѣлый Государь учредилъ совѣтъ изъ 15 особъ для опеки и управленія Государствомъ до совершеннолѣтія наслѣдника, и завѣщалъ продолжать по его правиламъ миръ и доброе согласіе съ Римлянами. Но едва успѣли отдать послѣдній долгъ сему доброму Царю, какъ и начались интриги между правителями. Одни захотѣли искательствомъ и пошворствомъ подслужиться къ Государю, а чтобъ удалить прочихъ, объявили 15 лѣтняго Гіеронима совершеннолѣпнимъ. Вскорѣ потомъ и самъ Гіеронимъ, испорченный ласкательствомъ, принялъ на себя гордый, жестокій и своенравный характеръ. При такомъ правленіи неосталось мѣста ревностнымъ къ общему благу чиновникамъ. Они удалились, и на мѣсто ихъ вступили жадные искатели своенравнаго щастія. Мудрое правленіе Гіерона пришло въ презрѣніе, и Гіеронимъ, желая выказать себя лучшимъ политикомъ, вошелъ въ союзъ съ Аннибаломъ, согласясь выгнать Римлянъ

изъ Сициліи и раздѣлить оную по полам; но вскорѣ передумалъ, захотѣлъ имѣть всю Сицилію, Аннибалу же предоставилъ Италію.

Римляне, узнавъ о семъ союзѣ, отправили къ Гіерониму посольство для возобновленія съ нимъ прежняго договора. Гіеронимъ, забывъ приличіе и уваженіе къ своему сану, началъ съ насмѣшкою распрашивать пословъ о пораженіи Римлянъ при Каннахъ. Послы вмѣсто отвѣта откланялись, сказавъ, что они явятся тогда, когда Государь научится давать пристойныя аудіенціи.

Гіеронимъ вскорѣ сдѣлался жертвою собственной своей безразсудности. Удаливъ отъ себя людей здравомыслящихъ и поручивъ Государственныя должности недостойнымъ искателямъ, онъ допустилъ ихъ притѣснять всѣхъ безъ разбору, и наконецъ воздвигнуть заговоръ противъ правительства. Гіеронимъ былъ убитъ въ одномъ путешествіи; дворъ его и часть любимцевъ подвергнулись такой же участи. Въ Государствѣ возникли партіи и раздѣлились въ образѣ мыслей, какъ по внутреннему управленію, такъ и по внѣшнимъ сношеніямъ; одни держали сторону Римлянъ, другіе Карфагенцовъ.

Римляне, наблюдая внимательно произшествія и желая подать сильную помощь преданной имъ партіи, отправили въ Сицилію Марцелла, того самаго искуснаго и смѣлаго полководца Консула, которой нѣсколько разъ оспаривалъ побѣду въ Италіи у Аннибала. Но при появленіи такъ же и Карфагенскаго флота на водахъ Сиракузскихъ пропивная партія превозмогла, и Марцеллъ, не могши кончить дѣла дружелюбно, принужденъ былъ осадить городъ съ моря и съ сухаго пути. При сей осадѣ историки разсказываютъ про удивительныя дѣйствія Архимедовыхъ машинъ, коими говорятъ сей искусный механикъ поднималъ за носъ Римскія галеры, спряхивалъ съ нихъ народъ и опрокидывалъ въ морѣ. Но оставя преувеличенія, въ томъ можно согласиться, что искуство Архимедово недопустило Марцелла взять города приступомъ. Онъ принужденъ былъ осаду перемѣнить въ обложеніе. Два года стоялъ онъ предъ Сиракузами безъ всякаго успѣха. На третій уже годъ одинъ рядовой воинъ, примѣтя удобность въ одномъ мѣстѣ взойти на стѣну по лѣстницамъ, донесъ о томъ главнокомандующему. Внимательный началь-

никъ непренебрегъ добраго совѣта, однакожъ недовѣряя воину самъ осмотрѣлъ стѣну, окинулъ глазомѣромъ высоту и, подготовя лѣстницы и выждавъ время, когда въ городѣ было трехъ дневное празднество, послалъ ночью отрядъ къ тому мѣсту. Предпріятіе удалось. Жители въ винныхъ парахъ не слыхали и не видали, когда Римляне взошли на стѣну. Но какъ Сиракузы состояли изъ нѣсколька отдѣльныхъ, укрѣпленныхъ частей, то симъ средствомъ взята была только половина города. Однакожъ въ послѣдствіи и другая половина осилена. Городъ преданъ на расхищеніе съ приказаніемъ, не бить гражданъ и не грабить домовъ, преданныхъ Римлянамъ.

При семъ расхищеніи города историки разсказываютъ печальное приключеніе о кончинѣ Архимедовой. Сей ученый гражданинъ, занимаясь въ своей комнатѣ рѣшеніемъ задачи, не слыхалъ смятенія въ городѣ. Одинъ Римской воинъ, вбѣжавъ въ комнату, приказываетъ Архимеду слѣдовать за нимъ къ Марцеллу. Архимедъ, будучи занятъ своею задачею, отвѣчалъ: подожди другъ, дай кончить задачу. Но воинъ, не понимая щастливой мысли ученыхъ и огорчась не послуша-

ніемъ, выхватилъ мечь и умертвилъ Архимеда. Марцеллъ очень жалѣлъ о семъ приключеніи. Воздавъ Архимеду приличное талантамъ его погребеніе, надѣлилъ его родственниковъ, и къ славѣ искуснаго вождя пріобщилъ не столь громкую, но часто болѣе полезную славу покровителя истинной учености (*). Въ слѣдъ за Сиракузами покорились и прочіе не столь важные города непріятель-

(*) Марцеллъ, при личной необыкновенной храбрости, имѣлъ умъ просвѣщенной и душу чувствительную, склонную къ добродѣтели. Онъ первый изъ Римлянъ полюбилъ Греческую ученость съ хорошей стороны, и умѣлъ цѣнить дарованія ученыхъ и художниковъ. По добротѣ души своей онъ смягчалъ жестокія права побѣдителей надъ покоренными городами, и былъ самымъ ревностнымъ ходатаемъ въ Римѣ за тѣхъ нещастныхъ плѣнниковъ, которыхъ Римское правительство не согласилось выкупить послѣ Канскаго пораженія, и которые большею частію распроданы были въ неволю по разнымъ городамъ Сициліи. Послѣднее желаніе его было испытать щастіе свое противъ Аннибала на рѣшительномъ валовомъ сраженіи. Онъ и готовился къ сему въ послѣднее Консульство, но при осмотрѣ мѣста съ немногими всадниками для расположенія арміи своей былъ убитъ сокрытою въ близи отъ Аннибала засадою.

скіе, а потомъ и вся Сицилія обращена въ Римскую провинцію.

Марцеллъ не смотря на то, что пріобрѣлъ Римлянамъ столь важныя владѣнія въ Сициліи, и почти одинъ боролся съ Аннибаломъ въ Италіи, имѣлъ противъ себя сильное предубѣжденіе въ Патриціяхъ потому, что былъ изъ Плебеянъ. Ему сначала отказано было въ большемъ тріумфѣ подъ предлогомъ, что не всю покорилъ Сицилію, и позволено торжествовать Овацію; однакожъ на канунѣ самаго торжества, видно по ропоту народному, вышло опредѣленіе Сенатское на большей тріумфъ, въ которомъ между прочими рѣдкостями въ первый разъ несены были въ Римъ превосходной работы картины и статуи, взятыя въ Сиракузахъ, и поставлены въ приличныхъ имъ храмахъ.

Хотя Марцеллъ взялъ только половину изъ сихъ произведеній искуства, а другую оставилъ Сиракузянамъ, и самъ невоспользовался ни одною вещію, однакожъ укоряютъ его, что онъ сею добычею возбудилъ въ Римлянахъ вкусъ къ изящнымъ художествамъ (*), и подалъ

(*) Около того же времени Фабій, покоривъ Тарентъ, вывезъ изъ онаго одни день-

поводъ въ послѣдствіи Римскимъ полководцамъ, не столь умѣреннымъ, грабить храмы и прочія общественныя зданія, въ которыхъ находились произведенія Греческаго искусства. Впрочемъ въ семъ дѣлѣ обвиняютъ Марцелла съ большею несправедливостію, нежели другихъ полководцевъ. Не рѣдко почитали дѣломъ законнымъ, когда городъ взятъ приступомъ, жители побиты, жены и дочери изнасилованы, младенцы изрублены, имѣніе расхищено; и въ тоже время вмѣнили Марцеллу въ преступленіе, когда онъ, пощадивъ жителей, взялъ нѣсколько превосходныхъ картинъ и статуй для украшенія храмовъ своего отечества.

Дѣла Италійскія, Сицилійскія и Африканскія. Окончаніе войны.

Мы оставили Сципіона въ дорогѣ, отправившагося изъ Испаніи въ Римъ

ги и прочее богатство, некасаясь произведеній искусства. Когда же предложили ему взять нѣсколько статуй для украшенія Римскихъ храмовъ, онъ отвѣчалъ: оставимъ Тарентинцамъ раздраженныхъ боговъ. Видно Фабій не зналъ цѣны искусствамъ, въ противномъ случаѣ онъ продалъ бы сихъ боговъ съ публичнаго торгу, и тѣмъ доставилъ бы казнѣ знатную прибыль.

просить себѣ Консульства. Хотя онъ далеко не дожилъ до тѣхъ лѣтъ, которые даютъ право на сіе высокое званіе, но по любви къ нему народной и по славѣ имъ пріобрѣтенной, ему не трудно бы было получить желаемое, естьли бы престарѣлый Фабій, по свойственной ли старикамъ недовѣрчивости, или по зависти къ славѣ Сципіона, непоставлялъ сильныхъ преградъ новому любимцу щастія. Онъ имѣлъ даже слабость доходить иногда до низости; однакожь Сципіонъ выигралъ дѣло, получивъ прежде урочныхъ лѣтъ Консульство съ управленіемъ Сициліею и съ позволеніемъ сдѣлать высадку на Африку, естьли такое предпріятіе сочтетъ полезнымъ для отечества.

Когда вышло сіе опредѣленіе, Аннибалъ былъ еще въ Италіи, и правительство Римское, съ одной стороны находилось въ невозможности снабдить Сципіона всѣми попребностями для столь важной экспедиціи, а съ другой стороны Фабій сильно опровергалъ въ Сенатѣ намѣренія Сципіоновы. По симъ затрудненіямъ молодой Консулъ насилу могъ выпросить, чтобъ позволено ему было дополнить армію одними охотниками;

а для снабженія оной нужными потребностями обратиться ему къ добровольнымъ приношеніямъ отъ союзниковъ. Лишь только получилъ Сципіонъ сіе позволеніе, какъ семъ тысячь охотниковъ стали подъ знамена его; а союзники въ самоскорѣйшемъ времени построили на свой щетъ 30 галеръ и снабдили ихъ всемъ нужнымъ вооруженіемъ.

Между тѣмъ Карфагенское правительство, вникая въ намѣреніе Сципіона, почувствовало въ полной мѣрѣ необходимость подкрѣпить Аннибала, чтобъ недопустить Римлянъ къ открытію войны въ Африкѣ. Оно отправило въ Италію 12 тысячь пѣхоты и двѣ тысячи конницы подъ начальствомъ Магона, который, высадивъ войски свои на берегъ, овладѣлъ Генуею. Галлы, извѣстясь о прибытіи Магона, пристали къ нему; и какъ сія армія, со дня на день увеличиваясь, сдѣлалась опасною для Римлянъ, то они принуждены были вызвать изъ разныхъ мѣстъ войски на отраженіе Магона. Сей полководецъ не долго держался въ Италіи. Римляне разбили его, и когда онъ, тяжело раненый отступилъ къ Генуезскому заливу, то получилъ повелѣніе возвратиться въ Африку; но онъ умеръ отъ ранъ на дорогѣ.

Сципіонъ, принявъ армію отъ одного Консула и дополнивъ оную набранными охотниками, прибылъ въ Сицилію. Зиму провелъ онъ въ приготовленіяхъ къ будущему походу; а Лелій между тѣмъ опустошилъ флотомъ берега Африки и возвратился съ великою добычею. Масинисса, въ бытность Лелія въ Африкѣ, нашелъ случай повидаться съ нимъ и очень жалѣлъ, что Сципіонъ долго медлилъ въ Сициліи и чрезъ то подалъ средство Карфагенцамъ къ принятію мѣръ оборонительныхъ. Карфагенцы и дѣйствительно, сочтя Лелія за Сципіона, укрѣпили свой городъ и приготовились къ сильной защитѣ; узнавъ же ошибку свою, послали подкрѣпленіе въ Италію, чтобъ занять Римлянъ защитою собственныхъ земель своихъ. Они отправили такъ же посольство къ Филиппу Царю Македонскому, приглашая его вновь дѣйствовать въ Италіи вообще съ Аннибаломъ. Сверьхъ того выдали за Сифакса дочь Аздрубалову Софонизбу, склонили сего Нумидійскаго Царя нарушить заключенный договоръ съ Сципіономъ и, въ случаѣ нападенія Римлянъ на Африку, дѣйствовать за одно съ Карфагенцами.

Непредвидимый случай заставилъ Сци-

піона еще замѣдлить въ Сициліи и даже побывать въ Италіи. Локры, вошедшіе въ союзъ съ Аннибаломъ, были раздѣлены на партіи, изъ коихъ преданная Римлянамъ обѣщала Сципіону здать городъ и выгнать Карфагенцовъ, естьли Сципіонъ пришлетъ къ нимъ часть войска для занятія города. Сіе приглашеніе побудило Сципіона отправить въ Локры три тысячи воиновъ подъ начальствомъ Племинія, которой съ помощію преданной Римлянамъ партіи занялъ одинъ замокъ; но Карфагенской гарнизонъ укрѣпился въ другомъ замкѣ на противоположной сторонѣ города. Аннибалъ, узнавъ о семъ произшествіи, пошелъ самъ къ Локрамъ подать помощь своему гарнизону; Сципіонъ, извѣщенный такъ же о движеніи Аннибала, поспѣшилъ личнымъ присудствіемъ своимъ подкрѣпить Племинія. Онъ успѣлъ прибыть къ Локрамъ за нѣсколько часовъ прежде Аннибала и ввелъ ночью въ городъ свои войски. На разсвѣтѣ Карфагенцы по приказу Аннибала начали сраженіе въ городѣ, а самъ Аннибалъ располагался сдѣлать приступъ на стѣны; но увидя вышедшую противъ себя сильную вылазку и узнавъ, что ночью Сципіонъ съ частію войскъ во-

шелъ въ городъ, неразсудилъ продолжать приступа и отошелъ отъ города.

Сіе дѣло могло бы тѣмъ и кончиться. Но Племиній, по личному корыстолюбію и по сдѣланной потачкѣ воинамъ своимъ, пришелъ у жителей въ ненависть. Грабежъ и наглость водворились въ городѣ. Одинъ изъ воиновъ Племиніевыхъ, отнявши у жителя серебренную чашу, встрѣтился съ Трибунами, прибывшими послѣ изъ Сицилiи. Трибуны остановили воина, отняли чашу и отдали бѣжавшему съ зади настоящему хозяину оной. Проходящіе мимо воины Племинія вступились за своего товарища, а прибывшіе изъ Сицилiи за своихъ начальниковъ. Началась драка, и Сицилійскіе рядовые переранили многихъ Италійскихъ. Сіи пожаловались Племинію, который, не разобравъ дѣла, приказалъ наказать Трибуновъ розгами. Но когда ликторы готовились исполнить приказаніе, прибѣжали Сицилійскіе воины, отогнали ликторовъ и самому Племинію обрубили носъ и уши.

Сіе приключеніе заставило Сципіона въ другой разъ пріѣхать въ Локры для разобранія дѣла. Онъ, признавъ Трибуновъ виновными, приказалъ ихъ ско-

ванныхъ отправить въ Римъ для рѣшительнаго приговора; но Племиній, по выѣздѣ Сципіона, засѣкъ ихъ до смерти. Локрійцы, тронутые столь жестокимъ и противузаконнымъ наказаніемъ, вошли въ Римъ съ жалобою на грабительство Племинія, присовокупя къ тому, что Сципіонъ, будучи занятъ приготовленіемъ къ походу, невошелъ въ подробное разсмотрѣніе дѣла и не оказалъ имъ по жалобамъ на Племинія должнаго правосудя. Фабій ухватился за сей случай и, по ненависти своей къ Сципіону, настаивалъ въ сенатѣ, чтобъ отдать его подъ судъ и вызвать въ Римъ къ производству дѣла; но прочіе Сенаторы, нестоль предубѣжденные противъ Сципіона, опредѣлили послать наказныхъ для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Наказные нашли въ Локрахъ виновнымъ одного Племинія съ участниками его, которыхъ и отослали въ Римъ къ суду. Потомъ отправились въ Сицилію, произвести слѣдствіе надъ Сципіономъ относительно Африканскаго похода. Сципіонъ, вмѣсто оправданія, показалъ имъ армію свою и всѣ приготовленія къ предположенной экспедиціи. Наказные, посмотрѣвъ на устройство арміи и на исправность

оружія и всѣхъ запасовъ, пожелали Сципіону щастливаго пути и возвратились въ Италію.

Предъ отъѣздомъ Сципіона въ Африку прибыли къ нему послы отъ Сифакса съ увѣдомленіемъ, что онъ, сочетавшись бракомъ съ Софонизбою, неможетъ уже быть союзникомъ Римлянъ; и естьли Сципіонъ неперемѣнилъ намѣренія своего, то онъ будетъ защищать отечество супруги своей. Сципіонъ опасаясь, чтобъ сіе непріятное извѣстіе неослабило охоты и мужества въ воинахъ, объявилъ, что Сифаксъ, соскучась долговременнымъ ожиданіемъ, прислалъ узнать, неперемѣнилъ ли Сципіонъ намѣренія своего, дабы ему принять мѣры къ собственной своей защитѣ. Строгая справедливость можетъ упрѣкнуть Сципіона въ сей неприличной великому человѣку лжи, приведя въ примѣръ, что Епаминондъ даже и въ шуткахъ несоглашался говорить неправды.

Сципіонъ, отпустя пословъ Сифаксовыхъ, спѣшилъ отъѣздомъ. Щастіе благопріятствовало ему пристать къ Африкѣ безъпотери и поврежденія на морѣ. Прибережные жители, коль скоро увидѣли Римлянъ, тотчасъ бросились во

внутренность земли и въ города, угоняя скотъ и все, что можно было увезти съ собою. Такой страхъ въ поселянахъ и худо принятые мѣры въ правительствѣ доставили Сципіону удобность, спокойно высадить свои войски и выбрать для разбитія стана выгодное мѣстоположеніе. На другой день Карфагенцы послали отрядъ конницы въ 500 человѣкъ тревожить прибывшаго непріятеля; но оный тотчасъ былъ разсѣянъ, и Сципіонъ, нетеряя времени, взялъ первый встрѣтившійся на пути довольно богатый городъ и, ограбивъ оной, отправилъ добычу на транспортныхъ судахъ въ Сицилію.

Въ слѣдъ за симъ Сципіонъ былъ обрадованъ прибытіемъ къ нему Масиниссы. Сей Государь, сильно тѣснимый тогда Сифаксомъ, немогъ доставить Римлянамъ знатной помощи; но былъ полезенъ, какъ первый союзникъ въ землѣ непріятельской. Карфагенцы, расточительные невремя, дали приказъ набирать войски, когда Сципіонъ былъ уже передъ глазами; послали къ Сифаксу просить его, поспѣшить походомъ, а Ганнону поручили главное начальство надъ войсками. Сей полководецъ наб-

ралъ, до четырехъ тысячь конницы и, неотваживаясь съ такою малою силою выступить на Сципіона, заперся въ Салерѣ. Сципіонъ послалъ Масиниссу, выманить непріятеля. Предпріятіе удалось. Карфагенцы, желая истребить дерзкаго и малосильнаго Нумидійца, вышли изъ города и начали сраженіе. Масинисса нѣсколько времени отбивался, потомъ сталъ отступать и подвелъ непріятелей своихъ къ Римской конницѣ. Самъ Ганнонъ и до трехъ тысячь всадниковъ учинились жертвою своей неосторожности. Послѣ сего Сципіонъ занялъ Салеру своими войсками и, ограбивъ нѣсколько городовъ и деревень, вознамѣрился взять приморской городъ Ушику, въ которомъ располагался учредить зимнюю и непремѣнную квартеру. Карфагенцы столь много опасались потери сего города, что собрали всѣ силы свои для отраженія Сципіона отъ онаго. Аздрубаллъ успѣлъ уже набрать тогда до 30 тысячь воиновъ, но побоялся выступить въ полѣ до прибытія Сифакса, которой вскорѣ явился съ арміею до 50 тысячь человѣкъ. Сія соединенная сила успѣла только въ томъ, что Сципіонъ снялъ осаду, и лаская Сифак-

са принятіемъ въ посредники между враждующихъ народовъ, заключилъ съ нимъ перемиріе.

Сципіонъ, не получивъ успѣха во взятіи Утики, перенесъ свой станъ къ морю на одинъ выдавшійся довольно пространный мысъ и, перевезя туда хлѣбъ и всѣ запасы, расположился зимовать на семъ мѣстѣ. Въ продолженіе зимы снабдилъ армію свою изъ Сициліи и Сардиніи одеждою, оружіемъ и всѣми потребностями для будущей напольности; а вмѣстѣ съ тѣмъ велъ съ Карфагенцами мирные переговоры, въ продолженіе коихъ Римляне высматривали расположеніе становъ непріятельскихъ. Узнавъ, что шалаши ихъ построены изъ сучьевъ и листьевъ безъ подмазки глиною, Сципіонъ принялъ намѣреніе, приличное хитрому Карфагенцу, а не прямодушному Римлянину. Когда онъ во всемъ исправился, то выдумалъ благовидный предлогъ превратить мирные переговоры, и предъ концемъ еще оныхъ поставилъ флотъ свой и часть войскъ предъ Утикою, въ намѣреніи обратить вниманіе непріятелей на сей городъ; а самъ съ остальною арміею, оставя только небольшее число на защиту стана, вы-

ступилъ ночью въ походъ, но не съ оружіемъ въ рукахъ, какъ дѣлывали Александръ и другіе Герои древности, но съ факелами для сожженія въ расплохъ непріятельскихъ становъ. Масинисса употребленъ былъ на станъ Сифаксовъ, и когда шалаши загорѣлись и пламя быстро распространилось по всему стану, то воины, испуганные и безъ оружія, побѣжали искать спасенія въ станъ Аздрубалловъ, находящійся въ осьми верстахъ отъ Сифаксова. Сципіонъ, расположивъ войски свои по дорогѣ и при заревѣ отъ пожара, рубилъ всѣхъ безъ пощады; между тѣмъ зажегъ станъ Аздрубалловъ и произвелъ въ ономъ надъ спящими войсками такое же кровопролитіе. Около сорока тысячь непріятелей лишено жизни. Сифаксъ и Аздрубаллъ спаслись бѣгствомъ съ небольшимъ числомъ разсѣянныхъ и изувѣченныхъ воиновъ. Сципіонъ воспользовался всею, неистребленною пожаромъ, въ обоихъ станахъ добычею и захватилъ въ плѣнъ допяти тысячь бѣжавшихъ безъ оружія непріятелей.

Послѣ сего избіенія непріятелей Сципіонъ, ограбивъ нѣсколько городовъ, приступилъ къ Утикѣ. Карфагенцы наб-

рали въ скорости другую армію и, вмѣстѣ съ Сифаксомъ, дали Сципіону валовое сраженіе. Щастіе и здѣсь имъ неблагопріятствовало. Вновь набранные и необученные войски немогли устоять противъ искусныхъ и привыкшихъ къ сраженіямъ Римлянъ. Сципіонъ одержалъ рѣшительную побѣду и, отправя Лелія съ Масиниссою въ погоню за Сифаксомъ, самъ остался громить Карѳагенскія земли.

Карѳагенцы, доведенные до крайности и отчаянія, вызвали изъ Италіи Аннибала на защиту отечества. Гнѣвъ или досада при полученіи Аннибаломъ сего повелѣнія, разсказываютъ, превосходила всякую мѣру. Онъ видѣлъ всю безразсудность Карѳагенскаго правительства и завистниковъ своихъ, которые отняли у него всѣ способы къ побѣжденію Римлянъ, и заставили его безъ всякой помощи, единственно своимъ искуствомъ, около пятнадцати лѣтъ держаться въ Италіи; а теперь, когда довели отечество до погибели, призываютъ его на поправленіе дѣлъ, невозвратно уже потерянныхъ.

Масинисса, прибывъ въ Нумидію и съ помощію Лелія, получилъ обратно

отнятое Сифаксомъ у него Царство. Но Сифаксъ попрозьбѣ Софонизбы, сдѣлавъ поголовный наборъ въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, выступилъ съ многочисленною арміею противъ Лелія и Масиниссы; однакожъ былъ разбитъ и самъ, упавши съ раненой лошади, былъ схваченъ и отведенъ плѣннымъ къ Римскому полководцу.

Масинисса, желая воспользоваться побѣдою и нанести послѣдній ударъ Сифаксову Царству, выпросилъ позволеніе у Лелія, отправится, съ конницею и съ плѣннымъ Царемъ къ столицѣ Нумидійской, надѣясь овладѣть оною прежде, нежели Лелій прибудетъ туда съ пѣхотою. Приступивъ къ Циртѣ, столицѣ Нумидійской, вызвалъ для свиданія главныхъ начальниковъ и, показавъ имъ скованнаго Царя, потребовалъ здачи города. Большая частъ жителей были склонны просить милости у побѣдителя и, отворивъ ворота, впустили Масиниссу въ городъ.

Побѣдитель тотчасъ побѣжалъ во дворецъ. Но Софонизба предупредила его и, вышедши на встрѣчу въ сени, бросилась къ ногамъ бывшаго жениха своего, умоляя его пощадить слабую, не-

щастную жертву Карфагенской политики и неотдавать ее, какъ плѣнницу, на поруганіе Римлянамъ; естьли же сего невозможно сдѣлать, то лишить ее жизни. Положеніе Софонизбы тронуло Масиниссу. При видѣ прекрасной и нещастной женщины, бывшей невѣсты своей, Масинисса немогъ остаться равнодушнымъ. Искра прежней любви воспламенилась въ его сердцѣ. Подавая руку нещастной плѣнницѣ, онъ далъ ей честное слово, быть ея покровителемъ. Но когда прошелъ первый восторгъ любви, Масинисса почувствовалъ, что спасти Софонизбу было труднѣе, нежели покорить Нумидійское Царство. По жестокому и безчеловѣчному правилу Римлянъ, она должна была украсить собою Тріумфъ побѣдителя. Въ семъ затруднительномъ положеніи Масинисса рѣшился въ тотъ же день, до прибытія Лелія, жениться наней, предполагая, что Сципіонъ, за оказанныя ему важныя услуги, незахочетъ отнять супругу изъ одного безчеловѣчнаго тщеславія.

Лелій, прибывъ въ Цирту, неподтвердилъ сего брака, и хотѣлъ даже взять Софонизбу съ брачнаго ложа и отослать къ Сципіону, какъ плѣнницу; но, по

сильной прозьбѣ Масиниссы, оставилъ сіе дѣло на рѣшеніе Сципіона, отославъ къ нему скованнаго Сифакса съ другими знатнѣйшими плѣнниками. Когда сей нещастный Государь приведенъ былъ въ ставку къ Сципіону, то старался всю вину въ разрывѣ дружбы возложить на Софонизбу, которую въ жестокой ревности упрѣкалъ еще и тѣмъ, что она успѣла въ одинъ день развратить новаго побѣдителя и, сочетавшись съ нимъ бракомъ, постараетсп и его поднять на Римлянъ. Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ и Масинисса въ станъ Сципіоновъ, въ намѣреніи оправдаться въ поступкѣ своемъ и испросить на бракъ свой съ Софонизбою согласіе.

Сципіонъ, по благодаривъ Масиниссу за оказанныя услуги, сдѣлалъ ему учтивый выговоръ въ торопливомъ совершеніи брака и, доказывая права свои на Софонизбу, какъ наплѣнницу, подпавшую власти Римлянъ вмѣстѣ съ покореннымъ Царствомъ, предложилъ уничтожить бракъ сей. Всѣ представленія Масиниссы немогли склонить къ жалости неумолимаго Сципіона. Лишась послѣдней надежды на утвержденіе брака, Масинисса, изъ любви и отчаянія, рѣшил-

ся оказать нещастной супругѣ своей послѣднюю услугу, просимую ею при первомъ свиданіи. Онъ послалъ вѣрнаго служителя своего къ Софонизбѣ съ ядомъ, совѣтуя ей принять его безъ смущенія, есть ли нехочетъ быть прикованною къ тріумфальной колесницѣ Сципіоновой. Софонизба, принявъ ядъ, сказала служителю: „Я принимаю съ радостію сей брачный подарокъ, естьли супругъ мой немогъ ни чего лучшаго сдѣлать для жены своей; но скажи ему, что для меня пріятнѣебы было получить сію милость вчерашняго дня, когда я небыла еще обезславлена столь скорымъ и нещастнымъ супружествомъ."

Такая жестокость противъ Софонизбы дѣлаетъ непріятную черту въ характерѣ Сципіоновомъ. Приличноли было обвинять Софонизбу за то, что она защищала отечество свое, и можно ли было Римскому правительству опасаться вліянія слабой женщины, когда оно и Аннибала небоялось? Нетакъ поступалъ Александръ съ своими плѣнниками. Великость души его видна была въ каждомъ поступкѣ. Онъ нехотѣлъ, ни побѣды приобрѣтать хитростію, ни наказывать высокихъ плѣнницъ свойствен-

ною однимъ низкимъ душамъ жестокостію.

Сципіонъ опасаясь, чтобъ отчаяніе Масиниссы непроизвело въ горячей душѣ его ненависти противъ Римлянъ, обласкалъ его всѣми возможными способами. Предъ лицемъ всей арміи объявилъ его, отъ имени Римскаго правительства, Царемъ Нумидійскимъ, поднесъ ему въ даръ вѣнецъ, золотую чашу, курульный стулъ, Скипетръ и багряный плащь съ золотыми нашивками, объявя, что Римляне перваго изъ чужестранцевъ Масиниссу удостоили сими знаками отличія. Сифаксаже, и другихъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ, отправилъ въ Римъ съ донесеніемъ своимъ объ успѣхѣ Африканскихъ дѣлъ и съ посольствомъ отъ Масиниссы.

Покореніе Нумидіи и взятіе Сифакса въ плѣнъ произвело въ Карфагенѣ столь великое отчаяніе, что ни кто не смѣлъ говорить о продолженіи войны, на которую въ Сифаксѣ потеряли самую надежную подпору. По сему отправили къ Сципіону посольство съ прозьбою пощадить народъ, столь долго занимавшій въ Исторіи человѣка отличное мѣсто, и даровать миръ на условіяхъ, ка-

кія великодушіе Римлянъ предписать благоизволишъ.

Сципіонъ отвѣчалъ, что онъ прибылъ въ Африку для покоренія Карфагена, а не для заключенія мира; однакожь, по великодушію Римлянъ, согласщается заключить миръ на такихъ условіяхъ, чтобъ Карфагенцы очистили Испанію, Италію и Галлію, и всѣ острова Средиземнаго моря; отдали бы Римлянамъ всѣ военныя суда, кромѣ 20 галеръ, и всѣхъ плѣнныхъ, перемѣтчиковъ и рабовъ; сверьхъ того заплатили бы за военныя издержки пять тысячь талантовъ деньгами и сто тысячь мѣръ ячменю и пшеницы. Естьли Карфагенское правительство принимаетъ сіи условія, то онъ согласенъ заключить перемиріе съ тѣмъ, чтобъ для заключенія настоящаго мира послать въ Римъ полномочныхъ.

Сіи тягостныя условія смутили Карфагенцовъ; однакожъ они, желая выиграть время до возвращенія Магона и Аннибала изъ Италіи, приняли предложеніе и отправили въ Римъ посольство; но недали оному надлежащаго и согласнаго съ предварительными условіями полномочія. Они приказали только до-

говариваться о возобновленіи прежняго мирнаго трактата, утверждая, что настоящая война начата была Аннибаломъ безъ позволенія правительства, и потому надлежитъ дѣлу остаться въ томъ положеніи, какъ было до начала войны.

Римляне, замѣтя неблагонамѣренность посольства, не впустили онаго въ городъ, и отправили обратно безъ всякаго отвѣта. Между тѣмъ въ продолженіе перемирія нѣсколько перевозныхъ судовъ, отправленныхъ къ Сципіону съ разными припасами, прибило бурею къ берегамъ Карфагенскимъ. Корыстолюбіе Карфагенцовъ не могло выдержать жестокаго для нихъ искушенія, чтобъ не захватить суда сіи, и когда Сципіонъ потребовалъ возвращенія ихъ, то ему отказано. Сіе неважное обстоятельство подало поводъ къ разрыву перемирія. Сципіонъ началъ по прежнему опустошать Карфагенскія владѣнія. Вскорѣ послѣ того прибылъ Аннибалъ изъ Италіи съ оставшимися подъ начальствомъ его войсками. Онъ хотѣлъ дать роздыхъ воинамъ своимъ въ Адрумитѣ, но правительство настоятельными понужденіями заставило его подойти къ Замѣ, на пять дней пути отъ Карфаге-

на. Будучи въ близи отъ Римлянъ, Аннибалъ подослалъ шпіоновъ высмотрѣть непріятельской станъ и число арміи; но шпіоны были схвачены на отводныхъ караулахъ и представлены къ главнокомандующему. Сципіонъ приказалъ показать имъ все; и когда въ полной мѣрѣ удовлетворено было ихъ любопытство, отпустилъ обратно, совѣтуя пересказать Аннибалу во всей точности ими видѣнное.

Такая увѣренность Сципіона на силы свои заставила Аннибала взглянуть на собственное свое положеніе. Онъ видѣлъ на непріятельской сторонѣ полководца, равнаго въ искуствѣ и воиновъ, пріобыкшихъ къ военному порядку и сраженіямъ; напротивъ того подъ своимъ начальствомъ находилъ армію вновь набранную, необученную и составленную изъ разныхъ народовъ, непонимающихъ даже другъ друга. Столь явное превосходство непріятельской арміи не подавало Аннибалу надежды на сраженіе, и предполагая, нельзя ли кончить дѣла переговорами, попросилъ у Сципіона свиданія. Сей не отказался, и въ назначенный часъ выѣхали оба на обширную равнину, лежащую между арміями, каждый

въ сопровожденіи небольшей свиты. Свита остановилась по одаль, а полководцы, подошедъ другъ къ другу, пробыли нѣсколько времени въ молчаніи. Наконецъ Аннибалъ началъ разговоръ, разсказавъ въ коротких словахъ сожалѣніе свое, что два великіе народа на землѣ истребляютъ другъ друга и не могутъ согласиться въ границахъ, самою Природою имъ назначенныхъ и отдѣленныхъ Средиземнымъ моремъ; по томъ, склонивъ рѣчь свою къ заключенію мира, уступалъ Римлянамъ Испанію, Сицилію и всѣ острова на Средиземномъ морѣ; но неупомянулъ ни чего о флотѣ, котораго Сципіонъ требовалъ по первымъ переговорамъ; а въ заключеніе представилъ себя примѣромъ непостоянства человѣческаго щастія и совѣтовалъ Сципіону лучше рѣшиться на заключеніе вѣрнаго мира, нежели отваживаться на сраженіе, успѣхъ коего невсегда зависитъ отъ нашей воли. Отвѣтъ Сципіонов былъ сухъ, наполненъ укорами, что Карфагенцы сами нарушили договоръ и начали войну не справедливую; что Римляне защищали только честь и права свои, и что наконецъ онъ невидитъ согласія даже и на тѣ статьи, на кото-

рые само Карфагенское правительство согласилось послѣ разбитія Сифакса; а потому и предоставляетъ мечу, а непереговорамъ рѣшить дѣло.

Послѣ сихъ неудачныхъ переговоровъ главнокомандующіе дали приказъ по арміямъ своимъ готовится къ рѣшительной битвѣ. Исторія мало представляетъ такихъ сраженій, которыми управляли бы съ обоихъ сторонъ столь искусные начальники. Всѣ, знающіе военное дѣло, отдаютъ справедливость Аннибалу, что онъ въ сей день, расположеніемъ разноплеменныхъ войскъ своихъ къ битвѣ и распоряженіями своими вовремя самаго дѣйствія, заслужилъ славу величайшаго полководца въ древности. Сципіонъ, хотя молодой и несколь опытный военачальникъ, однакожъ искуствомъ военнымъ поставилъ себя на ряду съ Аннибаломъ; но онъ въ дѣлѣ имѣлъ еще то преимущество, что командовалъ арміею, несравненно лучше обученною и сражавшеюся не изъ найму, но за собственное свое отечество. Отъ сего и вышло, что Аннибалъ, несмотря на всѣ усилія свои, немогъ выдержать сраженія. Когда первые ряды его были изрублены и отъ множества труповъ

невозможно было на томъ же мѣстѣ продолжать битвы, онъ съ лучшими войсками отошелъ на другое мѣсто; возобновилъ дѣло съ новымъ жаромъ и усиліемъ, и оставался на поле брани до того времени, когда подъ начальствомъ его почти никого неосталось. Онъ потерялъ въ сей день убитыми, ранеными и плѣнными до 40 тысячь, и убѣжалъ въ Адрумет только съ небольшимъ числомъ конницы. Видя, что вся надежда къ продолженію войны потеряна, прибылъ онъ въ Карфагенъ, по 36 лѣтнемъ отсудствіи, и доказалъ Сенату, что судьба Карфагена зависитъ отъ воли побѣдителя.

Въ слѣдствіе сего заключенъ былъ миръ, покоторому Карфагенцы, въ добавокъ къ предложеннымъ прежде отъ Сципіона условіямъ, обязались еще возвратить Масиниссѣ всѣ отнятые у него земли, и неначинать ни съ кѣмъ войны въ Африкѣ безъ позволенія Римскаго сената. Къ денежному налогу прибавлено еще пять тысячь талантовъ, а до выплаты оныхъ въ 15 лѣтъ взято сто заложниковъ изъ знатнѣйшихъ фамилій.

По утвержденіи въ Римѣ сего до-

говора Сципіонъ получилъ плѣнныхъ и перемѣтчиковъ, изъ коихъ послѣднимъ почти всѣмъ отрублены головы; вмѣстѣ съ тѣмъ принято до пяти сотъ военныхъ судовъ, которые и сожжены предъ самымъ Карфагеномъ; когда же дѣло дошло до заплаты наличныхъ денегъ, то Сенаторы и прочіе капиталисты, по истощенію казны, не могли удержаться отъ слезъ, разставаясь съ собственными своими деньгами. Разсказываютъ, что Аннибалъ при семъ случаѣ отъ сильнаго огорченія началъ смѣятся, и когда Сенаторы стали упрѣкать его въ сей неблагопристойности, онъ сказалъ сіи замѣчательныя слова, что Карфагенскіе правители несокрушались, когда подписывали постыдной и рабской миръ; когда допустили сжечь передъ глазами морскія силы свои, и когда согласились безъ позволенія Рима незащищать границъ своихъ отъ множества окружающихъ непріятелей; а теперь вздумали плакать, когда понадобилось развернуть кошельки свои. Здѣсь виденъ характеръ торговыхъ людей. Аннибалъ былъ выродокъ между ими.

Сципіонъ, окончивъ Африканскія дѣла и отдавъ Масиниссѣ Царство Сифаксово,

возвратился въ Сицилію. Отсюда войски отправилъ въ Римъ на галерахъ, а самъ сошелъ на берегъ у Реджіо и, проѣзжая до Рима, принималъ по дорогѣ отъ сбѣжавшагося отовсюду любопытнаго народа поздравленія такъ, что проѣздъ его до Рима походилъ на торжественное шествіе. Тріумфъ Сципіоновъ превзошелъ всѣ тріумфы бывшихъ прежде его побѣдителей. Впереди колесницы шелъ нещастный Сифаксъ со всѣми знатнѣйшими Нумидійскими и Карфагенскими плѣнниками; а позади освобожденные изъ плѣна знатнѣйшіе Римляне. Сципіонъ за сей подвигъ получилъ прозваніе Африканскаго: Сифаксъ же не могъ перенести своего нещастія и униженія. Онъ вскорѣ умеръ въ темницѣ.

Такимъ образомъ кончилась вторая пуническая брань, одна изъ самыхъ упорнѣйшихъ браней въ древней исторіи. Она продолжалась 17 лѣтъ, въ теченіи коихъ Римское правительство отличилось мудрыми распоряженіями своими гораздо болѣе, нежели побѣдами, и въ самой крайности изобрѣтало средства къ поправленію разстроенныхъ оружіемъ дѣлъ своихъ. Напротивъ того въ Карфагенскомъ правительствѣ примѣтно

было необыкновенное равнодушіе къ общему дѣлу и такая безпѣчность, отъ которой нельзя было и ожидать лучшихъ послѣдствій. Тамъ господствовали партіи. Одна начала войну, другая старалась пресѣкать средства къ выгодному продолженію оной, и тогда уже увѣрилась въ неумѣстномъ противорѣчіи, когда все было потеряно. Противоположность въ образѣ мыслей сихъ двухъ правительствъ видна была почти при всякомъ случаѣ. Римляне и послѣ Канскаго пораженія не только не оставили города своего безъ вѣрной защиты, но даже отправили и къ отдаленнымъ союзникамъ своимъ Етолійцамъ, по мѣрѣ возможности, нужное вспоможеніе; къ Сципіонамъ же, въ Испанію и наконецъ въ Африку, безпрестанно приходили почти цѣлые флоты со всѣми нужными для войны потребностями. Напротивъ того Карфагенское правительство около девяти лѣтъ почти не думало о томъ, что Аннибалъ былъ въ Италіи; но естьли бы оно озаботилось снабдить его всемъ нужнымъ въ первые годы, то вѣроятно Римъ не восторжествовалъ бы надъ Карфагеномъ, и произшествія въ мірѣ получили бы другое теченіе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Война Македонская и Сирійская. Конецъ жизни Аннибаловой и Сципіоновой. Дѣла внутреннія. Происшествія 30 лѣтъ, отъ 201 до 171 года до Р. Х.

Въ продолженіе минувшей войны Римляне, хотя имѣли жаркіе споры во внутреннемъ управленіи, но оные потушаемы были предстоящею опасностію. Коль же скоро война кончилась и грозная туча, носившаяся надъ Римомъ, разсѣялась, то и возникла опять прежняя вражда въ правительствѣ между народомъ и Патриціями и между богатыми и бѣдными. Къ уничтоженію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію сей вражды надлежало занять беспокойной и частію обиженной народъ внѣшнею войною. Случай къ сей войнѣ былъ уже подготовленъ. Филиппъ 2-й Царь Македонской нарушилъ частію заключенный договоръ съ Римлянами, входилъ въ новыя связи съ Карфагеномъ и посылалъ нѣсколько войскъ своихъ въ Африку противъ Сципіона, а самъ притѣснялъ въ Греціи Афинянъ и прочихъ союзниковъ Римскихъ. Онъ даже вошелъ въ союзъ

съ Антіохомъ, Сирійскимъ Царемъ, согласясь съ нимъ согнать съ Египетскаго Престола малолѣтнаго Птоломея и раздѣлить его Царство. Египтяне, какъ мы видѣли уже изъ Македонской Исторіи, просили Римлянъ принять въ покровительство или въ опеку малолѣтнаго Государя и защитить его Царство отъ предстоящей опасности. Римляне, по случаю жестокой войны съ Карфагеномъ, не могли подать тогда сильной помощи; но выдерживая свой твердый характеръ, отправили къ Филиппу и въ Грецію пословъ для разбору дѣла, стараясь между тѣмъ обратить на Македонію Греческихъ союзниковъ своихъ. Когда же война съ Карфагеномъ кончилась, то Филиппъ, устрашась мщенія Римлянъ, отправилъ къ нимъ пословъ съ оправданіемъ своимъ и съ подтвержденіемъ прежняго мирнаго договора.

Послы Филипповы выслушаны въ Римѣ въ одно время съ Карфагенскими. Послѣднимъ утверждены мирныя статьи, предложенныя Сципіономъ; а Филиппу, за нарушеніе мирнаго договора, объявлена война. Въ тоже время отправлены посольства, одно въ Египетъ для принятія опеки надъ Царемъ и Государст-

вомъ; а другое къ Антіоху Царю Сирійскому съ предложеніемъ, по жалобѣ Аттала Царя Пергамскаго, о прекращеніи съ нимъ ссоры.

Консулъ Сулпицій открылъ первую напольность противъ Филиппа, но онъ неприобрѣлъ важныхъ преимуществъ надъ Македонскимъ Государемъ. Съ обоихъ сторонъ раззорено только нѣсколько жителей, не давъ рѣшительнаго сраженія. Но главная выгода на сторонѣ Римлянъ состояла въ томъ, что Етолійцы пристали къ Римлянамъ; такъ же и прочіе непріятели Филипповы, ободренные присудствіемъ Римскихъ войскъ, соединились съ ними. Во второй годъ войны произошло еще менѣе военныхъ дѣйствій, нежели въ первый. Филиппъ опасаясь, чтобъ сильное могущество Римлянъ не отвлекло отъ него Ахайскаго союза, уступилъ оному нѣкоторые города, и даже въ Македоніи сдѣлалъ облегчительныя для подданныхъ перемѣны, особливо отрѣшилъ отъ Министерской должности любимца своего Гераклида, который по жестокимъ притѣсненіямъ былъ ненавидимъ народомъ.

На третій годъ Консулъ Титъ Квинтій Фламининъ получилъ начальство

надъ войсками для Македонской войны. Прибывъ въ Епиръ, онъ имѣлъ свиданіе съ Филиппомъ по приглашенію сего Государя. Цѣль сего свиданія была, кончить вражду дружелюбно. Но консулъ первою статьею договора предложилъ Филиппу, отказаться отъ правъ своихъ на Грецію, вывести изъ нее гарнизоны и предоставить всѣмъ городамъ управляться своими законами. Филиппъ не могъ согласится на сію статью потому, что изъ тѣхъ городовъ Греціи, которые состояли подъ его зависимостію, онъ получалъ всѣ потребныя для войны вспоможенія; а Фламининъ однимъ симъ двусмысленнымъ предложеніемъ привлекъ къ себѣ расположеніе всей Греціи, которая почитала Римлянъ не какъ тонкихъ своекорыстныхъ политиковъ и непріятелей, но какъ защитниковъ ея независимости.

Филиппъ укрѣпился тогда въ ущеліяхъ горъ. Невозможно было напасть на него, неовладѣвъ наперед вершинами. Одинъ пастухъ, по доброй вѣрѣ къ Римлянамъ, явился къ Консулу и вызвался указать проходы на вершины. Фламининъ хотя не много довѣрялъ пастуху, однакожь послалъ съ нимъ четыре тысячи воиновъ. Три дня прошло безъ вся-

каго извѣстія, на четвертый день Римляне увидѣли на горахъ густой дымъ, условный знакъ прибытія отряда. Консулъ по предварительному согласію началъ тѣснить непріятеля. Филиппъ, будучи исплошенъ и сильно поражаемъ отрядомъ, на вершинахъ горъ находящимся, выбѣжалъ изъ ущелій, оставя станъ свой въ добычу непріятелю и, пробѣгая по Фессаліи, опустошилъ собственныя свои владѣнія.

За сею побѣдою Фламининъ успѣлъ склонить на свою сторону союзъ Ахайской, а въ слѣдующій годъ, въ званіи Проконсула, разбилъ Филиппа у Киноκефальскихъ холмовъ. Здѣсь Историки замѣтили неудобность Мекедонской фаланги въ сравненіи съ Римскими, способными ко всякимъ измѣненіямъ Легіонами. Одинъ Трибунъ замѣтя, что она по тѣснотѣ и неровности мѣста немогла устроиться надлежащимъ порядкомъ, зашелъ ей въ тылъ съ 20 Когортами и билъ сколько могъ безъ всякаго съ ея стороны сопротивленія, ибо она за тѣснотою и неровностію мѣста не могла изворотиться и обратить копій своихъ на непріятеля.

Филиппъ потерялъ на семъ сраженіи восемь тысячь убитыхъ и пять ты-

сячь плѣнныхъ, и соскучясь безполезною и тягостною для него войною, заключилъ съ Фламининомъ миръ, по которому отказался отъ господства надъ Греціею и моремъ, отдалъ Римлянамъ всѣ военныя суда и сверхъ того обязался заплатить тысячу талантовъ деньгами, а до заплаты оныхъ далъ сына своего Димитрія заложникомъ.

По заключеніи сего мира Римляне, показывая видъ правосуднаго и великодушнаго народа, объявили всѣ отнятые у Филиппа въ Греціи города независимыми. Мы видѣли уже изъ Македонской Исторіи, съ какимъ восхищеніемъ приняли Греки сіе объявленіе; но они не разсудили, что Римляне, даруя каждому городу свои права и уничтожая связь между ими по внѣшнимъ сношеніямъ, старались такимъ раздѣленіемъ ослабить силу Греціи, въ которой Ахайской союзъ, Етолійцы и Набисъ, похититель Спартанскаго Престола, щитались тогда сильнѣйшими. Фламининъ не упустилъ тогда же вмѣшаться въ дѣла Греціи. Онъ, по общему согласію союзниковъ, объявилъ Набису войну, въ намѣреніи отнять у него Аргосъ и другіе завоеванные имъ города; осадилъ Спарту и могъ бы, согнавъ Набиса, возвести на

престолъ законнаго Государя. Но политика Римлянъ не къ тому клонилась, чтобъ возстановить добрый порядокъ. Они, въ противность общаго желанія союзниковъ и пользамъ Греціи, заключили съ Набисомъ миръ и тѣмъ, утвердя его на похищенномъ престолѣ и отнявъ въ пользу Ахайцовъ нѣкоторые города, посѣяли въ Греціи сѣмя раздора и междоусобной войны.

Въ продолженіе сихъ произшествій Римляне имѣли и другія внѣшнія брани, но оныя незаслуживали большаго вниманія. Амилькаръ, собравъ остатки Аздрубалловой арміи въ Лигуріи, поднялъ часть Галловъ на Римлянъ. Но Преторъ Фурій напалъ на Галловъ, осаждавшихъ Кремону, положилъ на мѣстѣ и взялъ въ плѣнъ до 35 тысячь. Амилькаръ и многіе знатнѣйшіе Галлы убиты были на семъ сраженіи. Возмущенія въ Испаніи также укрощены были Порціемъ Катономъ. Европа и Африка клонились уже подъ владычество Рима. Оставалась одна Азія, въ которой Римляне не испытали еще силы оружія своего; но и сія часть свѣта не долго пользовалась своею независимостію.

Етолійцы, не получивъ должнаго воз-

награжденія за сильное участіе ихъ въ Македонской войнѣ, почли себя обиженными отъ Римлянъ; и завидуя могуществу Ахайскаго союза, вошли въ связь съ Набисомъ, склонили его покорить обратно отнятые Римлянами въ пользу союза приморскія города. Но Ахайцы подъ начальствомъ Филопемена два раза разбивали Набиса, въ послѣдній разъ предъ самою Спартою. Римляне вступились за Ахайцовъ, а Етолійцы призвали къ себѣ на помощь Антіоха Сирійскаго Царя. Мы уже видѣли, что сей Государь, неоказавъ Етолійцамъ надлежащей помощи, обратилъ бремя войны на себя и, будучи выгнанъ Римлянами изъ Греціи и разбитъ въ Азіи, принужденъ былъ заключить постыдный миръ, по которому Римляне отняли у него разомъ болѣе ста городовъ и всѣ приморскія владѣнія до горы Тавра.

Корнелій Сципіонъ, братъ Сципіона Африканскаго, получилъ за побѣду надъ Антіохомъ прозваніе Азійскаго. Тріумфъ его, по богатству въ добычу полученному и по множеству городовъ, въ Азіи приобрѣтенныхъ, превзошелъ всѣ прежде бывшіе, даже и Тріумфъ Сципіона Африканскаго.

Преемникъ Корнелія Сципіона въ Азіи Консулъ Манлій, не желая оставаться въ бездѣйствіи, предпринялъ безъ позволенія Сената войну на Галлогрековъ, расплодившихся потомковъ отъ тѣхъ Галловъ, которыхъ одно отдѣленіе, во времена Птоломея Церавна, разгромило Македонію и погибло въ Греціи. Они часто чинили набѣги на приморскіе города Малой Азіи, и презирали власть Царей Сирійскихъ. Манлій загналъ ихъ въ горы, большую часть истребилъ, а остальныхъ принудилъ заключиться въ собственныхъ своихъ предѣлахъ въ Галатіи. Къ потомкамъ сихъ послѣднихъ относится посланіе С: Павла.

Етолійцы, призвавшіе на войну Антіоха, такъ же не остались безъ наказанія. Консулъ Ацилій, по выгонѣ Антіоха изъ Греціи, осадилъ Гераклею столицу Етолійскую, взялъ ее приступомъ и отдалъ на разграбленіе. Етолійцы два раза испрашивали себѣ перемиріе, въ первый разъ по ходатайству Филиппа, а въ другой по ходатайству Сципіона Азійскаго, но по гордости своей не могли испросить себѣ въ Римѣ настоящаго мира. Наконецъ, по окончаніи уже войны съ Антіохомъ, они испро-

сили себѣ миръ, возвративъ всѣ завоеванные ими города и отдавъ Римлянамъ оружіе, лошадей и 500 талантовъ наличными деньгами.

Такимъ образомъ Римляне, въ продолженіе десяти лѣтъ отъ заключенія съ Карфагенцами мира, успѣли распространить владычество свое на Грецію и малую Азію, и предписать законы Македонскому и Сирійскому Государямъ. Оставался у нихъ еще одинъ непріятель Аннибалъ, котораго Антіохъ, въ слѣдствіе заключеннаго договора, обязанъ былъ выдать Римлянамъ. Здѣсь къ стати помѣстить конецъ жизни сего знаменитаго Африканца.

Аннибалу было 45 лѣтъ отъ роду, когда по предложенію его заключенъ былъ миръ съ Римлянами. Не смотря на потерю Замскаго сраженія, онъ пріобрѣлъ отличное себѣ уваженіе отъ правительства и народа. Ему поручено было начальство надъ войсками для защиты Африканскихъ владѣній отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ. Но Римляне не столь уже правосудные, какъ прежде, не могли безъ зависти и досады видѣть человѣка, столь много зла имъ причинившаго. Они требовали неотложно

у Карѳагенскаго правительства, чтобъ отнять у Аннибала начальство надъ войсками и обратить его въ состояніе частнаго человѣка. По симъ настоятельнымъ требованіямъ Аннибалъ былъ отозванъ изъ арміи, и поручена ему въ городѣ должность Претора, что означало тогда въ Карѳагенѣ высочайшую степень гражданской власти.

Аннибалъ, вступивъ въ сіе высокое званіе, вздумалъ искоренить усилившіяся въ правленіи не порядки. Онъ видѣлъ, что всѣ части правленія основаны были на искательствѣ и личномъ корыстолюбіи. Судьи безъ стыда и наказанія продавали правосудіе свое; главные правители расточали казну по личнымъ прихотямъ своимъ, и по искательству друзей и знатнѣйшихъ гражданъ; казначеи расхищали ввѣренные имъ общественные доходы, и не подвергались отвѣтственности; ибо общее корыстолюбіе, при потерѣ нравственности, соединяло и судей и подсудимыхъ, и заставляло ихъ поддерживать и оправдывать другъ друга.

Столь сильное злоупотребленіе власти, особливо недостатокъ казны на платежъ Римлянамъ контрибуціи, побу-

дили Аннибала выказать въ гражданскомъ управленіи такія же познанія, какъ и въ военномъ дѣлѣ. Но опытами уже доказано, что крутое или строгое истребленіе злоупотребленій рѣдко доходитъ до желаемаго успѣха, и Аннибалъ, поднявъ на себя всѣхъ порочныхъ людей и по наговорамъ ихъ, самъ пришелъ въ подозрѣніе, какъ у правительства, такъ и у Римлянъ. Къ послѣднимъ писано было, что Аннибалъ замышляетъ новую войну и ведетъ тайную переписку съ Антіохомъ, Сирійскимъ Царемъ. Римляне, повѣря наговорамъ, а еще болѣе того опасаясь предпріимчивости Аннибаловой, отправили къ стыду своему въ Карфагенъ посольство, требовать выдачи Аннибала, какъ безпокойнаго и вреднаго правительству начальника. Хотя посольство сіе отправлено было подъ другимъ предлогомъ, но хитрый Аннибалъ, увидя подготовленное себѣ предательство отъ согражданъ и не желая допустить правительство и самаго себя до посрамленія, скрылся ночью изъ города и, сѣвъ на бывшее у него въ готовности судно, уѣхалъ въ Тиръ къ древнимъ единоплеменникамъ своимъ, прожившъ въ Африкѣ пять лѣтъ отъ заключенія мира.

Антіохъ, Сирійской Царь, былъ тогда въ большемъ раздумьѣ относительно возросшаго могущества Римлянъ, имѣвшихъ въ то время жестокую брань съ Филиппомъ, Македонскимъ Царемъ. Аннибалъ предвидѣлъ, что есть ли восточные Государи оспануться въ усыпленіи, то Римляне покорятъ одно за другимъ всѣ Царства и собственное его отечество. По сему размышленію, надѣясь быть полезнымъ Сирійскому Государю, немедленно отправился къ нему въ Антіохію, но незаставъ его въ столицѣ, увидѣлся съ нимъ въ Ефесѣ. Антіохъ принялъ Аннибала съ не притворною радостію, слушалъ его совѣты и готовъ былъ ввѣрить ему начальство надъ войсками. Но зависть придворныхъ и вельможъ къ изгнанному чужестранцу и преслѣдованіе Римлянъ все перемѣнило. Антіоху внушили, что онъ лишится славы предковъ своихъ, ввѣривъ себя иностранцу, и довели сего Государя до того, что онъ не только отклонилъ отъ дѣлъ Аннибала, но и невоспользовался его совѣтами. Онъ упустилъ случай, когда должно было дѣйствовать противъ Римлянъ, и вмѣшался послѣ въ дѣла Греціи въ такое вре-

мя, когда она большею частію была уже на сторонѣ Римлянъ. Въ слѣдствіе сего Антіохъ, какъ замѣчено выше, выгнанный изъ Греціи и побѣжденный въ Азіи, принужденъ былъ отказаться, отъ всѣхъ приморскихъ владѣній и сверьхъ того выдать руками Аннибала.

Послѣдняя статья договора заставила знаменитаго изгнанника убѣжать къ Прузію, Вифинскому Царю. Но Римляне и тамъ настигли его и принудили Прузія выдать укрывшагося у него изгнанника. Тогда уже Аннибалъ, видя неизбѣжную гибель и нежелая отдаться въ руки Римлянамъ, отравилъ себя ядомъ, сказавъ: избавимъ Римлянъ отъ опасности. Они не хотятъ дождаться смерти старика.

Аннибалъ умеръ, спустя 16 лѣтъ послѣ заключенія Карфагенскаго мира, въ одинъ годъ съ побѣдителемъ своимъ Сципіономъ Африканскимъ. Сей послѣдній такъ же неизбѣжалъ гоненія отъ народныхъ Трибуновъ. Онъ позванъ былъ къ суду по подозрѣнію, что далъ себя подкупить Антіоху для склоненія брата своего къ заключенію съ симъ Государемъ мира. Сципіонъ, вмѣсто оправданія, говорилъ о заслугахъ своихъ

отечеству; а на другой день, когда надлежало рѣшить дѣло, Сципіонъ, обратясь къ народу, сказалъ: Граждане! Сего дня я побѣдилъ Аннибала при Замѣ. Въ такой день не прилично разбирать пустыя тяжбы. Пойдемте лучше въ Капитолій принести благодареніе Богамъ— и весь народъ послѣдовалъ за Сципіономъ, оставя на площади однихъ трибуновъ. Однакожь дѣло симъ некончилось. Трибуны потребовали отъ него щетовъ въ издержанныхъ на войну суммахъ. Сципіонъ, вмѣсто удовлетворенія, разорвалъ предъ ними щеты свои, удалился въ Литерну, Кампанской городъ, и до самой смерти неучаствовалъ уже въ правленіи.

Безпристрастная Исторія поставила Аннибала и Сципіона въ число величайшихъ полководцевъ древности. Разсказываютъ, что Аннибалъ по заключеніи мира, разговаривая однажды съ Сципіономъ о великихъ полководцахъ, поставилъ на первое мѣсто Александра, на второе Пирра, а на третіе себя, и когда Сципіонъ симъ обидился и спросилъ: какое же мѣсто взялъ бы онъ себѣ, когда бы остался побѣдителемъ при Замѣ? Аннибалъ, желая польстить честолю-

бію Сципіонову, отвѣчалъ: тогда бы я поставилъ себя на первое мѣсто. Но оставя учтивость, Сципіонъ, не смотря на то, что былъ побѣдителемъ Аннибала, долженъ отдать Африканцу преимущество надъ собою; ибо нельзя еще судить о дарованіяхъ полководца по однимъ побѣдамъ его; надобно взять въ соображеніе и всѣ средства, какіе предоставлены ему къ побѣдѣ. Въ семъ отношеніи Сципіонъ не имѣетъ ни какого сравненія съ Аннибаломъ. Первый получилъ отъ правительства всѣ пособія къ побѣдамъ; послѣдній напротивъ того всемъ одолженъ самому себѣ, и естьли бы онъ имѣлъ тѣ же пособія, какими пользовался Сципіонъ, или естьли бы командовалъ Римлянами, тогда не нашлось бы можетъ быть изъ Римлянъ полководца, достойнаго спорить съ нимъ о побѣдѣ, исключая одного Цесаря.

Что принадлежитъ до прямодушія, то ни Аннибалъ, ни Сципіонъ немогутъ похвалиться симъ возвышеннымъ чувствованіемъ. Хитрости и обманы были имъ общія; но Аннибалъ, какъ Карфагенецъ, далеко превзошелъ въ оныхъ Римлянина. Оба они сею низкою склонностію увеличили только славу

Епаминонда и Александра. Въ Сципіонѣ еще примѣтна непріятная черта пренебреженія къ законамъ: уклонятся отъ суда и рвать щепы въ присудствіи не есть дѣло гражданина, почитающаго законы свои.

Отъ заключенія мира съ Антіохомъ до начала войны съ Персеемъ, послѣднимъ Македонскимъ Царемъ, протекло около 20 лѣтъ, въ которые не видно было жестокихъ браней со внѣшними непріятелями; и потому мы наполнимъ сей промежуткъ времени внутренними произшествіями, помѣстивъ и тѣ дѣла, которыя случились въ Римѣ въ продолженіе Македонской и Сирійской войны.

Первымъ дѣломъ по внутреннему управленію поставить можно распри въ Римѣ по причинѣ Оппіева узаконенія. Послѣ Канскаго пораженія издано было по предложенію Оппія узаконеніе, запрещавшее Римскимъ госпожамъ ѣздить по городу въ колясках, носить разноцвѣтное платье и употреблять на наряды болѣе 6 золотниковъ золота. Сіе узаконеніе издано было въ самое тягостное время, когда все золото и серебро взято было у гражданъ въ общенародную казну. Но когда опасность миновалась,

тогда и законъ, столь строгій на роскошь, казался быть ненуженъ. По заключеніи мира съ Филиппомъ народные трибуны предложили уничтожить сіе узаконеніе, какъ ненужное по приобрѣтенному богатству и благосостоянію республики. Всѣ знатныя дамы вступились за сіе дѣло и, вмѣстѣ съ Трибунами, просили отмѣнить узаконеніе. Они требовали возвращенія себѣ законныхъ правъ, дарованныхъ имъ за заслуги по дѣлу Коріолана, и за пожертвованія по дѣлу Камилла. Многіе Сенаторы согласны были удовлетворить сію прозьбу. Но порцій Катонъ, самый суровый, не всегда справедливый, а болѣе своенравный Римлянинъ, бывшій на тотъ годъ Консуломъ, не захотѣлъ согласится на предложеніе Трибуновъ. Распря по сему дѣлу вышла самая жаркая. Весь городъ принялъ въ ней участіе. Женщины бѣгали по всѣмъ улицамъ, недавали ни кому проходу, не взявъ честнаго слова на уничтоженіе закона, уговорили Трибуновъ не отступать отъ предложенія и наконецъ одержали надъ Катономъ побѣду.

Другая Распря, не столь жаркая, была по причинѣ мѣстъ въ Театрѣ.

Вышло особое постановленіе, чтобъ Сенаторамъ и прочимъ Курульнымъ чиновникамъ стоять въ Театрѣ на особомъ мѣстѣ отъ прочаго народа. Сципіонъ Африканскій первый подалъ мысль къ сему отличію и за то пришелъ въ ненависть у народа. Всѣ говорили, что Сенаторы симъ средствомъ пробуютъ образъ народныхъ мыслей; и предпринимаютъ захватить въ свои руки правленіе.

Но самое важное изъ внутреннихъ произшествій было Цензорство Порція Катона въ годъ смерти Аннибаловой за 184 года до Р. Х. Сей суровый Римлянинъ, произшедшій изъ незнатнаго рода, но личнымъ достоинствомъ своимъ, не устрашимостію въ сраженіяхъ, военнымъ искуствомъ и строгостію дослужившись до Консульскаго чина, вздумалъ по прошествіи десяти лѣтъ представить себя въ кандидаты къ Цензорству. Знатные, богатые и всѣ любители роскоши устрашились, узнавъ о семъ намѣреніи Катоновомъ, и нехотѣли допустить его къ сей должности опасаясь, что онъ приступитъ къ исправленію нравовъ со всею свойственною ему суровостію. Народъ напротивъ шого зная, что ему по бѣдности своей

нечего боятся Катона, стоялъ за него горою. Самъ же Катонъ въ то время, когда другіе Кандидаты искательствомъ, ласками и прозьбами старались быть избраны, гордо и повелительно требовалъ себѣ Цензорства доказывая, что онъ одинъ только въ состояніи будетъ наказать нарушителей добронравія и искоренить вкравшіяся пороки, и настоялъ въ томъ, что его утвердили въ сей высокой и почетной должности.

Первымъ поступкомъ его въ цензорствѣ было, что онъ назначилъ предсѣдателемъ въ Сенатѣ вмѣсто Сципіона, занимавшаго нѣсколько уже лѣтъ сіе мѣсто, друга и товарища своего Валерія Флакка, и отрѣшилъ отъ должности семерыхъ Сенаторовъ, въ томъ числѣ брата Фламининова. Когда стали жаловатся на сіе жестокое опредѣленіе относительно Фламинина, Катонъ объявилъ, что сей, будучи Консуломъ и начальникомъ въ Галліи, приказалъ однажды отсѣчь голову преступнику не позакону, но въ угожденіе прелестницѣ своей, которая, невидавши ни когда смертной казни, любопытствовала видѣть такое наказаніе.

Другой нестоль правосудной, сколь-

ко обидной поступокъ его былъ, что онъ Сципіона Азійскаго выключилъ изъ всадниковъ и отнялъ у него лошадь, которую правительство въ честь побѣдителя Антіоха содержало на казенномъ иждивеніи.

Всѣ предвидѣли изъ сего, какой пощады можно было ожидать въ истребленіи роскоши. Но какъ она была всеобщая, то Катонъ употребилъ средство, въ первый разъ въ Исторіи замѣченное, и оставшееся правиломъ въ Государственномъ управленіи.

Когда граждане при переписи народной начали объявлять для раскладки податей капиталы свои, то Катонъ въ число имущества включилъ всѣ наряды, мебели и прочіе вещи, которые прежде неполагались въ оцѣнку, и по безполезности ихъ оцѣнивъ гораздо дороже, сдѣлалъ раскладку податей по симъ капиталамъ. Другое, не меньше важное обстоятельство, такъ же обратило на себя вниманіе Катона. Большая часть имѣнія Римлянъ состояла изъ рабовъ, но изъ нихъ тѣ только полагались въ оцѣнку, которымъ было свышѣ 20 лѣтъ отъ роду. Отъ сего выходило, что богатые старались покупать рабовъ мо-

ложе сихъ лѣтъ, или даже уменьшать ихъ годы, чтобъ избавится отъ платежа за нихъ подати. Катонъ и сихъ недорословъ включилъ въ оцѣнку, а чтобъ отвратить злоупотребленіе при покупкахъ, оцѣнилъ ихъ также, какъ и мебели, гораздо дорожѣ.

Сія жестокость Катонова воздвигла на него отъ богатыхъ и знатныхъ всеобщій ропотъ. Но бѣдный народъ, которой ни чего не терялъ, или не терпѣлъ отъ сихъ постановленій, почтилъ Катона такою честію, какой прежде ни одному изъ Цензоровъ оказано небыло. Ему поставлена статуя въ храмѣ здравія съ надписью, означающею мудраго исправителя народныхъ нравовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Война съ Персеемъ, послѣднимъ Македонскимъ Царемъ. Разграбленіе Епира. Тріумфъ Павла Емилія. Дѣла Внутреннія. Произшествія 22 лѣтъ, отъ 171 до 149 года до Р. Х.

Вторая Пуническая война и послѣдующія за тѣмъ Македонская и Сирійская, сколько прославили могущество

Римлянъ, не менѣе того были пагубны относительно нравственности. Великое богатство, стекшееся въ Римъ, и множество рабовъ, пріобрѣтенныхъ побѣдами, произвели чувствительную перемѣну въ нравахъ. Земледѣліе, бывшее прежде почетнымъ занятіемъ знатнѣйшихъ гражданъ, перешло въ руки невольниковъ, а Римляне начали подражать образу жизни покоренныхъ ими народовъ. Самое правительство сбросило съ себя личину безпристрастнаго правосудія, и съ жадностію устремилось къ владычеству надъ всѣми, состоящими тогда на степени гражданскаго образованія народами.

Македонія была такая земля, на которую послѣ Карфагена болѣе всего обращено было вниманіе Римлянъ. Она почиталась корнемъ всѣхъ восточныхъ Державъ, образовавшихся послѣ Александра Великаго, и по военному искуству и не со всемъ испортившимся нравамъ жителей, могла быть страшною каждому отдѣльному Государству.

По сей причинѣ Римляне старались всѣми возможными способами ослабить Македонію. Филиппъ, по заключеніи постыднаго мира, хотя внутренно сожалѣлъ о униженіи своемъ, но безропотно

переносилъ нещастіе и помогалъ Римлянамъ въ войнѣ противъ Антіоха. Онъ пропустилъ чрезъ свои земли въ Азію Консула Сципіона, снабдивъ его на пути всемъ нужнымъ продовольствіемъ, и самъ вообще съ Римлянами дѣйствовалъ противъ Етолійцовъ. Но Римляне, вмѣсто благодарности, отплатили Филиппу обидою, и поступили съ нимъ не какъ съ Государемъ независимымъ, но какъ съ своимъ подчиненнымъ. Первое огорченіе для Филиппа было, что ему, въ противность мирнаго договора, запрещено было наказывать собственныхъ своихъ подданныхъ, измѣнившихъ ему во время войны и передавшихся Римлянамъ. Вскорѣ послѣ того, при разбитіи Антіоха при Термопилахъ, Консулъ Ацилій пошелъ осаждать Гераклею, а Филиппу предоставилъ взять Ламію. Когда же первый сверхъ ожиданія взялъ Гераклею прежде, нежели какъ предполагалъ, то и запретилъ тотчасъ Филиппу дѣйствовать на Ламію, располагаясь самъ воспользоваться сею добычею. Такое пренебреженіе къ союзному Государю было для Филиппа огорчительно, и онъ предвидѣлъ, что Римляне неоставятъ его спокойно владѣть Царствомъ, когда упра-

вятся съ другими народами; а потому и началъ приводить себя въ оборонительное состояніе, чтобъ на случай могъ выдержать войну, неминуемо предстоящую. Онъ сдѣлалъ наборъ для укомплектованія арміи, обучилъ оную заблаговременно и умножилъ разными налогами Государственную казну; такъ же перевелъ изъ Фракіи многихъ жителей въ Македонію, опустошенную прошедшими войнами.

Такія распоряженія не могли быть предосудительны Государю независимому; но Римляне нетакъ судили о Царяхъ, защищающихъ права свои. Они обидили Филиппа еще болѣе при раздѣлѣ отнятыхъ у Антіоха владѣній. Въ продолженіе войны Филиппъ отнялъ во Фракіи два города, принадлежащія Антіоху, и ввелъ въ нихъ свои гарнизоны. По заключеніи мира Римляне и сіи города отдали Евмену Царю Пергамскому, а Филиппа за всѣ услуги и пожертвованія оставили безъ всякаго вознагражденія, не уважая даже и того случая, что онъ отказался отъ выгоднаго Союза съ Антіохомъ, и всѣми силами своими дѣйствовалъ за Римлянъ. Филиппъ не могъ перенести сіоль

жестокой обиды и, будучи не въ силахъ противиться опредѣленію Римскаго Сената, излилъ гнѣвъ свой на такихъ людей, которые не заслуживали наказанія. Онъ послалъ умертвить въ отнятыхъ у него Фракійскихъ городахъ тѣхъ жителей, которые держали противную ему сторону. И когда Римляне потребовали у него отвѣта въ семъ поступкѣ и выдачи исполнителей сего злодѣянія, то Филиппъ одного изъ нихъ удержалъ, а прочихъ приказалъ на дорогѣ отравить ядомъ, чтобъ они не открыли его повелѣнія.

Въ Исторіи Царствъ, подобно какъ и въ жизни частныхъ людей, дѣйствія и страсти бываютъ иногда одинаковы. Всѣ сосѣднія къ Филиппу владѣльцы со стороны Греціи, видя сего Государя въ немилости у Римлянъ, вошли на него съ доносами на чинимыя притѣсненія. Филиппъ, для отраженія клеветы, отправилъ въ Римъ сына своего Димитрія, стараясь между тѣмъ отклонить войну, доколѣ не приготовится къ защитѣ. Римляне, обласкавъ Димитрія, внушили въ отца сильное подозрѣніе на сына, и не довѣрчивый Государь, по холодности своей къ Димитрію, объявилъ наслѣд-

никомъ престола другаго сына своего Персея. Сей также, изъ ненависти къ личнымъ достоинствамъ брата, оклеветалъ его предъ отцемъ въ составленіи заговора и подвелъ ложныхъ свидѣтелей. Престарѣлый Государь, по хитрымъ наговорамъ Персея, осудилъ Димитрія на смерть, и подозрѣвая подданныхъ въ расположеніи къ невинно осужденному, началъ угнѣтать ихъ своею Жестокостію. Наконецъ козни Персеевы открылись, и явная нетерпѣливость его къ принятію престола прибавили огорченія Государю. Въ сихъ жестокихъ мученіяхъ Филиппъ испустилъ духъ свой за 179 лѣтъ до Р. Х. терзаясь совѣстію и невозможностію, поднять одного и наказать другаго изъ сыновъ своихъ.

Персей, по возшествіи на престолъ, отправилъ въ Римъ пословъ о подтвержденіи заключеннаго съ родителемъ его мирнаго трактата и, получивъ согласіе, началъ приводить къ концу намѣренія Филипповы. Онъ объявилъ прощеніе всѣмъ изгнанникамъ, женился на дочери Селевка Царя Сирійскаго, а сестру свою выдалъ за Прузія Царя Вифинскаго; сверьхъ того, желая обезопасить себя

со всѣхъ сторонъ, отправилъ въ Карфагенъ посольство о заключеніи союзнаго трактата.

Друзья Римлянъ, Масинисса изъ Африки и Евменъ изъ малой Азіи, донесли Сенату о приготовленіяхъ Персея. Римляне почувствовали не обходимость воины и начали къ ней готовиться. Персей, имѣя на лицѣ до 40 тысячь отборныхъ и обученыхъ войскъ, множество всякаго рода военныхъ запасовъ и наличныхъ денегъ, въ состояніи былъ отразить силу силою. Но онъ предъ началомъ войны обнаружилъ малодушіе свое. Досадуя на Евмена, что онъ самъ ѣздилъ въ Римъ съ доносомъ, подкупилъ убить его на обратномъ пути, и также на мѣренъ былъ отравить прибывшихъ въ Брундузій Римскихъ полководцевъ, назначенныхъ въ Македонію. Оба сіи умысла открыты и привели Персея у всѣхъ въ ненависть, а Римлянъ ожесточили еще болѣе къ отмщенію.

Македонская война обратила на себя вниманіе и привела въ движеніе почти всѣ, извѣстныя тогда Государства. Всѣ опасались властолюбія Римлянъ, и въ покореніи Македоніи предвидѣли собст-

венное свое порабощеніе. Однакожъ Масинисса въ Африкѣ, Евменъ и Аріаратъ въ малой Азіи, прямо стали за Римлянъ; Котасъ, Царь Фракійской за Персея; Прузій, Царь Вифинской держался неутралитета. Иллирія и Епиръ сначала остались неутральными, но послѣ пристали къ Персею. Антіохъ Сирійской и Птоломей Египетской, будучи заняты собственною войною, не могли участвовать въ войнѣ Македонской, однакожъ обѣщали дать Римлянамъ по возможности своей вспоможеніе. Греція, раздираемая внутренними несогласіями, готова была вспомоществовать и Персею и Римлянамъ, и держатся неутралитета, естьлибъ то было возможно.

Персей, навлекши на себя войну, неумѣлъ производить оную съ должнымъ благоразуміемъ. Въ то самое время, когда онъ по не готовности Римлянъ могъ бы приобрѣсть значительныя выгоды, далъ себя обмануть предложеннымъ отъ Римлянъ перемиріемъ, и даже согласился отправить въ Римъ пословъ для мирныхъ переговоровъ. Старые Сенаторы явно негодовали на сію хитрость доказывая, что обманы приличны только Карфагенцамъ и Грекамъ,

а они дѣйствовали всегда открытою силою безъ всякаго притворства. Но большая часть Сенаторовъ настоящаго образа мыслей, не столь разборчивыхъ въ выборѣ средствъ, предпочли обманъ честности и проволочили пословъ до того времени, когда Консулъ Лициній переправилъ армію свою въ Грецію, и тогда, отказавъ посламъ отъ мира, приказали имъ немедленно выѣхать изъ Италіи.

Персей могъ бы выгодно напасть на Консула при переходѣ его изъ Епира въ Фессалію, но онъ простоялъ спокойно. Потомъ, разбивъ Консула на берегахъ Пенея въ кавалерійскомъ сраженіи, не преслѣдовалъ его пѣхоты, и далъ ему время переправиться ночью на другой берегъ рѣки и расположиться на выгодномъ мѣстѣ. Сіи ошибки произвели важныя послѣдствія. Случаи, однажды упущенные, въ другой разъ невозвращались. Но видно опредѣлено было на Персеѣ скончатся Македонскому Царству. Наблюдая произшествія часто встрѣчаемъ непреодолимую судьбу, влекущую народы къ своему предназначенію. И тогда съ одной стороны самыя безразсудныя предпредпріятія увѣнчиваются желаемымъ

*

успѣхомъ, а съ другой и вѣрныя соображенія превращаются иногда въ гибельныя послѣдствія. Но Персею опредѣлено было безпрестанными ошибками, или безразсудностію потерять свое Царство.

На трепій годъ войны, когда Консулъ Марцій вздумалъ открыть непріятельскія дѣйствія въ самой Македоніи, и для сего надлежало проходить его армій по ущеліямъ между горами, Персей имѣлъ въ проходахъ достаточные корпусы пѣхоты, а самъ съ конницею стоялъ въ такомъ мѣстѣ, откуда могъ подавать скорую помощь, гдѣ надобность потребуетъ. Но когда Марцій встрѣтился въ проходахъ съ однимъ корпусомъ подъ начальствомъ Гиппія, изъ 12 тысячь состоящимъ, и находился въ великомъ затрудненіи, то Персей, имѣя почти въ виду непріятеля, выпустилъ изъ рукъ побѣду, не подавъ Гиппію надлежащей помощи. Коль же скоро услышалъ о прибытіи Римлянъ въ Македонію, то и совсемъ потерялъ разсудокъ. Ему не большаго труда стоило запереть дороги къ обратному возвращенію и совершенно истребить Римлянъ голодомъ и оружіемъ, но вмѣсто того онъ предался отчаянію, приказалъ перене-

сти на флотъ позолоченныя статуи, бросить въ морѣ драгоцѣнности, хранимыя въ Пеллѣ, и сжечь въ Фессалоникѣ галеры свои. Но чтобъ довести потерю разсудка до высочайшей степени, то вывелъ войски свои изъ проходовъ и ушелъ съ оными въ Пидну.

Столь невѣроятная трусость Персея оправдала столько же безразсудное предпріятіе Консула, и вывела его изъ совершенной погибели. Историки замѣтили, что естьли бы Персей хотя на десять дней удержалъ въ себѣ разсудокъ, то Марцій, запертый со всѣхъ сторонъ, умеръ бы съ голоду въ Македоніи, ибо самые малые отряды въ проходахъ недопустили бы къ нему ни какихъ подвозовъ. Но трусость Персеева превзошла всякую мѣру. Марцій, увидя всѣ города оставленными безъ защиты, началъ обирать ихъ одинъ за другимъ; но чемъ далѣе заходилъ впередъ, тѣмъ болѣе открывался у него недостатокъ въ продовольствіи, и потому принужденъ былъ отступить назадъ, оставя и самую столицу Македонскую, и расположился на зимнія квартиры у проходовъ, занявъ оныя своими войсками.

Наконецъ Персей почувствовалъ без-

разсудность свою, занялъ опять столицу, оставленную непріятелемъ, и послалъ остановить, буде успѣютъ, исполненіе указовъ, данныхъ на сожженіе галеръ и на потопленіе драгоцѣнностей. Одинъ изъ исполнителей прежнихъ указовъ пожалѣлъ сожечь галеры, не видя въ томъ необходимой нужды, и поджидалъ новаго указа объ отмѣнѣ перваго, которой и получилъ къ своему удовольствію; а другой, вѣрный исполнитель должности, поступилъ по точному смыслу предписанія и, не ожидая новаго указа, побросалъ въ морѣ всѣ сокровища. Къ щастію водолазы большую часть серебра успѣли вытащить. Но Персей, стыдясь безразсудности своей и желая скрыть отъ народа прежнія приказанія, велѣлъ тайно умертвить и водолазовъ и исполнителей прежнихъ указовъ, чѣмъ еще болѣе обнаружилъ малодушіе свое. Онъ не первый обманулся въ томъ мнѣніи, что можно дѣлать тайныя порученія, о которыхъ ни кто знать не будетъ, не вообразивъ того, что тайна тогда только бываетъ тайною, когда лежитъ на одномъ сердцѣ; коль же скоро открыта другому, съ того часу перестаетъ быть тайною и запишется въ книгу исторіи.

Римляне, желая кончить Македонскую войну, выбрали на четвертой годъ Консуломъ Павла Емилія и отдали ему безъ жеребья начальство въ Македоніи, съ правомъ взять въ свои легіоны Трибуновъ и сотниковъ, какихъ онъ выберетъ. Армія, назначенная для сего предпріятія, состояла подъ личнымъ начальствомъ Консула изъ 25 тысячь; сверхъ того Претору Аницію дано для покоренія Иллиріи 22 тысячи, и Претору Октавію, для дѣйствія на флотѣ, дано пять тысячь сухопутнаго войска. Столь знатныя силы, и особенно довѣріе къ личнымъ дарованіямъ Консула, подавали вѣрную надежду на побѣду и на окончаніе войны по желанію Римлянъ.

И дѣйствительно Консулъ, прибывъ въ Македонію, нашелъ Персея сильно укрѣпившимся при подошвѣ горы Олимпа. Онъ выманилъ его изъ крѣпкой позиціи и принудилъ отступить къ Пиднѣ. Здѣсь Консулъ далъ Персею рѣшительное сраженіе, на которомъ побѣда, по долгомъ и отчаянномъ съ обоихъ сторонъ сопротивленіи, склонилась на сторону Римлянъ. Персей при началѣ еще сраженія убѣжалъ въ Пидну, подъ предлогомъ принесенія жертвы Геркулесу,

родоначальнику своему. Павелъ Емилій, положивъ на мѣстѣ непріятелей до 25 тысячь и взявъ въ плѣнъ до 10 тысячь, вошелъ въ Пидну. Персея тамъ уже не было. Онъ, быстро перебѣгая изъ одного города въ другой, спрятался наконецъ въ храмѣ Кастора и Поллукса въ Самофракіи, оставя Македонію въ жертву побѣдителю. Съ дороги отправилъ онъ къ Павлу Емилію посла, просить униженно мира. Но гордый побѣдитель несогласился иначе войти въ переговоры, какъ съ тѣмъ, чтобъ Персей безусловно предалъ себя и Царство на волю и рѣшеніе Римскаго Сената. Персей несогласился на предложеніе Консула, и предоставилъ случаю управлять собою.

Между тѣмъ Преторъ Октавій прибылъ на флотѣ къ Самофракіи и, не желая силою взять Персея изъ священнаго убѣжища, потребовалъ выслать изъ храма Цареубійцу Евандра, которому поручено было прежде отъ Персея убить въ Дельфахъ Евмена Царя Пергамскаго. Персей опасаясь, чтобъ Евандръ не оговорилъ его въ Цареубійствѣ, приказалъ лишить повѣреннаго своего жизни; однакожъ видя, что убѣжище его въ храмѣ ненадежно, подговорилъ Критскаго ко-

рабельщика, вывезти его со всемъ семействомъ и съ пожитками. Условленось, Персею ночью войти на корабль, между тѣмъ пожитки съ вечера были перетасканы. Корыстолюбивый корабельщикъ видя, что богатый грузъ у него уже въ суднѣ, отвалилъ отъ берега, не ожидая ночи. Въ условленный часъ Персей съ супругою и дѣтьми своими прокрался на берегъ; но въ какое приведенъ былъ отчаяніе, когда увидѣлъ, что корабля у берега уже не было! Необходимость заставила его съ однимъ сыномъ Филиппомъ пробратся тою же дорогою въ храмъ, а прочихъ дѣтей поручилъ привести въ безопасность любимцу своему Іону изъ Фессалоники. Но Іона измѣнилъ Государю и вмѣсто того, чтобъ укрыть Царскихъ дѣтей, отдалъ ихъ Октавію. Въ слѣдъ за тѣмъ отчаянный отецъ и самъ добровольно отдался Претору.

Другой Преторъ Аниціи въ дѣйствіяхъ своихъ въ Иллиріи былъ еще щастливѣе, нежели и самъ Консулъ. Ему надлежало открыть войну противъ Генція Царя Иллирійскаго, вступившаго въ союзъ съ Персеемъ. Но онъ лишь только показался на землѣ непріятельской,

то всѣ города сдались ему безъ сопротивленія. Генцій заперся въ столицѣ, но сдѣлавъ неудачную вылазку и невидя средства къ спасенію своему, бросился къ ногамъ Претора, испрашивая прощенія въ томъ, что осмѣлился поднять оружіе на Римлянъ. Малодушный Царь со всемъ семействомъ украсилъ тріумфъ Аниція. Иллирія раздѣлена на три части, и получила съ Македоніею одинаковый образъ правленія.

Павелъ Емилій, окончивъ Мекедонскую войну и пославъ нарочнаго въ Римъ для испрошенія дальнѣйшихъ приказаній, отправился между тѣмъ путешествовать по Греціи. Проѣзжая изъ одной области въ другую, онъ прекращалъ не согласія въ правительствахъ, облегчалъ участь нещастныхъ и раздавалъ казенный запасный хлѣбъ неимущимъ. Такою щедростію и благоразумiемъ заслужилъ онъ себѣ всеобщее почтеніе. Когда же прибыли изъ Рима нарочные для распоряженія дѣлъ Македонскихъ, то Консулу предъ отъѣздомъ въ Италію поручено было исполнить самое жестокое и, къ щастію людей, рѣдко назначаемое дѣло. Ему приказано было въ награжденіе войскамъ, служив-

шимъ подъ его начальствомъ въ Македоніи, отдать Епиръ на разграбленіе. Въ слѣдствіе сего безчеловѣчнаго опредѣленія въ одинъ день 70 городовъ превращено въ развалины, и до 150 тысячь жителей обращено въ невольниковъ. Столь ужасная казнь Царству Пиррову доказала народамъ, сколь опасно подвергаться гнѣву Римскаго сената и народа, и сколь мало сей народъ держался справедливости.

Къ чести Павла Емилія должно замѣтить, что не въ его волѣ состояло облегчить участь нещастнаго народа. Онъ самъ, за соблюденіе военнаго порядка и за сохраненіе для казны всего взятаго въ Македоніи имущества, подверженъ былъ жестокимъ обидамъ отъ начинавшихъ уже своевольничать воиновъ. Они прямо отказали ему въ тріумфѣ, и естьлибы Сенатъ невступился за Консула, то сей отличный, безкорыстный и просвѣщенный полководецъ, за всю оказанную имъ услугу отечеству, не получилъ бы даже и тріумфа себѣ въ награду.

Сей блистательный тріумфъ продолжался три дни, въ которые всѣ храмы, какъ обыкновенно водилось, были

отворены и курился фиміамъ на Жертвенникахъ, украшенныхъ лавровыми вѣнками. На улицахъ и площадяхъ подѣланы были мѣста для зрителей, которые одѣвались обыкновенно на сей случай въ праздничное платье. Въ первый день провезено въ церемоніи 250 возовъ съ кумирами и разными изображеніями, собранными въ Македоніи; на другой день везено взятое изъ Арсеналовъ разнаго рода оружіе, и три тысячи человѣкъ несли 750 сосудовъ съ серебренными деньгами, коихъ щиталось до 2250 талантовъ; сверьхъ того несено было въ приличномъ порядкѣ множество серебренной посуды, принадлежащей Македонскимъ Царямъ. Въ третій и послѣдній день хоръ музыкантовъ открылъ церемонію, за нимъ ведено было 120 тельцовъ съ позолоченными рогами, назначенныхъ для жертвоприношенія; попомъ несены были по порядку напередъ 77 сосудовъ, въ каждомъ по три таланта золотыми деньгами, за сими *золотая* чаша съ дорогими камнями, посвященная Юпитеру, вѣсомъ въ 550 фунтовъ, за оною другія нестоль богатыя чаши Антигона, Селевка и славнаго художника Ферикла. За чашами слѣ-

довала колесница Персеева съ оружіемъ и короною его. За колесницею шли дѣти Царскія въ сопровожденіи множества придворныхъ служителей и учителей; за дѣтьми слѣдовалъ самъ Персей въ черной одеждѣ, окруженный Царскою свитою; за Персеемъ несены были знаки отличія, состоящія въ 400 вѣнцахъ, поднесенныхъ отъ разныхъ городовъ и за побѣды побѣдителямъ; а за оными показался Консулъ на богатой колесницѣ въ пурпуровой шитой золотомъ тогѣ и съ лавровою вѣтвію въ рукѣ; за нимъ шла отрядами побѣдоносная армія, воспѣвая по обыкновенію въ насмѣшку Консулу своевольныя пѣсни.

Богатство, внесенное съ покоренной Македоніи въ общенародную казну, было столь велико, что Римляне уволены были отъ денежныхъ податей, и сія льгота продолжалась около 115 лѣтъ до смерти Юлія Цесаря.

Вскорѣ послѣ Тріумфа Персей умеръ съ печали въ темницѣ. Одинъ изъ его сыновей, переживщій нещастіе дому своего, доведенъ былъ до такой нищеты и крайности, что служилъ писаремъ у одного Римскаго чиновника.

Со времени разрушенія Македон-

ckaго Царства, до начала третей и послѣдней пунической войны протекло 18 лѣтъ, въ которые Римляне хотя не переставали дѣйствовать напорабощеніе народовъ, однакожь не оставили безъ вниманія и внутренняго благосостоянія; особливо, отъ времяни до времяни, издаваемы были къ поддержанію древнихъ нравовъ разныя узаконенія, изъ коихъ замѣчательны слѣдующія.

Первое, по предложенію Сципіона Назики въ 160 года до Р. Х. приказано срыть начатой постройкою новый театръ, въ которомъ предполагалось сидя смотрѣть на зрѣлища. Побудительною причиною къ сему было, чтобъ, по удобности театра, не усилить въ Римлянахъ склонности къ театральнымъ представленіямъ и не ослабить мужества, когда приучатся сидя смотрѣть на зрѣлища.

Потомъ надругой годъ состоялось опредѣленіе о изгнаніи изъ Рима Философовъ и Риторовъ, наѣхавшихъ въ великомъ множествѣ по разрушеніи Македонскаго Царства. Надобно думать, что Римляне, подъ именемъ Философовъ, разумѣли школьныхъ учителей, ибо истинные Философы и въ самой Греціи

были рѣдки, а въ другихъ земляхъ не рѣдко производились цѣлыми вѣками.

Третіе узаконеніе, изданное въ томъ же 159 годѣ до Р. Х. относилось до ограниченія издержекъ на столовое содержаніе. Запрещено было на ежедневной столъ издерживать болѣе 10 ассовъ, или 50 копѣекъ, а на праздничной болѣе 120 ассовъ, не включая однакожь въ сіи издержки домашнихъ произведеній: зелени, хлѣба, пирожнаго и винъ. Употребленіе же Иностранныхъ винъ вовсе было запрещено. Такъ же и посуды серебренной непозволялось имѣть одному лицу, или семейству, болѣе 100 фунтовъ. Чрезъ 18 лѣтъ сей законъ распространенъ для всей Италіи; а чрезъ 33 года потомъ слѣланы Лициніемъ нѣкоторыя дополненія. Въ семъ послѣднемъ законѣ отключено время ярмонокъ, въ которыя позволялось имѣть столъ дороже ежедневнаго. Не смотря на сіи узаконенія роскошь пробилась сквозь ихъ, и допустила Лукулла издерживать на нарядной столъ по 50 тысячь ассовъ.

Около сихъ же времянъ вкрались въ Римъ и другіе чужестранные обычаи, на которые однакожъ не было издано особыхъ узаконеній, полагая можетъ

быть, что отцы семействъ сами должны наблюдать за добронравіемъ дѣтей своихъ. Сципіонъ сильно жаловался, что вошло въ Римѣ въ обыкновеніе обучать дѣтей танцованію, тѣлодвиженію и декламаціи. Обыкновеніе сіе было потому болѣе вредно, что въ учители употреблялись театральные танцоры и прочіе лицедѣи, которые въ то время замѣчены были со стороны, по большей части, дурнаго поведенія, и потому опасно было принимать ихъ въ домы къ обученію юношества.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Третія и послѣдняя пуническая война. Разрушеніе Карфагена, Коринфа и Нуманціи, и другія произшествія въ продолженіи 16 лѣтъ, отъ 149 до 133 года до Р. Х.

Римляне, покоривъ Государство Александра Великаго, не находили уже на землѣ Царей, способныхъ противиться ихъ могуществу. Они возвысили свой голосъ, какъ повелители свѣта, и начали самовластно управлять неподвластными имъ народами; забыли древнюю спра-

ведливость, отвергнули всѣ приличія относительно независимыхъ Государей и народовъ, и стали судить ихъ соотвѣтственно пользамъ Рима, или даже по личнымъ и низкимъ страстямъ своимъ. Всѣ Государи и народы, не оказавшіе слѣпаго усердія своего Римлянамъ въ Македонскую войну, подвергнулись жестокому ихъ гоненію. Гордость и низость Римскаго правительства обнаружилась въ двухъ чертахъ, надъ Антіохомъ Епифаномъ и Ахайскимъ союзомъ.

Относительно гордости, мы замѣтили уже въ Сирійской исторіи поступокъ Попилія Лената, когда онъ, обведя вокругъ Антіоха черту, приказалъ ему дать отвѣтъ невыходя изъ круга. Но Римляне, заразившись пороками и властолюбіемъ, не всегда умѣли выдерживать столь гордый характеръ, и въ политикѣ ихъ небыло постояннаго правила. Слѣдующее происшествіе доказываетъ, въ какой противоположности находились правила и самыя опредѣленія Сенатскія.

Когда Римляне, по окончаніи войны съ Персеемъ, отправили наказныхъ или повѣренныхъ для учрежденія образа правленія въ завоеванныхъ областяхъ, то

сіи наказные, проѣзжая по Греціи, изыскивали тѣхъ людей, которые въ прошедшую войну недоброжелательствовали Римлянамъ, или внутренно желали щастія Персею въ томъ увѣреніи, что Македонское Государство служило защитою независимости Греческой. Такой образъ мыслей въ свободномъ народѣ незаслуживалъ наказанія, особливо когда Македонская Держава была уже низпровержена; и Римляне, уважая права Греческихъ правительствъ или, по крайней мѣрѣ, уважая самихъ себя, могли бы презрѣть народныя мысли. Но они присемъ случаѣ до того унизились, что подкупали корыстолюбивыхъ злодѣевъ шпіонить и доносить на всѣхъ подозрительныхъ людей, особливо на отличныхъ гражданъ и правителей. Въ слѣдствіе сего, не столько по дѣлу, сколько по личной ненависти и корыстолюбію, болѣе тысячи Гражданъ изъ Ахайскаго союза отослано въ Римъ безъ всякаго суда и приговора; неменѣе того погибло на мѣстѣ и множество разбѣжалось отъ страха. Ложные доносители воспользовались имуществомъ невинно осужденныхъ, и вся Греція съ ужасомъ увидѣла въ покровителяхъ своихъ такихъ при-

тѣснителей, противъ которыхъ иго, наложенное Македонскими Государями, казалось уже благодѣяніемъ или нечувствительнымъ бременемъ.

Стольже несправедливо поступили Римляне и съ Карфагенцами. Масиниса, въ надеждѣ на расположеніе къ себѣ Римлянъ, съ самаго полученія Государства и до старости своей не переставалъ тѣснить Карфагенцовъ, и отнимать унихъ владѣнія въ Африкѣ. Карфагенцы, на основаніи, заключеннаго съ Римлянами договора, не въ правѣ были защищатся, или начинать войну безъ позволенія Римскаго Сената. Наблюдая сей договоръ, они жаловались Риму, и по прозьбѣ ихъ присланы были въ Африку наказные разсмотрѣть и рѣшить дѣло на мѣстѣ. Но сіи наказные несдѣлали просителямъ должнаго удовлетворенія. Они сочли дѣло спорнымъ и представили на рѣшеніе Римскаго Сената; а Масиниссу, между тѣмъ, оставили спокойнымъ владѣтелемъ похищеннаго. Сенатъ также, по недоброжелательству къ Карфагенцамъ, оставилъ дѣло нерѣшенымъ на многіе годы.

Послѣ войны съ Персеемъ жалобы отъ Карфагенцовъ вновь повторены

были. Римляне отправили опять наказныхъ съ таковымъ же, какъ и прежде наставленіемъ. Когда они прибыли въ Африку, то неприступая еще къ дѣлу, спросили тяжущихся: согласныли они положится на рѣшеніе ихъ? Масинисса согласился безусловно; но Карфагенцы объявили, что они руководствуются мирнымъ трактатомъ, на основаніи коего просятъ себѣ правосудія, и почитая сей трактатъ непремѣннымъ себѣ закономъ надѣются, что и Римляне непотребуютъ отъ нихъ новыхъ обязанностей въ нарушеніе договора.

Видно было изъ сего предложенія, что наказные прибыли въ Африку не для рѣшенія дѣла по сущей правдѣ, но болѣе для проволочки и хотѣли уловить Карфагенцовъ въ новыя сѣти. Въ числѣ наказныхъ былъ Порцій Катонъ. Онъ объѣзжая съ товарищами своими Карфагенскія владѣнія, и видя вездѣ свойственную торговому народу промышленность и изобиліе, позавидовалъ благосостоянію Карфагена и, возвратясь въ Римъ, вмѣсто изложенія на правдѣ тяжебнаго дѣла, говорилъ въ Сенатѣ при каждомъ собраніи, что надобно разрушить Карфагенъ.

Послѣ сего Римляне искали благовиднаго предлога къ объявленію войны; но осторожные Карфагенцы, соблюдая свято статьи мирнаго трактата, отклоняли всякія причины къ разрыву дружбы. Услужливый Масинисса помогъ Римлянамъ и въ семъ случаѣ. Онъ имѣлъ въ Карфагенѣ свою партію, которую правительство осудило на изгнаніе. Масинисса вступился за нихъ, и дѣло дошло до явной вражды. Съ обоихъ сторонъ принялись за оружіе, и Масинисса, одержавъ рѣшительную побѣду, предписалъ Карфагенцамъ условія, какія дать имъ разсудилъ.

Римляне и здѣсь выказали малодушіе свое. Присланные для разобранія ссоры наказные имѣли тайное предписаніе наблюдать за дѣйствіями войны съ тѣмъ, что естьли Карфагенцы будутъ побѣдителями, тогда остановить ихъ въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ и обнадежить Масиниссу въ расположеніи къ нему Римскаго правительства; въ противномъ случаѣ дать ему волю губить непріятелей своихъ. Когда же увидѣли, что Масинисса истребилъ около 50 тысячь лучшей Карфагенской арміи, тогда Сенатъ Римской, по сильному настоя-

нію Катона, объявилъ Карфагенцамъ войну за нарушеніе яко бы договора, запрещавшаго поднимать оружіе на Государя, союзника Римскаго.

Карфагенцы, видя неизбѣжную погибель свою и желая покорностію смягчить недоброжелательство Римлянъ, отправили пословъ съ предложеніемъ, что они отдаются въ подданство Римскаго народа. Сенатъ затруднился отвѣчать на такую покорность и, необъвя посламъ намѣренія своего, приказалъ имъ, въ теченіи придцати дней, прислать триста заложниковъ изъ первыхъ фамилій и безусловно выполнить повелѣніе Консула. Карфагенцы до истеченія срока прислали заложниковъ и съ трепетомъ ожидали, какое послѣдуетъ о участи ихъ рѣшительное опредѣленіе.

Между тѣмъ Консулъ Ценсоринъ прибылъ въ Утику съ флотомъ и войсками. Послы явились къ нему для полученія дальнѣйшихъ повелѣній. Консулъ приказалъ выдать все оружіе. Карфагенцы повиновались, поставя только на видъ, чемъ будутъ они защищатся отъ окружающихъ ихъ непріятелей? На сіе сказано, что Римъ все предвидитъ—и запасный Арсеналъ перевезенъ былъ въ

станъ Римскаго Консула. Когдаже прибыли послѣдніе обозы съ оружіемъ, Консулъ объявилъ волю Сената, чтобъ Карфагенцы срыли свой городъ и переселились за 16 верстъ отъ берега, въ какомъ мѣстѣ они пожелаютъ.

Послѣднее приказаніе привело въ отчаяніе Карфагенцовъ. Тщетно умоляли они Консула объ отмѣнѣ столь ужаснаго опредѣленія. Ни слезы, ни прозьбы, ни самыя укоры несмягчили приговора. Потерявъ надежду на спасеніе, они рѣшились защищатся до послѣдней крайности, или погребсти себя подъ развалинами своего города. Но чемъ принять жестокихъ истребителей? Оружіе, запасы, машины, все было отдано. Въ сей крайности, нещастные и обманувшіися въ великодушіи Римлянъ Карфагенцы, употребили столовую и прочую посуду на выдѣлку оружія, а женщины, за недостаткомъ пеньки и льну, остригли свои головы и сплели изъ волосъ тетивы для луковъ.

Обеспѣченный отнятіемъ оружія Консулъ неторопился къ приступу. Между тѣмъ Карфагенцы, работая день и ночь безъ отдыху, исправились и готовы были не съ покорною прозьбою,

но съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить непріятелей. Римляне, по обряду вѣры своей, вызвали изъ Карфагена боговъ покровителей и пригласили ихъ переселится въ Римъ, гдѣ храмы будутъ для нихъ открыты и жертвенники наполнены фиміамомъ; потомъ совершили обрядъ заклятія, предавъ Карфагенъ въ жертву адскимъ богамъ и фуріямъ. По совершеніи сихъ обрядовъ приступили къ дѣлу. Но сколько они удивились, когда увидѣли, что обезоруженные Карфагенцы, отчаяннымъ и мужественнымъ сопротивленіемъ и частыми вылазками, сдѣлали сомнительнымъ взятіе города.

Молодой Сципіонъ, сынъ Павла Емилія и ученикъ Полибія, находился при сей осадѣ въ чинѣ трибуна. Онъ одинъ при частныхъ сшибкахъ, устройствомъ ввѣреннаго ему отряда, бралъ поверхность надъ Карфагенцами, и сначала возбудилъ противъ себя зависть, а потомъ привелъ въ удивленіе и самихъ Консуловъ, которые, какъ видно по дѣлу, худо знали свою должность. Напольность прошла безъ всякаго успѣха. На другой годъ Карфагенцы, войдя въ союзъ съ сосѣдними народами, знатно умножили силы свои. Новые Консулы ни

чего немогли сдѣлать, и заставили даже Римлянъ опасатся въ успѣшномъ окончаніи войны. Въ сіе время прибылъ въ Римъ Сципіонъ проситъ себѣ едилитетства, перваго курульнаго чина. Всѣ граждане обратили на него свои взоры и подумали, что онъ одинъ способенъ окончить начатое дѣдомъ его порабощеніе Карфагена. По общему желанію народа, онъ прежде урочныхъ лѣтъ избранъ прямо въ Консулы, и безъ жеребья поручено ему начальство въ Африкѣ.

По прибытіи съ новыми войсками въ Африку, нашелъ онъ бывшаго Консула въ осадѣ, и естьли бы промедлилъ нѣсколько дней въ пути и не поспѣшилъ бы подать осажденнымъ помощи, то вся прежняя армія могла бы быть порублена. Сципіонъ, освободя Консула изъ осады, нашелъ армію его за послабленіемъ военнаго порядка въ совершенномъ разстройствѣ. Надлежало употребить нѣсколько времени на приведеніе сей арміи въ должную подчиненность. Когда же она поставлена была на военную ногу, Сципіонъ приступилъ къ осадѣ города. Сопротивленіе было ужасное, и молодой Консулъ едва ли бы могъ получить скорый успѣхъ, естьли бы не уда-

лось ему прежде подкупить одного Карфагенскаго начальника Фармея, которой помогъ ему въ покореніи сограждан своихъ. Однакожъ трудно было взять городъ, вмѣщающій въ себѣ до семи сотъ тысячь жителей, и окруженный высокими стѣнами. Сципіонъ овладѣлъ укрѣпленнымъ перешейкомъ, защищавшимъ форштатъ съ твердой земли. Жители убрались въ крѣпость. На другой годъ Сципіонъ, въ званіи уже Проконсула, взялъ крѣпость приступомъ. Разсказываютъ, что шесть дней сряду продолжалось сраженіе изъ домовъ и на улицахъ. Надлежало почти каждую улицу брать приступомъ, и очищать оную для свободнаго проходу отъ множества убитыхъ тѣлъ. Наконецъ оставшіяся въ живыхъ жители, числомъ около 50 тысячь, просили позволенія выдти изъ города. Сципіонъ согласился и выпустилъ ихъ, кромѣ перемѣтчиковъ, которыхъ щиталось до тысячи человѣкъ. Сіи послѣдніе, не ожидая себѣ пощады, заперлись въ храмъ Екскулапіевъ и, будучи тѣснимы непріятелемъ и томимы голодомъ, зажгли сей храмъ и всѣ погибли въ пламени. Аздрубаллъ, начальникъ Карфагенской, вышелъ изъ храма и от-

дался въ руки побѣдителю; но супруга его, незахотѣвшая пережить отечества, сгорѣла съ дѣтьми своими въ храмѣ, вмѣстѣ съ перемѣтчиками.

Побѣдитель отдалъ опустѣвшій городъ на разграбленіе своимъ войскамъ, запретивъ имъ брать одни дорогіе металлы, назначенные для общенародной казны; потомъ приступилъ къ послѣднему приказанію Сената, разрушить городъ до основанія. Семнадцать дней горѣли стѣны и домы, и семнадцать ночей видимо было издалека зарево надъ Карфагеномъ; наконецъ, что оспалось неистреблено пожаромъ, то приказано было срыть военною командою.

Такъ изчезъ одинъ изъ богатѣйшихъ и многолюдныхъ городовъ древности, процвѣтавшій болѣе 700 лѣтъ со времени основанія своего. Нельзя сказать рѣшительно, чтобъ богатство и торговое состояніе жителей было причиною паденія его; скорѣе можно согласиться, что правительство, ослабѣвшее отъ времени въ образованіи своемъ и раздираемое противными партіями, не имѣло уже въ себѣ того единодушія, какое необходимо нужно къ отраженію непріятелей. Естьли бы Карфагенцы съ такою

же заботливостію подкрѣпили Аннибала въ Италіи, съ какою Римляне подкрѣпляли перваго Сципіона въ Африкѣ, то не довели бы себя до необходимости заключить постыдный миръ, въ которомъ содержались уже начала разрушенія Карфагена. Изъ сего можно извлечь ту истину, что Карфагенъ погибъ не отъ богатства и торговаго состоянія жителей, но отъ ошибокъ и разномыслія въ правительствѣ. Персія, Греція и Македонія погибли отъ подобныхъ ошибокъ. Римъ такъ же погибнетъ отъ одной и той же причины, съ такимъ притомъ наказаніемъ, что сначала въ самомъ себѣ найдетъ жестокихъ мстителей разномыслія, а потомъ достанется въ жертву не сильному и славному народу, но мѣлочи прежде презираемыхъ имъ варваровъ.

Въ продолженіе Африканской войны, и Македонской на Андрикса, возникли въ Ахайскомъ союзѣ сильныя партіи, руководимыя противными страстями и своекорыстіемъ. Начальники сего союза, поссорясь со Спартою, отправили въ Римъ пословъ съ объясненіемъ ссоры. Метеллъ, находящійся тогда въ Македоніи, совѣтовалъ Ахайцамъ подождать

прибытія изъ Рима наказныхъ для разбору дѣла. Но Демократъ, начальникъ союза, не ожидая отвѣта изъ Рима, объявилъ Спартѣ войну. Преемникъ его Діей вступилъ въ Лаконію и началъ опустошать ее. Между тѣмъ прибыли изъ Рима наказные, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ разобрать ссору по правдѣ и совѣсти, но съ тайнымъ повелѣніемъ ослаблять сильныхъ и подкрѣплять слабыхъ для взаимнаго ихъ истребленія. Въ слѣдствіе сего они объявили въ собраніи, чтобъ отключить отъ союза не бывшіе первоначально, но въ послѣдствіи приставшія къ союзу владѣнія. Въ числѣ таковыхъ находились самые сильные города: Фивы, Коринфъ, Аргосъ, Гераклея и Охроменъ въ Аркадіи. Народъ съ ропотомъ встрѣтилъ столь противное пользамъ Греціи предложеніе, и даже побилъ бы наказныхъ, естьли бы они не скрылись. Римляне, будучи заняты тогда Карфагенскою войною, послали вторыхъ наказныхъ съ предписаніемъ, ласкою и тихостію стараться примирить Ахайцовъ съ Лакедемонцами. Но Діей, подкрѣпленный своею партіею, разгласилъ, что сія ласковость Римлянъ происходитъ отъ слабости и худаго со-

стоянія дѣлъ ихъ въ Африкѣ. Метеллъ, видя смятеніе дѣлъ въ Пелопонесѣ, еще отправилъ отъ себя на собраніе въ Коринфъ четырехъ повѣренныхъ съ предложеніемъ, не навлекать на союзъ гнѣва Римлянъ. Но съ сими нарочными поступлено было еще безчестнѣе, нежели съ присланными изъ Рима, и даже они выгнаны были изъ собранія.

Такая безразсудность и оскорбленіе ясно, что не могли остаться безъ жестокаго мщенія. Консулъ Муммій назначенъ былъ съ войсками въ Ахаію; но Метеллъ, желая присвоить себѣ честь побѣды надъ Ахайцами, пошелъ на нихъ до прибытія Консула и одержалъ знатную побѣду. Потомъ, овладѣвъ почти безъ сопротивленія Фивами и Мегарою, приступилъ къ Коринфу. Здѣсь Муммій принялъ отъ Метелла команду и началъ осаждать городъ, а Метеллъ отправился обратно въ Македонію. Дерзость и спѣсь Коринфянъ столь была велика, что они выступили изъ города съ твердымъ намѣреніемъ прогнать Римлянъ, но вмѣсто того сами были на голову разбиты, и предводитель ихъ Діей съ отчаянія убѣжалъ въ Мегалополь, отечество свое, зажегъ свой домъ, убилъ

жену и самъ принялъ ядъ для прекращенія жизни.

Историки замѣтили, что естьли бы Діей непотерялъ присудствія духа и, вмѣсто Мегалополя, ушелъ бы въ Коринфъ, собралъ остатки разсѣянной арміи, то могъ бы долго держатся въ сіоль крѣпкомъ и неприступномъ городѣ; а Муммій легко бы согласился на сносный для Ахайцовъ миръ, чтобъ неоставить окончанія дѣла своему преемнику. Но бѣгство и безразсудная смерть Діея все разстроила. Жители въ городѣ безъ начальника неимѣли единодушія, а спасшіися отъ пораженія воины остались безъ предводителя. Въ сей сумятицѣ вмѣсто того, чтобъ избрать начальника и приготовится къ защитѣ, вздумали спасатся, кто куда хотѣлъ, и на другую же ночь ушли тайкомъ изъ города, оставя оной въ жертву непріятелю. Муммій, вошедши въ пустой городъ, отдалъ оной на разграбленіе. Малое число оставшихся жителей изрублены, жены и дѣти распроданы, а строеніе превращено въ пепелъ. Статуи, картины и прочія произведенія изящныхъ художествъ, частію отправлены въ Римъ и частію распроданы.

При семъ случаѣ разсказываютъ забавный Анекдотъ, на щетъ невѣжества Консула въ изящныхъ искуствахъ. Коринфъ, послѣ Афинъ, былъ первымъ городомъ, въ Греціи по части художествъ. Множество картинъ и статуй работы первыхъ художниковъ, продано съ публичнаго торгу и выручень за оные знатный капиталъ; ибо любители художествъ, зная цѣну выставленнымъ на продажу произведеніямъ, платили за нихъ очень дорого. Атталъ, Царь Пергамскій, за одну картину работы славнаго художника Аристида, на которой Римскіе воины по невѣжеству своему играли въ кости, заплатилъ шесть сотъ тысячь сестерцій, около 75 тысячь рублей; а другую того же живописца сторговалъ за два миліона сестерцій. Муммій ужаснулся отъ столь высокой цѣны и подумавъ, что въ картинѣ кроется какая нибудь неизвѣстная ему тайная сила, отказалъ Атталу въ покупкѣ оной, несмотря на всѣ представленія его, что купленная имъ съ публичнаго торгу картина по всѣмъ правамъ принадлежитъ ему. Муммій, отправляя сію чудесную для него картину вмѣстѣ съ прочими въ Римъ, въ добавокъ къ не-

ьжеству своему заключилъ съ отвозчи-
ами договоръ такого содержанія, что
стьли въ дорогѣ которая статуя или
артина утратится, то вмѣсто оныхъ
оставить имъ на свой коштъ другія
акой же величины и содержанія, не вооб-
разивъ того, что произведенія славнѣй-
ихъ художниковъ нельзя замѣнить ни
акими другими работами, и что неве-
ичина, но отдѣлка составляетъ досто-
инство всякаго произведенія.

Коринфъ разрушенъ въ одинъ годъ
ъ Карфагеномъ, и Греція превращена
ъ Римскую провинцію подъ именемъ
Ахайской.

Въ слѣдъ за симъ и Нуманція въ
Испаніи подвергнулась подобному разру-
шенію. Сей городъ нестолько знатенъ,
чтобъ могъ стоять на ряду съ Корин-
фомъ и Карфагеномъ; но онъ заслужи-
ваетъ мѣсто въ Исторіи человѣка по
тому, что отъ него родилось сѣмя на-
роднаго возмущенія и междоусобныхъ
браней, причинившихъ Римлянамъ гора-
здо болѣе зла, нежели завоеваніе цѣлаго
свѣта. Начало сего произшествія состо-
яло въ слѣдующемъ.

Испанія въ то время не была еще поко-
рена совершенно. Она состояла изъ

многихъ отдѣльныхъ народовъ, не достигшихъ еще до степени гражданскаго общежитія и ревнительныхъ къ своей независимости. Римляне содержали сіи народы въ родѣ союзниковъ, однакожъ для укрощенія непослушныхъ получали отъ нихъ слабыя вспоможенія. Наконецъ природа произвела между ими въ Лузитаніи такого человѣка, которой, при личныхъ военныхъ способностяхъ, вздумалъ по примѣру Римлянъ распространить власть свою и основать независимое Государство. Варіаратъ избранъ былъ природою къ сему дѣлу. Онъ изъ пастуха, по одной личной храбрости, разуму и поступкамъ, достойнымъ просвѣщенныхъ героевъ, учинился начальникомъ многихъ колѣнъ и, приобрѣтая безпрестанно подъ предводительство свое бывшихъ союзниковъ Римскихъ, сдѣлался опаснымъ для нихъ непріятелемъ. Онъ въ теченіи шести лѣтъ бралъ поверхность надъ бывшими въ Испаніи Римскими полководцами, которые, при маломъ искуствѣ и послабленіи въ войскахъ подчиненности, отличили себя еще и жестокостію, несносною для независимыхъ народовъ. При такихъ начальникахъ Испанія готова была сбро-

сить съ себя Римское иго. Фабій и Метеллъ нѣсколько поправили Испанскіе дѣла. Но послѣдній въ двухъ случаяхъ обнаружилъ возмутительныя мысли и не уваженіе правительства. Онъ, неприобрѣвъ въ Испаніи такихъ побѣдъ, которые заслуживали бы тріумфъ, своевольно въѣхалъ въ Римъ въ торжественной колесницѣ; но опасаясь, чтобъ народъ не пришелъ отъ такого своевольства въ волненіе, посадилъ съ собою на колесницу дочь свою, бывшую Весталкою. Изъ уваженія къ священной дѣвѣ зрители остались спокойными присемъ странномъ тріумфѣ. Другой поступокъ его былъ еще непростительнѣе. Когда, по наговорамъ противной ему партіи, присланъ былъ преемникъ въ Испанію, то Метеллъ распустилъ лучшіе войски, истребилъ запасы, уморилъ слоновъ, изломалъ стрѣлы и здалъ армію, ослабленную въ подчиненности, и нуждавшуюся во всѣхъ необходимыхъ потребностяхъ.

Между тѣмъ Варіаратъ беспрестанно усиливался. Онъ окружилъ Римскую армію подъ начальствомъ Постумія и могъ бы истребить ее; но по великодушію своему заключилъ миръ, не по-

*

стыдный для Римлянъ. Новый начальникъ Цепіонъ, принявшій команду отъ Постумія, отплатилъ Варіарату вѣроломствомъ, подкупивъ убить его сонна-го. Со смертію Варіарата и возрастающая сила Испанцевъ ослабѣла. Однакожъ Нумантинцы, народъ малочисленной, но храброй, захотѣли удержать права свои. Они просили у Римлянъ дружбы и независимости. Но Римлянамъ, побѣдителямъ сильнѣйшихъ народовъ и Царствъ, стыдно показалось удостоить дружбою своею народъ незначущій, составляющій не болѣе четырехъ тысячъ душъ, способныхъ носить оружіе. Они хотѣли истребить его, или принудить къ безусловному повиновенію. Но вышло напротивъ. Консулъ Манцинъ, посланный противъ ихъ, былъ разбитъ и осажденъ на мѣстѣ, неспособномъ къ отступленію. Квесторъ его Тиберій Гракхъ, заслужившій честнымъ поведеніемъ своимъ довѣріе у Испанцевъ, спасъ Консула и армію, заключивъ съ Нумантинцами мирный договоръ, которымъ обѣщана имъ дружба и независимость. Сенатъ неподтвердилъ сего договора, и отослалъ связаннаго Консула къ Нумантійцамъ, но они безъ выпущенной арміи

его одного не приняли. Тиберій Гракхъ такъ же включенъ былъ въ Сенатское опредѣленіе, но онъ процестовалъ противъ сего несправедливаго рѣшенія. Вскорѣ послѣ того Емилій Сципіонъ, по окончаніи Карфагенской войны, посланъ былъ въ Испанію. Онъ осадилъ Нуманцію, большую часть жителей выморилъ голодомъ, остальные зажгли городъ и сами побросались въ пламень, не оставя побѣдителю ни одной жертвы для пріумфа. Сципіонъ, къ титлу Африканскаго, пріобщилъ себѣ другое незавидное титло Нуманпійскаго.

Такимъ образомъ Римляне, истребляя народы и Царства и нарушая священныя права людей, теряли въ себѣ чувство справедливости и пріучались къ своекорыстнымъ понятіямъ. Кровь невинно пролитыхъ народовъ, и пренебреженіе собственныхъ своихъ законовъ, произвели въ самомъ Римѣ жестокихъ мстителей. Слѣдующія два опдѣленія покажутъ, сколь ужасныя послѣдствія влечетъ за собою неправосудное и пристрастное правленіе.

Конецъ третіей части.

ВВЕДЕНІЕ (*).

Предпринимая написать Всеобщую Исторію отличившихся въ Гражданской

(*) При изданіи въ 1824 годѣ первыхъ частей Всеобщей Исторіи, я неуспѣлъ написать Введенія, необходимо нужнаго для поясненія природы человѣческой, и пропустилъ нѣкоторыя періоды, относящіеся къ Исторіи Древнихъ Восточныхъ Государствъ, предполагая дополнить сіи недостатки при второмъ изданіи. Но будетъ ли при жизни моей напечатано второе изданіе, еще неизвѣстно. Между тѣмъ тѣ мѣста и лица, которые имѣютъ первое изданіе, въ правѣ требовать отъ меня спѣхъ дополненій, дабы неимѣть надобности покупать второе изданіе. Въ удовлетвореніе ихъ я издаю сіе дополненіе, и могъ бы роздать его безденежно, есть ли бы зналъ всѣхъ покупателей. Впрочемъ цѣна одинъ рубль съ пересылкою неможетъ быть обременительна для тѣхъ, кои имѣютъ уже всѣ 20 частей моей Исторіи. *И. Ертовъ.*

*

образованности различныхъ племенъ рода человѣческаго, прежде всего должно упомянуть о Естествѣ человѣка и отличныхъ способностяхъ его въ сравненіи съ прочими животными. Разсматривая вообще родъ человѣческій въ семъ отношеніи, мы находимъ, что человѣкъ, слабый и безсильный по тѣлесному сложенію своему, одаренъ превосходнѣйшимъ разумомъ, посредствомъ коего, изобрѣтая и усовершая разныя орудія, побѣждаетъ сильнѣйшихъ животныхъ и большую часть изъ нихъ употребляетъ въ пищу или работу, смотря по своему благоизволенію.

Другое отличіе состоитъ въ наружномъ образованіи собственно человѣческаго рода, котораго разныя племена, разсѣянныя по всей возвышенной надъ водою поверхности земной, отличаются между собою цвѣтомъ тѣла, чернымъ, мѣднымъ, смуглымъ и бѣлымъ и различными чертами въ образованіи лица; даже въ одномъ племени ненаходятъ двухъ человѣкъ, одного на другаго совершенно похожихъ.

Третіе отличіе между человѣкомъ и животными можно полагать въ томъ, что каждый родъ животныхъ, исключая весьма

немногихъ, плодится въ одномъ какомъ либо климатѣ, въ жаркомъ, умѣренныхъ или холодныхъ, и неможетъ продолжать жизни своей въ другомъ несвойственномъ ему климатѣ: какъ на примѣръ животные жаркаго пояса непереходятъ и неплодятся въ странахъ полярныхъ. Напротивъ того человѣкъ плодится во всѣхъ климатахъ, употребляетъ въ пищу всякія ястивы, гдѣ какія родятся, и до безконечности разнообразитъ родъ жизни своей, сообразуясь съ климатомъ и мѣстными обстоятельствами.

Но самое главнѣйшее отличіе между человѣкомъ и животными находится въ умственныхъ способностяхъ. Всѣ животныя неразвиваютъ понятій своихъ далѣе удовлетворенія тѣлесныхъ потребностей, и по сіе время остаются на той степени механической образованности, до которой достигли со временъ первобытныхъ. На противъ того въ человѣкѣ постепенно открываются такія мысли и чувства, которыя нисколько независятъ отъ тѣлеснаго сложенія. Первою отличною изъ сихъ мыслей можно почесть понятіе о Богѣ, которое обнаруживается во всѣхъ людяхъ подъ разными видами; а прочія мысли относятся

къ общежитію, законодательству, искусствамъ, наукамъ и ко всѣмъ тѣмъ познаніямъ, которыя возвели родъ человѣческій на степенъ нынѣшняго просвѣщенія и умственныхъ заблужденій.

Впрочемъ сіи познанія не вовсѣхъ людяхъ развились одинаково. Многія племена человѣческія и по сіе время живутъ въ дикомъ состояніи; другія едва образовались до первыхъ началъ общежитія; а прочія, соединенныя въ Государства и общества, болѣе или менѣе многолюдныя, находятся на разныхъ степеняхъ просвѣщенія, смотря по разуму духовныхъ и гражданскихъ законовъ. Однако же вообще замѣчено, что люди жаркаго пояса болѣе склонны къ спокойной, единообразной жизни, и по развитіи умственныхъ способностей, своихъ до удовлетворенія необходимыхъ потребностей, непринуждаютъ понятій своихъ къ дальнѣйшему усовершенствованію. Напротивъ того люди умѣренныхъ поясовъ, неимѣя предъ собою такого изобилія въ жизненныхъ потребностяхъ, и будучи принуждены снискивать себѣ пропитаніе искусствомъ и трудами, болѣе имѣютъ наклонности къ дѣятельной жизни и къ изо-

щренію способностей своихъ въ искусствахъ и изобрѣтеніяхъ. Что принадлежитъ до малочисленныхъ племень, разсѣянныхъ въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ, то сіи, по недостатку въ продовольствіи, получили въ замѣнъ способность, приучить себя къ холоду и голоду и, по тупоумію своему, нечувствовать бѣдности такого состоянія. Сверхъ того примѣтно, что люди, расплодившіеся или поселившіеся на гористыхъ мѣстахъ, не такъ скоро подвергаются порабощенію, какъ живущіе на равнинахъ. Послѣдніе по большей части бываютъ жертвою завоевателей, чему безъ, сомнѣнія много способствуетъ беззащитное мѣстоположеніе.

Древніе языческіе Философы старались открыть причину столь разнообразныхъ или многосложныхъ свойствъ природы человѣческой; но множество произвольныхъ и ни чемъ недоказанныхъ предположеній ихъ произвело наконецъ одно сомнѣніе, и мудрѣйшій въ древности Философъ Сократъ заключилъ ученіе свое тѣмъ, что онъ увѣренъ только въ томъ, что ни чего незнаетъ. Новѣйшіе Философы также испытывали силы свои въ разрѣшеніи сего предмѣта

и также ошибались въ заключеніяхъ своихъ. Но что было недоступно для изслѣдованія человѣческому разуму, то показано намъ въ откровеніи. Мы знаемъ по Священному писанію, что Всемогущій Творецъ всего существующаго создалъ человѣка по образу своему и подобію, надѣлилъ его умомъ и всѣми благами земными, исключая одного плода, Символа вѣры и послушанія Творцу своему. Нарушеніе сей заповѣди навлекло на всю землю временное проклятіе, пробудило въ человѣкѣ стыдъ и угрызеніе совѣсти, открыло ему бѣдственное познаніе добра и зла, и предало его въ жертву собственныхъ страстей своихъ, или животныхъ склонностей, которыя въ послѣдствіи развились и по сіе время развиваются въ родѣ человѣческомъ.

Мы небудемъ входить въ подробное изслѣдованіе причины паденія рода человѣческаго, ни описывать того блаженнаго состоянія, которое для насъ потеряно. Также излишно будетъ повторять Исторію народа Божіяго, которая должна быть всѣмъ извѣстна и непрерывно описана въ священномъ писаніи. Здѣсь довольно замѣтить, какимъ образомъ могли развиться

умственныя способности въ тѣхъ падшихъ и разсѣянныхъ племенахъ человѣческихъ, которые въ переродившихся поколѣніяхъ потеряли всѣ познанія, и принуждены были снова развивать и усовершать умственныя способности свои.

Для изслѣдованія сего предмета представимъ себѣ двухъ младенцевъ, мужескаго и женскаго рода, какъ обыкновенно раждающихся безъ всякихъ познаній, и удаливъ ихъ отъ всякаго сообщества съ человѣкомъ, предоставимъ одной природѣ, тѣлесной и духовной, имѣть попеченіе въ воспитаніи и образованіи ихъ.

Сей опытъ можетъ совершиться только въ земляхъ теплыхъ и плодородныхъ, въ которыхъ во всякое время года небываетъ недостатка въ жизненныхъ потребностяхъ, и которыя обыкновенно признаются колыбелію рода человѣческаго. Въ сихъ благословенныхъ земляхъ первые младенцы могли, по внутренному побужденію, сосать или жевать сочныя травы и мягкіе плоды, которые въ близи ихъ находились, и чемъ болѣе они выростали, тѣмъ скорѣе могли находить средства къ продовольствію своему. Между тѣмъ они научились разбирать

пищу, и когда чувствовали голодъ или жажду, то безъ дальнаго уже запрудненія удовлетворяли сіи потребности тѣмъ, что казалось имъ вкуснѣе или питательнѣе. Неимѣя ни какихъ занятій, они большую часть времени проводили во снѣ, и съ каждымъ пробужденіемъ принимались опять за насыщеніе, или приучались пользоваться руками и ногами. Когда же силы ихъ еще болѣе укрѣпились, тогда ходили, бѣгали, прыгали, однимъ словомъ дѣлали всѣ шалости, свойственныя дѣтскому возрасту. Привычка быть всегда вмѣстѣ родила между ими чувство взаимной другъ къ другу привязанности, и когда нечаянно одинъ отъ другой отлучались или заблуждались, то выражали тоску свою крикомъ и слезами, и по сему крику находили опять другъ друга. Повторивъ нѣсколько разъ такія опыты, они научились, въ случаѣ разлуки, сходиться вмѣстѣ по окличкѣ, которая, образуясь чрезъ многія повторенія, превратилась наконецъ въ собственныя для нихъ имена. Примѣтивъ отъ сего выгоду, они начали давать названія и тѣмъ вещамъ, которыя были имъ необходимы, и тѣмъ побужденіямъ, которые на нихъ

дѣйствовали. Такимъ образомъ научились напередъ означать голодъ и жажду, пищу и питье; а потомъ давали названіе и прочимъ вещамъ и дѣйствіямъ, въ которыхъ упражнялись.

Въ сихъ занятіяхъ проведя нечувствительно первый возрастъ, они приблизились наконецъ къ тому времени, въ которое врожденное побужденіе призывало ихъ къ плодотворенію. Почувствовавъ отъ сего новый родъ наслажденія, они неупускали имъ пользоваться, и чемъ болѣе наслаждались, тѣмъ сильнѣе взаимная привязанность между ими укрѣплялась. Наконецъ когда родился первый залогъ любви, то вѣрно они несколько были имъ обрадованы, сколько удивлены тѣмъ, что увидѣли новое, подобное себѣ, маленькое твореніе. Побуждаясь врожденною къ плоду своему любовію, они начали ласкать его. Показавшееся въ груди молоко, а можетъ быть и примѣры родившихся прежде дѣтей у другихъ животныхъ, указали матери кормить младенца своею грудью; а потомъ пріучать его къ той пищѣ, которою сама довольствовалась, и къ тѣмъ занятіямъ, какіе были ей извѣстны.

Естьли можно назвать благополучнымъ то время, когда человѣкъ, равно какъ и всѣ животныя, неимѣя еще ни какихъ привычекъ, ни кротости, ни жестокости, ни даже понятія о взаимной враждѣ и прочихъ чувствахъ, родившихся отъ времени и обстоятельствъ, проводили время въ одномъ насыщеніи; въ наукѣ дѣйствовать своими членами; въ дѣтскихъ играхъ, свойственныхъ каждому роду животныхъ, и наконецъ въ наслажденіяхъ любви, то сіе время можно назвать золотымъ вѣкомъ. Но вѣкъ сей былъ непродолжителенъ. Вмѣстѣ съ лѣтами и съ размноженіемъ *общества* обнаруживались и склонности животныхъ; и какъ силы и способности ихъ были различны, то слабые и кроткіе вскорѣ учинились жертвою сильныхъ и свирѣпыхъ. Молодой тигръ, забавлялся ягненкомъ, подобно какъ дѣти маленькими птичками, нечувствительно задушалъ его и, по врожденному побужденію, пожелалъ отвѣдать его мяса; узнавъ же, что оно вкуснѣе другой пищи, началъ ловить и другихъ животныхъ для насыщенія своего. Подобно сему и прочіе звѣри нечувствительно становились плодоядными. Са-

мый даже человѣкъ въ забавахъ своихъ задушалъ маленькихъ животныхъ безъ всякаго о томъ размышленія, и также по врожденному любопытству употреблялъ въ пищу ихъ мясо, или раззорялъ гнѣзда и поядалъ яица.

Я небуду входить въ подробности сего развитія свойственныхъ животнымъ понятій, скажу только, что сіе развитіе способностей непростиралось въ нихъ далѣе удовлетворенія необходимыхъ потребностей; хотя случалось иногда, что хищные звѣри умерщвляли другихъ животныхъ по одной привычкѣ безъ всякой надобности; но ни когда не могли образовать понятій своихъ до такой степени, чтобы покорить даже самыхъ кротких животныхъ подъ свою зависимость. Сіе преимущество исключительно предоставлено одному человѣку. Его ласковость побудила кроткихъ животныхъ имѣть къ нему привязанность; состраданіе же человѣка взялось охранять беззащитныхъ, а самолюбіе внушило наконецъ почитать ихъ своею собственностію. Отсюда родилась первая мысль о скотоводствѣ. Подобно сему и прочія отрасли ума развивались по слу-

чаямъ. Теченіе солнца, измѣненія луны и другія явленія дня и ночи заставили человѣка замѣчать время, и чрезъ то положить первое основаніе Астрономіи; теплота дня и холодъ ночи подали мысль о потребности уютнаго жилища; но невная еще ни какихъ средствъ къ удовлетворенію сей потребности, первыя убѣжища человѣка были въ частыхъ кустарникахъ и пещерахъ, гдѣ сіи находились, которыя, по мѣрѣ развитія ума, расчищались, настилались листьями, сплѣтались вѣтьвями, и наконецъ превратились въ родъ бесѣдокъ и гротовъ.

Разныя пропорціи составныхъ началъ, вошедшихъ въ образованіе и питаніе зародышей человѣка, и произшедшее отъ того неравенство въ тѣлесномъ сложеніи, было причиною разнообразія, какъ въ силахъ, такъ и въ самыхъ склонностяхъ. Во время любви мужчины большею частію избирали *красавицъ*, а *неприглежія* оставались безъ любовниковъ. Первыя, возгордясь собою, сдѣлались разборчивы въ выборѣ; послѣднія, завидуя успѣхамъ совмѣстницъ, открыли искуство нравиться. Презрѣнные красавицами мужчины прибѣгнули къ насильству;

любовники ихъ становились защитниками, и предмѣтъ ссоры доставался побѣдителю. Отсюда произошло невольничество женскаго пола. Мужчины, время отъ времени, становились надменнѣе, женщины покорнѣе и хитрѣе. Побѣдители въ любви распространили власть свою и на другіе предметы. Они отгоняли скотъ, отнимали плоды и прочія вещи. Побѣжденные и ограбленные прибѣгнули къ защитѣ, и выдумали средство каменьями или дубиною отгонять сильныхъ; а сіи, воспользуясь такимъ же оружіемъ, или согласясь по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, дѣлали набѣги и раззоряли цѣлыя семейства.

Такимъ образомъ человѣкъ, по природнымъ побужденіямъ своимъ и склонностямъ, успѣлъ заразишься многими пороками прежде, нежели открыдъ въ себѣ поняшіе о справедливости; и распространяющееся зло заставило наконецъ склонныхъ къ размышленію людей подумашь о средствахъ къ пресѣченію зла сего. Начались сужденія въ семействахъ, подавались совѣты и показались правила общежишія. Правила сіи въ первобышномъ состояніи были просты и ограничены поняшіемъ шого времени. Сначала

они наблюдались въ немногихъ семействахъ; но мало по малу стали перенимать ихъ и прочія семьи съ таковыми же склонностями, и чемъ болѣе умножалось число людей, тѣмъ болѣе очищались правила, развивались понятія и языкъ образовывался.

Между тѣмъ предпріимчивые и несклонные къ общепринятымъ правиламъ умы, подговорили себѣ сообщниковъ и составили особыя партіи, изъ коихъ каждая захотѣла жить по своему; къ тому же и самая необходимость заставляла людей небольшими партіями разсѣваться по лицу земному. При размноженіи общества жизненныя потребности на одномъ мѣстѣ истощались, и какъ люди въ то время неимѣли еще ни какого понятія о земледѣліи и даже неумѣли запасать и беречь припасовъ наголодное время, то по самой необходимости принуждены были для продовольствія перемѣнять мѣста жительства своего, и останавливаться тамъ, гдѣ природа въ полномъ изобиліи доставляли имъ дары свои.

По сей необходимости родъ человѣческій, со всѣми пріученными къ себѣ животными, раздѣляясь по обстоятельствамъ на особыя партіи, сначала велъ жизнь ко-

чевую и разнообразилъ языкъ и понятія свои по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Кочующіе въ лѣсахъ и на лугахъ питались плодами, кореньями, яицами и животными; а зашедшіе къ берегамъ морскимъ довольствовались морскими животными, черепахами, раковинами и рыбою; и какъ одни, такъ и другіе сначала снискивали сіе продовольствіе безъ дальнаго затрудненія; ибо всѣ четвероногія, птицы и рыбы, небывъ напуганы людьми, неубѣгали отъ нихъ, чему и нынѣ довольно видимъ примѣровъ въ описаніи путешествій по южному полушарію. Но какъ скоро всѣ животныя, примѣтивъ опасность жить въ сосѣдствѣ съ человѣкомъ, стали отъ него удаляться, тогда и человѣкъ прибѣгнулъ къ выдумкамъ, и усовершалъ искуство промысловъ своихъ по мѣрѣ опытовъ и времени, и можетъ быть, прошекло нѣсколько столѣтій прежде, нежели человѣкъ научился садить сѣмяна, плести сѣти и дѣлать стрѣлы и луки.

Около сего же времени открылось въ человѣческомъ родѣ много и другихъ познаній. Изобиліе собираемыхъ припасовъ подало мысль мѣняться оными, и положило ос-

нованіе торговли и роскоши. Вымѣненные продукты изъ другихъ обществъ за охотили каждаго сочлена имѣть оные. Открылось прилежаніе къ промыслам и сообщеніе между обществами. Пріобрѣтенныя каждымъ обществомъ познанія и обычаи перенимались въ частныхъ сношеніяхъ и, разнообразя понятія, сближали нравы. Но какъ склонности и способности человѣка весьма различны, то и произвели въ короткое время неравенство въ состояніяхъ. Трудолюбивые и предпріимчивые въ скорости сдѣлались достаточными, а лѣнивые и безпечные стали нуждаться даже въ необходимыхъ потребностяхъ. Первые, будучи искусны и прилежны, пріобрѣтали болѣе, нежели сколько нужно было для продовольствія, и на излишнее вымѣнивали изъ всѣхъ обществъ то, что нравилось или казалось нужнымъ. Послѣдніе на пропивъ того, при маломъ искуствѣ и лѣности, едва снискивали дневное пропитаніе.

Неравенство сіе возросло наконецъ до такой степени, что бѣдные начали служить богатымъ изъ пищи или на другихъ условіяхъ, сообвѣтственно тому времени. Богатые же, умножая беспрестанно из-

бытки свои трудами бѣдныхъ служителей, сдѣлались наконецъ роскошными и любострастными празднолюбцами. Они раздѣлили служителей на разныя сословія. Однихъ заставили прислуживать собственно себѣ или сперечь любовницъ; другихъ разсылали на промыслы, или заставляли пасти стада свои; инымъ поручали мѣну продуктовъ, и жили подобно тѣмъ Королямъ, какихъ мы нынѣ видимъ на многихъ островахъ южнаго океяна. Власть ихъ на общество неимѣла почти ни какого вліянія.

Между тѣмъ познанія и искуства отъ частыхъ сообщеній становились извѣстными всему поколѣнію, и каждый богачъ захотѣлъ посылать наемниковъ своихъ на всякіе промыслы, отъ чего вышли новые безпорядки. Встрѣча двухъ партій на одномъ промыслѣ, по природной глупости и зависти людей, рѣдко проходила безъ ссоры, которая оканчивалась по большей части отняттемъ добычи и кровопролитіемъ. Начальники побѣжденныхъ партій воспламенялись мщеніемъ. Они собирали наемниковъ своихъ и охотниковъ, и нападали на непріятелей. Сіи, небывъ предувѣдомлены, часто бывали побѣждены, побиты и ограблены, и

какъ люди въ запальчивости своей, особливо въ дикомъ состояніи, неруководствуются разсудкомъ, но нерѣдко въ сихъ битвахъ погибали цѣлыя общества. Можно даже предполагать, что пришаковыхъ случаяхъ тѣла убитыхъ служили пищею побѣдителямъ.

Такіе набѣги и распространяющееся кровопролитіе научили людей быть осторожными. Богатые на всякой случай окружили себя многолюдною дворнею или стражею и, снабдивъ оную дубинами или другимъ какимъ оружіемъ, положили основаніе военному искусству; а бѣдные, для безопасности своей, предавшись покровительству богатыхъ, признали ихъ блюстителями общаго спокойствія. Вмѣстѣ съ симъ признаніемъ открылись и новыя понятія въ умѣ человѣческомъ. Всѣ мысли устремились къ общественнымъ учрежденіямъ. Показались законы, обряды и церемоніи, и самая вѣра получила общія постановленія.

Я неговорю здѣсь о той вѣрѣ, которая заповѣдана Праотцу нашему отъ самаго Бога, и послѣ паденія Адама наблюдалась непрерывно въ понятіяхъ избраннаго народа. Сія вѣра въ отпадшихъ поколѣніяхъ,

вмѣстѣ съ перерожденіемъ ихъ, совершенно истребилась изъ памяти; но мысль о верховномъ существѣ, управляющемъ судьбою народовъ, осталась неизгладимо напечатлѣнною во всѣхъ племенахъ языческихъ. Мысль сія сначала открылась столько же темною, какъ и прочія наши познанія, и принадлежитъ исключительно одному человѣку. Многія животныя хотя чувствуютъ благодѣянія природы и страшатся ужасныхъ явленій, но неимѣя способности производить отвлеченныхъ понятій, оставляютъ всѣ таковыя случаи, по прошествіи ихъ, безъ вниманія. Напротивъ того человѣкъ, по чувствительности и воображенію своему, всѣ благодѣянія природы, равно какъ и ужасныя явленія, представилъ себѣ благими и грозными существами, требующими благодарности и покорности его.

Вникая въ первобытное состояніе людей, съ вѣроятностію можно полагать, что первыя поклоненія приносились солнцу, яко существу благому, питающему и оживляющему всѣ произведенія земныя, которому и по нынѣ многія племена людей поклоняются. Въ слѣдъ за тѣмъ оказалось

поклоненіе и другимъ небеснымъ и земнымъ тѣламъ и явленіямъ, которыя чемъ нибудь казались полезны или ужасны. И какъ люди не могли еще въ то время повѣрять воображенія своего, и каждую родившуюся мысль почитали вѣроятною, то въ коротkое время наполнили міръ сей привидѣніями и всякими вымышленными существами различныхъ родовъ и видовъ. А чтобы означить то превосходство, какое имѣютъ сіи вымышленныя существа надъ человѣкомъ, то вмѣсто одной головы придавали имъ по двѣ, по три и по десяти съ такovымъ же прибавленіемъ и прочихъ членовъ, какъ видимъ и нынѣ въ идолахъ у калмыковъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что первыя племена людей, безъ опытовъ и познаній, руководствуясь однимъ воображеніемъ, переходили отъ одного заблужденія къ другому. Заблужденія сіи возрасли наконецъ до такой степени, что всякое обыкновенное явленіе, состояніе погоды, полеты птицъ и даже встрѣча подобныхъ себѣ людей или другихъ животныхъ, считались предвозвѣстительными знаками счастливаго или неудачнаго окончанія дневныхъ промысловъ, или другаго какого нибудь предпріятія.

Между тѣмъ и по сей части, подобно какъ и подругимъ заняшіямъ человѣческимъ, явились учители и сектаторы. Они собрали преданія, выдумали системы, украсили оныя своими вымыслами и, по врожденному самолюбію и фанатизму, выдали себя за колдуновъ и идолослужителей. Народъ, по природной слабости своей къ гаданіямъ, толпою стекался къ новымъ учителямъ и приносилъ въ жертву вымышленнымъ божествамъ часть избытковъ своихъ. Учители нашлись въ затрудненіи отвѣчать на всѣ вопросы; но надобно было удовлетворять любопытству, чтобы самимъ не сдѣлаться жертвою раздраженнаго дикаго народа. Счастливая мысль избавила ихъ отъ сей опасности. Они выдумали темные отвѣты, наказанія и награжденія, и чрезъ то обезопасили себя во всѣхъ непредвидимыхъ случаяхъ. Народъ остался доволенъ, и съ твердымъ увѣреніемъ принималъ приговоры смѣтливыхъ наставниковъ своихъ.

Такимъ образомъ родъ человѣческій, развивая беспрестанно умственныя способности свои, и при всякомъ случаѣ открывая новыя мысли и правила, вышелъ наконецъ изъ дѣтскаго возраста, неосяз-

вившаго по себѣ никакихъ преданій, и достигнулъ до той степени просвѣщенія, откуда начинается баснословная Исторія народовъ. Въ сей исторіи находимъ, что Озирись вывелъ Египтянъ изъ дикаго состоянія, запретилъ пожирать другъ друга, показавъ имъ приличнѣйшія яствы, научилъ садоводству и учредилъ богопочитаніе; а сестра и супруга его Изида открыла пользу хлѣбныхъ сѣмянъ, которыя до того времени оставались безъ употребленія. Эфесціонъ случайно нашелъ ускуство разводить огонь и пользоваться его теплотою. Гермесъ, или Меркурій, изобрѣлъ многія полезныя искуства, научилъ людей правильному и пріятному произношенію словъ, и далъ названія многимъ вещамъ и дѣйствіямъ, которыя до него неимѣли собственныхъ или приличныхъ названій.

Всѣ сіи мужи и множество другихъ, отличившихся полезными учрежденіями или другими науками и искуствами, пользовались въ свое время отличнымъ уваженіемъ, или подвергались опасности быть убитыми за пріученіе людей къ трудолюбію; и память ихъ, поизустнымъ преданіямъ переходя изъ рода въ родъ съ прикрасами и пере-

мѣнами, превратилась наконецъ въ богопочитаніе, и составила самую многосложную языческую мифологію, которая и по сіе время служитъ предметомъ живописи, поэзіи и лицедѣйственныхъ представленій.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Въ I части, въ Исторіи Древняго Египетскаго царства на 21 страниць, науки и искуства переставить въ 4 параграфъ, а въ 3 помьстить:

ВѢРА И ОБЫЧАИ.

Жрецы Египетскіе исключительно упражнялись въ наукахъ, имѣли понятіе о единствѣ божіемъ, но они открывали оное только однимъ посвятившимся въ ихъ таинства; простому же народу предоставили многобожіе самое суевѣрное. Не только солнце, луна, планеты и звѣзды, но и всѣ тѣ животныя, которыя въ чемъ нибудь были полезны, удостоивались въ Египтѣ божескихъ почестей. Волъ, орудіе земледѣлія, почитался главнѣйшимъ божествомъ; кошка, умерщвляющая крысъ; звѣ-

рокъ ихнеумонъ, испребляющій крокодиловы яица; собака, птица ибись и нѣкоторые другіе звѣри и птицы находились также въ числѣ боговъ. Всѣмъ спроились приличныя зданія, давалось богатое содержаніе, избирались лучшія самки въ наложницы. Къ каждому изъ сихъ мнимыхъ боговъ были опредѣлены жрецы и прислужники, учреждены особые праздники, поминки, трауръ и церемоніи; даже въ домахъ, укого умретъ священная кошка, то всѣ домашніе въ изъявленіе печали брили у себя брови; а при смерти собаки всѣ волосы.

Но ни одно изъ сихъ мнимыхъ божествъ не было въ такомъ уваженіи, какъ волъ аписъ, орудіе земледѣлія. Жрецы его почитались въ первомъ классѣ, и были главнѣйшими урядниками прочихъ духовныхъ сословій. При возвѣщеніи о смерти сего бога весь Египетъ погружался въ глубокій трауръ, равно какъ и радость при отысканіи новаго теленка съ извѣстными примѣтами была необыкновенная. Жрецы умѣли поддерживать вымыселъ торжественными праздниками и великолѣпными церемоніями, ослѣпительными для народа и любопытными для всѣхъ сословій. Женщинамъ поз-

волялось видѣть аписа только въ то время, когда онъ изъ теленка откармливался 40 дней до торжественнаго посвященія въ Мемфисѣ. Въ сіе время женскій полъ стекался изъ всего Египта на поклоненіе, инабожные, съ обритыми на тѣлѣ волосами, почитали за честь предъ богомъ обнажать себя.

Политика и искуство Египетскихъ жрецовъ въ семъ дѣлѣ кажутся удивительными. Они, погрузя народъ въ самое грубое суевѣріе, и для взаимной ненависти, давъ каждой провинціи особыхъ боговъ, умѣли удержать власть надъ народомъ до такой степени, что въ продолженіе многихъ вѣковъ непримѣтно было въ Египтѣ такого ослабленія въ вѣрѣ, какое случилось у многихъ другихъ народовъ даже съ лучшими богами. Впрочемъ сія политика ихъ означала высочайшую степень своекорыстія и презрѣнія къ роду человѣческому. Жрецы пойдутъ къ богу на судъ, что употребили во зло имя его, и самое правительство потерпѣло отъ сихъ распоряженій. Народъ, лишенный первѣйшаго отличія, ума, и преданный взаимной ненависти, немогъ быть надежною опорою противъ непріятеля, и каждый завоеватель, умѣя употребить въ пользу

суевѣріе или невѣжество народное, легко покорялъ Египетъ, не смотря на многолюдство его.

Въ той же части въ Исторіи Древняго и Новаго Ассирійскаго и Вавилонскаго царствъ, на 40 страницъ, прибавить на конецъ.

Халдеи, какъ и всѣ прорицатели, умѣли двусмысленными отвѣтами удовлетворять любопытству народному, и тѣмъ пріобрѣтать себѣ уваженіе и состояніе.

Неудовольствуясь однимъ наблюденіемъ звѣздъ и разсматриваніемъ природы, они предпринимали даже открыть законы всемірнаго творенія, о чемъ казалось нельзя было и подумать по тогдашнему состоянію наукъ безъ достаточныхъ предварительныхъ познаній природы. По сему космогонію ихъ, принаровленную къ народнымъ понятіямъ, почитаютъ сумазбродною. Они выдумали, что богъ Вилъ сотворилъ міръ и, произведя животныхъ, приказалъ отрубить себѣ голову. Истекшею изъ него кровію другіе боги окропили землю, на которой родились отъ сего люди,

разумомъ одаренные, и имѣющіе въ себѣ по часпицѣ божества. Берозъ, живпій въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. думалъ, что всѣ Халдейскія басни содержали въ себѣ таинственную аллегорію, изъясняющую, какимъ образомъ хаосъ получилъ образованіе, и что Всевышній Творецъ употребилъ другаго бога на созданіе Вселенной. Ученіе, какъ говорили, почти всеобщее на Востокѣ.

Въ той же части въ Исторіи Финикіанъ прибавить на конецъ, на 47 страницъ.

Санхоніатонъ.

Исторія сохранила намъ изъ Финикіанъ одного ученаго мужа и самаго древнѣйшаго по Моисеѣ писателя. Санхоніатонъ, урожденецъ Финикійскаго города Берита, писалъ о древностяхъ своей земли за 15 вѣковъ до Р. Х. во времена Іисуса Навина, и возносился мыслями даже до произхожденія міра. Космогонія его, хотя наполнена баснями, однако же встрѣчаются въ ней рѣзкія мысли. Онъ допускаетъ мрачный хаосъ и духъ, приведшій въ устройство вселенную.

Прочія его мысли неимѣютъ ничего сходнаго или подходящаго къ библіи; изъ чего заключаютъ, что ему неизвѣстно было священное писаніе. Онъ говоритъ также о первомъ мужѣ и женѣ, только непохожихъ на Адама и Евву. Потомкамъ ихъ приписываетъ онъ изобрѣтеніе художествъ. Одному изобрѣтеніе огня, другому строеніе хижинъ, инымъ рыбную и звѣринную ловлю и проч.

Въ той же часши, послѣ исторіи Финикійской, прибавитъ двѣ новыя главы подъ слѣдующими названіями.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Историческое извѣстіе о Индѣйцахъ.

Индія, по отдаленности своей и по малому сообщенію съ народами западной Азіи, долго невходила въ составъ великихъ переворотовъ, совершившихся въ западной Азіи, и невеликое принимала участіе въ смѣшеніи народовъ, и во всеобщей ихъ исторіи. Она, подобно какъ и всѣ земли во время младенчества народовъ, раздѣлялась на многія независимыя одно отъ другаго Госу-

дарства, которые соединялись только общимъ языкомъ и вѣрою. Греки, неимѣя точнаго познанія объ Индіи, почитали однако же жителей сей земли народомъ просвѣщеннымъ, и приписывали Индейцамъ древнѣйшую предъ другими народами образованность. Философы хаживали туда для пріобрѣтенія познаній, а нынѣшніе ученые съ нѣкоторою вѣроятностію утверждаютъ, что Египтяне, а потомъ и Греки заняли у Индейцевъ часть религіи и философіи. По-крайней мѣрѣ ученіе о переселеніи душъ, начально образовавшееся въ Индіи, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ ихъ древности; ибо въ западную Азію и въ Египетъ перешло сіе ученіе со временъ незапамятныхъ.

Въ Индіи также, какъ и въ Египтѣ, всѣ жители раздѣлялись на касты или отдѣльныя сословія. Первая каста состояла изъ браминовъ или духовенства, вторая изъ владѣтельныхъ особъ и дворянства, третія изъ купцовъ и торговыхъ людей, а четвертая изъ поселянъ, ремесленниковъ и чернорабочихъ людей. Каста браминовъ имѣла предъ всѣми прочими преимущество. Богословія, священнослуженіе и науки были изъ заня-

шіемъ. Разрядъ земледѣльцевъ также пользовался уваженіемъ, соотвѣтственнымъ той пользѣ, какую доставляло ихъ трудолюбіе. Никогда неопрывали ихъ отъ полей къ другимъ работамъ; даже въ военное время самые непріятели щадили ихъ собственность. Въ послѣдствіи мы скажемъ еще нѣсколько словъ о сихъ кастахъ и паріяхъ, изгоняемыхъ изъ всѣхъ сословій за какое либо преступленіе.

Сіе раздѣленіе народа на касты наблюдалось съ такою строгостію, что ни кому непозволялось переходить изъ одной касты въ другую, или смѣшиваться брачными союзами. Отъ сего каждое сословіе, имѣя свои особыя заняшія, составляло какбы отдѣльное племя, отличающееся отъ прочихъ образомъ жизни, нравами и обычаями своими.

Древніе законодатели, выдумавшіе раздѣлять народъ на разныя сословія, конечно находили въ томъ ощутительную пользу; но справедливость требовала, обратить вниманіе и на то, чтобы содержать сіи сословія хотя не въ равномъ, покрайней мѣрѣ въ пристойномъ положеніи, чтобы дать средство каждому сословію быть довольнымъ состояніемъ своимъ, и чрезъ то воз-

буждать любовь къ отечеству, какъ самую надежнѣйшую подпору каждаго благоустроеннаго государства.

Индія одолжена большею частію Браминамъ или Брахманамъ своею славою. Они столькоже были почитаемы, какъ жрецы въ Египтѣ, Халдеи въ Вавилонѣ и Волхвы въ Персіи. Они исключались отъ платежа податей, подавали совѣты при дворѣ и управляли разумомъ народа. Ученіе ихъ, прикрытое тайною и обрядами, и поддерживаемое суровою жизнію, возбуждало удивленіе и въ самыхъ иностранцахъ. Впрочемъ они были болѣе мечтатели, нежели истинные философы. Когда жизнь имъ наскучитъ, они торжественно сожигались на кострѣ, и народъ, по невѣрности разсудка своего, удивлялся такому тщеславному ихъ дѣйствію.

Одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ ученія ихъ содержалъ въ себѣ переселеніе душъ. Увѣривъ себя, что души грѣшниковъ переселяются въ тѣла животныхъ и переходятъ разныя степени очищенія, они неупотребляли въ пищу никакого мяса. Сей предразсудокъ щадилъ кровь животныхъ, и былъ главнѣйшею причиною кро-

тости нрава Индейцевъ. Онъ укрощалъ страсти человѣческія, или воздержаніемъ, или страхомъ; ибо по смерти перейти въ какое нибудь нечистое или вредное животное, казалось столько же страшно, какъ и жестокая казнь въ настоящей жизни.

По свидѣтельству Страбона Брамины думали, что міръ нашъ имѣлъ начало и будетъ имѣть конецъ; что Высочайшее существо наполняетъ оный своимъ присутствіемъ; что въ первоначальныя времена молоко, вино, масло и медъ текли ручьями; но когда люди употребили во зло блаженство свое, то Богъ, отнявъ источники изобилія, осудилъ ихъ кормиться своими трудами. Беддамъ, священная книга у Браминовъ, заключаетъ въ себѣ Индейскую богословію, изъ которой Пифагоръ почерпнуль главные Догматы свои, и которой главнѣйшіе пункты заключаются въ слѣдующемъ.

Богъ есть Высочайшее существо, чистый и совершенный духъ, отъ коего произшекли разумныя существа. Одни изъ нихъ духи пали грѣхомъ и сосланы въ матеріальный міръ, въ которомъ и причиняютъ зло. Виспну принялъ на себя чело-

вѣческій образъ для избавленія людей отъ мучительства дуетовъ. За симъ слѣдуютъ переселенія и искушенія. Послѣ сего души, соединясь съ своимъ началомъ, будутъ вкушать вѣчное блаженство. Брама, отъ котораго получили названіе Индейскіе жрецы, есть одинъ изъ первыхъ духовъ, которому опредѣлено было управлять міромъ. Что же принадлежитъ до воплотившагося Виспну, то онъ есть тотъ же самый, который у Китайцевъ и Японцевъ извѣстенъ подъ другими именами.

Платонъ, Греческій Философъ, принялъ часть сего ученія, а Оригенъ хотѣлъ согласить оное съ Христіанствомъ, съ которымъ при первомъ взглядѣ видно нѣкоторое сходство, но оное мгновенно исчезаетъ придальнѣйшемъ разсмотрѣніи. Покрайней мѣрѣ, говоритъ Бугенвиль, религія Индейцевъ, какъ и всѣ другія, имѣла основаніемъ истины, извѣстныя вообще всѣмъ людямъ, и составляющія естественное откровеніе столько же древнее, какъ и міръ.

Индейцы представляютъ себѣ землю плоскою съ высокою по срединѣ горою. Вокругъ сей горы обращаются солнце, луна, планеты и звѣзды. За первымъ небомъ, дер-

жащимъ планеты, находится еще шесть другихъ небесъ, или блаженныхъ обителей чистыхъ и очистившихся духовъ втораго разряда. Сіи мысли доказываютъ, что Индейцы въ Астрономическихъ познаніяхъ далеко отстали отъ Халдеевъ и Египтянъ. За то поэзія ихъ находилась въ цвѣтущемъ состояніи современъ незапамятныхъ. Нынѣшніе ученые полагаютъ, что въ Индіи находились превосходные образцы Епической и драммапической поэзіи прежде Гомеровой Иліады. Къ числу сихъ отличныхъ произведеній древности относятъ Епическую поэму *Магабаратъ*, содержаніемъ коей была междоусобная война между двумя отраслями Царскаго Брагапскаго дома; и *Саконталу*, драммапической отрывокъ, переведенный и на русской языкъ Г. Карамзинымъ. Сіи и другіе нѣкоторые образцы отнимаютъ славу у Грековъ или, покрайней мѣрѣ, споряпъ съ ними въ изобрѣтеніи епической и драммапической поэзіи, и заставляютъ сожалѣть, что Индія, по неимѣнію въ древности сношеній съ Западною Азіею и Европою, кромѣ нашествія завоевателей, оставалась у Грековъ долгое время почти забытою и неизвѣстною.

Къ числу суевѣрныхъ и пропивныхъ природѣ обычаевъ помѣщаютъ вкорѣнившееся въ Индіи обыкновеніе, одной изъ женъ, по смерти мужа, сожигаться на кострѣ. Они даже спорятъ между собою, которой воспользоваться сею честію. Брамины же вмѣсто того, чтобы удерживать отъ сего заблужденія ума и сердца, уговариваютъ еще женъ рѣшиться на сіе сожженіе, какъ на дѣло богоугодное и похвальное.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Извѣстіе о древнихъ Китайцахъ и Конфуцѣ.

Китайская Имперія, отдѣленная горами и степями отъ прочихъ Азійскихъ Государствъ, была еще менѣе извѣстна въ древности, нежели Индія. Она образовалась отдѣльно отъ прочихъ державъ, неподвергаясь ужаснымъ потресеніямъ и переворотамъ отъ нашествія внѣшнихъ непріятелей, и раздѣлялась на многія области, состоящія подъ управленіемъ особыхъ Государей, имѣющихъ нѣкоторую подчинен-

ность къ Королевству Лу. Сей родъ феодальнаго правленія немогъ быть проченъ, немогъ содержать въ добромъ согласіи независимыхъ одного отъ другаго Государей, и, какъ обыкновенно случается въ природѣ человѣческой, Китайская Имперія, испытавъ всѣ бѣдствія отъ внутреннихъ смятеній и междоусобныхъ браней, подвергнулась наконецъ подъ власть одного самодержавнаго Государя.

Мы небудемъ входить въ затруднительныя изслѣдованія о древности Китайской Имперіи. Дегинь утверждаетъ, что Египтяне переселились въ Китай за 1122 года до Р. Х. и принесли туда съ собою Египетскую исторію, которая принята за истинную Китайскую; что первыя двѣ династіи, находящіеся въ лѣтописяхъ Китайскихъ, суть династіи Фивскихъ Царей, владѣвшихъ верхнимъ Египтомъ. Онъ присовокуплялъ еще, что основатель третей династіи представляется завоевателемъ, который раздѣляетъ области и дѣлаетъ Самодержцами Полководцевъ своихъ и друзей. Сіе переселеніе Египтянъ основывали на сходствѣ сихъ двухъ народовъ. Письмо Китайское полагали почти такого же

свойства, какого были древніе Египетскіе Гіероглифы; нравы и обычаи Китайскіе казалось весьма много имѣютъ Египетскаго; одинакое у нихъ почтеніе къ Государямъ и родителямъ; одинакое предубѣжденіе въ пользу достоинства народнаго противъ чужеспранцевъ; такое же раченіе о земледѣліи; одни успѣхи въ наукахъ и художествахъ безъ совершенства и вкуса; равная любовь къ спокойствію и миру; такая же вѣжливость, обремененная суетными обрядами; такая же суевѣрная привязанность къ древнимъ обычаямъ, а слѣдственно и тѣже самыя препятствія къ дальнѣйшему усовершенствованію. Китайцы, подобно Египтянамъ, тому только удивляются, что сами дѣлаютъ; а дѣлаютъ всегда то, что дѣлывали со временъ изъ памяти вышедшихъ.

Такъ думали Французскіе ученые о Китайцахъ; но Амміотъ и другіе Миссіонеры, долго проживавшіе въ Китаѣ, по собраннымъ ими свѣденіямъ о состояніи Китайской Имперіи увѣряютъ, что сіе Государство отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ, безъ посредства Египтянъ, одолжено самому себѣ образованіемъ своимъ. Первыя двѣ

династіи Китайскихъ Государей изгладились давнопрошедшимъ временемъ. Третія Тшеуншская династія началась за 12 столѣтій до Р. Х. и продолжалась въ 35 преемникахъ безъ малаго тысячу лѣтъ. Она началась учеными Государями, возбудившими въ подданныхъ своихъ любовь къ наукамъ, и способствовавшими къ размноженію училищъ. Просвѣщеніе, изливающееся отъ самаго престола, проникло во всѣ части свободныхъ изобрѣтеній. Науки и художества доведены были до значительнаго совершенства. Государство процвѣтало въ спокойствіи и изобиліи. Но по природному непостоянству человѣческаго разсудка недолго Китай наслаждался симъ благоденствіемъ. Послѣдовавшіе Государи, по склонности къ новизнамъ, измѣнили образъ установленнаго порядка; Философы запутались въ системахъ; а народъ погрязъ въ роскоши и развращеніи. Къ умноженію сего беспорядка удѣльные Князья выходили изъ повиновенія, и раздирали Государство междоусобною войною.

Въ сіе смутное и несчастное время одинъ удѣльный Князь, поименi Теин-шигоангъ, овладѣлъ по праву войны шестью

другими Княжествами или Царствами; свергнулъ съ престола Шпеутскую династію, и желая искоренить всякое воспоминаніе о прежнихъ Царяхъ и правахъ владѣльцевъ, лишенныхъ имѣнія, предпринялъ уничтожить всѣ лѣтописи и познанія повсемѣстнымъ сожженіемъ книгъ и гоненіемъ писателей. По сему ненавистному предпріятію до семи сотъ ученыхъ мужей умерло въ изгнаніи, и до 460 любителей просвѣщенія брошено въ огонь за то только, что они изъявили сожаленіе за сожженіе отобранныхъ у нихъ книгъ, которыхъ, подобно Ликурговой монетѣ, и скрыть было невозможно. (*).

Послѣ сего всеобщаго истребленія наукъ и ученыхъ, невозможно было имъ возродиться при такомъ правленіи, которое подавляло всѣ умственныя способности. Древнія хорошія книги сдѣлались очень рѣдки, а новыя опзывались образомъ мыслей

(*) Въ Китаѣ книги писались тогда на бамбуковыхъ досечкахъ, длиною въ 12 дуймовъ, на которыхъ изображалось неболѣе 24 словъ. Слѣдовательно одна книга могла составить большую вязанку сихъ досечекъ.

своего времени и вздорною нелѣпостью. Самые календари, исключительное изобрѣтеніе Китайцевъ, сочинялись съ великими ошибками.

Такимъ образомъ древняя Китайская исторія, испребленная собственными своими Государями, сдѣлалась для народовъ новѣйшихъ временъ сколько же неизвѣстною, какъ исторія Египтянъ, Вавилонянъ и Финикіанъ, которые также, можетъ быть, имѣли свои лѣтописи, истребившіеся во время Государственныхъ переворотовъ, или при покореніи сихъ Царствъ чужестранными Государями. Изъ оставшихся отрывковъ древней Китайской исторіи открывается слѣдующій образъ тогдашняго правленія.

Во время Тшеуской династіи Государственные чины или Мандарины, раздѣлялись на шесть класовъ

Первый классъ, самый высшій, завѣдывалъ дѣла духовныя, предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, находился на *аудіенціяхъ*, даваемыхъ при дворѣ удѣльнымъ Князьямъ и посламъ чужестраннымъ; имѣлъ надзоръ за порядкомъ внутри дворца и за воспитаніемъ Царскихъ дѣтей и дѣтей Княжескихъ.

Вторый классъ завѣдывалъ Государственное хозяйство, то есть земли, горы, рѣки, лѣса рощи, поля сады, доходы Императора, Государственныя подати и мѣновый торгъ продуктами, поступающими въ распоряженіе казенное.

Третій классъ имѣлъ попеченіе надъ удѣльными имѣніями и надзоръ заповеденіемъ особъ крови Государевой.

Четверпый классъ былъ военный. Изъ сего избирались Полководцы и прочіе армейскіе чиновники. Оный же завѣдывалъ снабженіе войскъ оружіемъ, одеждою и продовольствіемъ.

Пятый классъ состоялъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, которые судили преступниковъ закона и общественнаго порядка. Они же завѣдывали и прочія дѣла, относящіеся до гражданскаго суда и расправы.

Шестый классъ, самый послѣдній, имѣлъ надзоръ надъ общенародными зданіями и разными Государственными работами.

Ненужно углубляться здѣсь въ дальнѣйшія подробности и обременительные обряды древняго Китайскаго правленія, которое устояло и до нашихъ временъ безъ значительной перемѣны, несмотря на то, что

сіе Государство нѣсколько разъ подвергалось сильнымъ внутреннимъ потрясеніямъ, и два раза завоевано было тапарами или монголами. Изъ сего можно судить, сколь велика сила народныхъ обычаевъ и закоренѣлыхъ мнѣній, и Китайцевъ можно причислить къ разряду тѣхъ весьма немногихъ народовъ, которые, несмотря на всѣ перевороты, удержали при себѣ свой древній характеръ. Самые побѣдители повиновались ихъ обычаямъ и законамъ.

Конфуцій.

Гоненіе Теин ши-гоанга на науки и ученыхъ, хотя истребило древнія Китайскія лѣтописи и многіе памятники Китайской учености и словесности; но немогло однако же истребить книгъ славнаго Философа и законодателя Конфуція, котораго имя и по сіе время съ почтеніемъ упоминается въ Китаѣ.

Сей китайской Сократъ процвѣталъ въ Царствованіе Тшеуской династіи около 55о лѣтъ до Р. Х. Онъ родился въ области Лу, Государь коей содержалъ въ зависимости прочихъ удѣльныхъ Князей. Роскошь и развращеніе нравовъ доведены были въ его

время до высочайшей степени. Удѣльные Князья выходили изъ повиновенія, и каждый хотѣлъ быть независимымъ Государемъ. Слабость и безпорядки въ правленіи и раздоръ въ семействахъ были почти всеобщіе. Философы, увѣрясь на опытѣ въ невозможности исправить людей, жили по большей части уединенно, скрываясь отъ глазъ развращеннаго народа. Конфуцій пошелъ своею дорогою. Онъ съ самаго малолѣтства ученіе философіи предпочелъ всѣмъ утѣхамъ и увеселеніямъ молодости. Природная склонность влекла его къ политикѣ и нравственности. Полагаясь на святость своихъ правилъ и горя любовію просвѣтить людей, онъ вознамѣрился искоренить пороки и заблужденія, и ввести нравственность свою въ самое правительство. Порода, слава, личныя дарованія и безпорочное поведеніе доставили ему важнѣйшія должности въ Государствѣ. Онъ былъ первымъ Мандариномъ, Министромъ и любимцемъ самаго Государя. Неосторожная ревность его въ истребленіи злоупотребленій и въ приведеніи къ должному послушанію удѣльныхъ Князей, навлекла ему многихъ зависпиковъ и непріятелей. Удѣльные

Князья, Мандарины и придворные вознамѣрились погубить его и, немогши ничемъ очернить Философа, рѣшились развратить самаго Государя. Князья прислали въ подарокъ ко двору прекраснѣйшихъ наложницъ съ внушенными имъ правилами. Государь, прельстясь красотою и склонясь на хитрыя внушенія, потерялъ любовь къ справедливости. Вскорѣ послѣ того Философъ сдѣлался несноснымъ при дворѣ. Презрѣнный и осмѣянный придворными, онъ хотѣлъ удалиться въ уединеніе; но и сіе убѣжище не могло быть удѣломъ лишенному царской милости. Зависть и злоба вездѣ его преслѣдовали, и наконецъ великій Философъ и первый Чиновникъ въ Государствѣ доведенъ былъ до такой крайности, что кусокъ хлѣба съ водою были единственною его пищею; а рука, написавшая законы Государству, служила изголовьемъ. Къ счастію еще тотъ вѣкъ, въ которомъ жилъ Конфуцій, небылъ вѣкомъ всеобщаго развращенія народнаго. Болѣе трехъ тысячь учениковъ собралось къ Философу, слушать его наставленія. Около пяти сотъ изъ нихъ заняли важныя должности въ Госу-

дарствѣ и поддержали ученіе своего наставника.

Такимъ образомъ отверженный Философъ возродился въ книгахъ и ученикахъ своихъ, и слава его, распространяясь болѣе и болѣе проникла за предѣлы обширной Китайской Имперіи и разнеслась по всѣмъ просвѣщеннымъ Государствамъ. Впрочемъ ученіе Конфуція, какъ и всѣхъ древнихъ и новыхъ Философовъ, не во всѣхъ частяхъ справедливо. Исправленное имъ богопочитаніе произвело только особую секту, и по нынѣ существующую. Гражданскіе законы его также невѣрны; въ одной нравственности пріобрѣлъ онъ особенное преимущество. Нѣкоторыя изъ его мыслей изложены енциклопедистами слѣдующимъ образомъ.

1 Философъ есть тотъ, кто имѣетъ глубокое познаніе о вещахъ и книгахъ; кто все повѣряетъ разсудкомъ, во всемъ покоряется разуму и твердымъ шагомъ идетъ по пути истины.

2 Мудрый есть строжайшій свой обличитель, свой свидѣтель, обвинитель и судія.

3 Любовь есть то постоянное и разумное чувство, которое приносит насъ въ жертву человѣческому роду, какъ будтобы оный составляетъ одно нераздѣльное тѣло. Чувство сіе дѣлаетъ насъ участниками бѣдствій и благоденствія человѣческаго рода.

Въ той же части на конецъ Персидской Исторіи на 99 страницѣ припечатано слѣдующее.

Изъ всѣхъ основанныхъ человѣкомъ языческихъ религій, ни одна неподходитъ ближе къ естественной и незаражена меньшимъ суевѣріемъ, какъ религія Персовъ, которой и по нынѣ еще держатся гебры, ихъ потомки. Они признавали единство Божіе, и служеніе ихъ на горахъ и равнинахъ подъ открытымъ небомъ относилось прямо къ нему. Они несозидали храмовъ, неосмѣливаясь заключить всемогущество божіе въ запертомъ пространствѣ; отвергали истуканы, почитая ихъ недостойными изображеніями Всесотворившаго, и гнушались суевѣріемъ Египетскаго и Халдейскаго идолослуженія. Они покланялись только солн-

цу, какъ сильнѣйшему доказательству Всемогущаго, и хранили огонь священный.

Въ заключеніе о древнихъ Персахъ выпишемъ сюда сказанію о Зороастрѣ, единственномъ богословѣ и законоучителѣ Персидскомъ, прославившемся въ царствованіе Дарія, сына Истаспова. Пройдемъ въ молчаніи разнорѣчія о существованіи одного или многихъ Зороастровъ, и о самомъ имени, которое означаетъ несобственное имя мудреца, но общее имя Философа. Цѣль моего сочиненія, невходитъ въ споры, но замѣтитъ важнѣйшія произшествія и мысли, открытыя человѣкомъ.

6. *Зороастръ.*

Думаютъ, что Зороастръ родился въ Персіи, въ городѣ Урми, и въ молодости своей находился въ услуженіи у Пророка Даніила. Здѣсь почерпнулъ онъ свѣденіе о Священномъ писаніи, и о тѣхъ правилахъ, которыя Моисей далъ Израильтянамъ. Имѣя пылкое, мечтательное воображеніе, онъ почелъ или захотѣлъ выдать себя за посланника божіяго; и, будучи выгнанъ изъ дому Даніилова, удалился на свою родину, скрылся отъ людей и, давъ полную волю раз-

мышленію, привелъ въ порядокъ мысли свои долженствовавшія преобразить его отечество. Явясь къ Дарію, просилъ его содѣйствія и покровительства въ исправленіи богослуженія. Дарій по видамъ ли политическимъ желая ослабить силу волхвовъ, или по другимъ незамѣченнымъ въ Исторіи причинамъ, принялъ Зороастра и приказалъ исправленное имъ богослуженіе ввести въ число Государственныхъ постановленій. Сколь ни велики были препятствія къ сему со стороны волхвовъ, однако же Зороастръ остался наконецъ побѣдителемъ. Тогда показались приписанныя ему огромныя сочиненія по части богословской, законодательной и нравоучительной, состоящія въ 12 томахъ, изъ коихъ каждый, по толстотѣ пергамента и крупности буквъ съ украшеніями, надлежало возить на одномъ волѣ. Въ сихъ томахъ заключались слѣдующія главнѣйшія мысли и правила.

Зороастръ, по мнѣнію Персовъ, очистилъ вѣру ихъ отъ заблужденій, введенныхъ Сабеянами, то есть, отъ поклоненія идоламъ. Онъ ввелъ ученіе о двухъ началахъ. Цѣль сего ученія есть, истолковать происхожденіе зла такъ, чтобы Богъ нека-

зался виновникомъ онаго. Оромазъ есть доброе, всевышнее, вѣчное, независимое начало, сотворившее свѣтъ и тьму. Оримань, злое начало, произшедшее изъ тьмы. Оно хотя во всемъ противишься намѣреніямъ Оромаза, однако же противъ желанія своего споспѣшествуетъ славѣ его. Отъ сего происходитъ смѣсь добра и зла. Сіе сраженіе двухъ началъ продолжится до скончанія міра, и тогда послѣдуетъ Воскресеніе. Свѣтъ и тьма раздѣляться. Добрые и злые воспріимутъ мзду по дѣламъ своимъ.

Изъ превосходныхъ правилъ Зороастровыхъ для первосвященниковъ замѣчательны кажутся слѣдующія. 1 Жрецы или волхвы должны быть свѣдущи не только въ познаніи закона, но и во всѣхъ наукахъ, ибо они призваны научать людей. 2 Должны прилагать стараніе объ отличеніи истины отъ лжи. 3 Никого небояться, кромѣ Бога, и ничего не ненавидѣть, кромѣ грѣха. 4 Хотя бы и были удостоены нѣкоторыхъ небесныхъ откровеній, но не должны разглашать ихъ, дабы невозмутить народъ, который долженъ послѣдовать во всемъ писанному закону. 5 Неоплагать добраго дѣла къ слѣдующему дню. 6 Недоволь-

но дѣлать добро, но надобно оное творить съ усердіемъ и разсудкомъ.

Естьли бы всѣ правила Зороастровы были столько же справедливы, какъ вышеприведенныя, то можно бы приписать ему превосходныя понятія. Но къ сожаленію Зороастръ, сочиняя законы свои, невездѣ повѣрялъ ихъ съ правилами чистой нравственности; во многихъ мѣстахъ самъ себѣ противорѣчилъ; и часто входилъ въ такія мелочи, о которыхъ лучше бы во все неписать, чемъ обсуживать ихъ несправедливо и давать поводъ къ новымъ заблужденіямъ.

На примѣръ въ числѣ догматовъ вѣры, Зороастръ большую часть естественныхъ приключеній призналъ нечистыми или такими, отъ которыхъ должно было очиститься молитвою. Остричь овецъ, обрѣзать ногти, видѣть сонъ, встрѣтиться со стадомъ воловъ, убидѣть на дорогѣ городъ, рѣку, озеро, колодецъ, зажечь лампаду, отдать обыкновенный долгъ природѣ значило подвергнуться нечистотѣ и должно было очиститься молитвою. Но въ правѣ ли мы слабую человѣческую голову набивать такими мелочами, когда и для важнѣй-

шихъ рѣшительныхъ случаевъ часто недостаетъ у насъ разсудка? Сіи мелочи открываютъ прямую дорогу къ пагубному суевѣрію и дѣлаютъ насъ нечувствительными къ настоящимъ дѣламъ, въ которыхъ мы обязаны оказать Всевышнему Творцу своему полную, безъусловную довѣренность къ правосудію его.

Другое заблужденіе Зороастрово, по должности духовныхъ служителей, можно поставить въ примѣръ, какъ доказательство его противорѣчій и неосмотрительности въ послѣдствіяхъ. Кромѣ десятой части изъ доходовъ, онъ позволилъ жрецамъ или волхвамъ принимать подаянія, и требовать плату за всѣ ихъ должности, молитвами и очистками до бесконечности размноженныя. Имъ позволялось брать плату за примиреніе враждующихъ, запогребеніе, за очистку отъ грѣховъ, за молитвы или молебны и проч. Но они въ послѣдствіи нетолько за сіи должности, но на оборотъ за всѣ жизненныя потребности и даже Докторамъ платили молитвами.

Во второй части на 160 страницѣ къ обозрѣнію Греческой поэзіи и философіи, напечатано слѣдующее.

Вступленіе.

Исторія образованія ума, подобно Исторіи народовъ, покрыта въ началахъ своихъ непроницаемою завѣсою. Первые опыты во всѣхъ отрасляхъ нашихъ познаній были столь слабы, что не обратили особеннаго вниманія на тѣхъ людей, которые въ нихъ упражнялись. Послѣдующее же усовершенствованіе хотя производилось, какъ полагать должно, одними отличными умами, но память ихъ также истребилась по отдаленности времени. Когда же познанія, при взаимныхъ сообщеніяхъ народовъ, сдѣлались общими, и люди познали цѣну изобрѣтательныхъ умовъ, то и начали по тщеславію своему приписывать единоплеменникамъ своимъ способность изобрѣтенія.

Такимъ образомъ Халдеи и Египтянѣ спорили, кому изъ нихъ принадлежитъ честь первоначальнаго изобрѣтенія наукъ и художествъ. Греки присвоивали себѣ не только усовершенствованныя ими, но даже и такія науки, въ которыхъ они далеко

отстали отъ учителей своихъ Египтянъ. Между тѣмъ слѣды тѣхъ же самыхъ познаній находятъ въ одно время у Скифовъ, Галловъ и прочихъ народовъ, почитаемыхъ тогда полудикими.

По сему небудемъ терять напрасно времени на бесполезное изслѣдованіе того, кому именно принадлежитъ честь изобрѣтенія наукъ и художествъ. Отнесемъ первыя познанія ко всемъ племенамъ человѣческимъ, которыя обрабатывали науку гражданскаго общежитія, и замѣтимъ только тѣ племена, которыя дошли до высшей степени образованности.

Исторія считаетъ шесть народовъ, образовавшихся въ глубочайшей древности. Первый народъ былъ израильтяне, руководимые отъ самаго созданія міра промысломъ Божіемъ; Индейцы и Китайцы также образовались въ глубочайшей древности, но они по отдаленности невошли въ составъ тѣхъ великихъ переворотовъ, которые образовали Всеобщую Исторію народовъ Западной Азіи, Сѣверной Африки и Южной Европы. Слѣдовательно только три народа языческихъ, Египтяне, Вавилоняне и Финикіяне могутъ назваться просвѣщеннѣй-

шими народами въ глубокой древности. У нихъ находимъ мы довольно усовершенствованные уже начала законодательства, религій на правилахъ и обрядахъ основанныхъ; значительные успѣхи въ земледѣліи, рукодѣліяхъ, зодчествѣ, Астрономіи, мореплаваніи, торговлѣ и во многихъ другихъ отрасляхъ человѣческихъ познаній.

Всѣмъ извѣстно, сколь велико было попеченіе древняго Египетскаго правительства о удобреніи пахотныхъ земель посредствомъ разлитія Нила, и сколь невѣроятные употреблены были труды и искуство въ проведеніи каналовъ, въ разширеніи и углубленіи Меридова озера, въ построеніи тѣхъ огромнѣйшихъ пирамидъ, сооруженіе коихъ относятъ ко второй тысячѣ лѣтъ до Р. Х. Кольце Озимандіево есть также достопамятность Египтянъ въ успѣхахъ Астрономическихъ познаній. Оно раздѣлено было на 365 частей съ означеніемъ ежедневнаго восхожденія и захожденія звѣздъ.

Вавилоняне неменьше Египтянъ отличались въ Архитектурѣ, Астрономіи и во многихъ другихъ умственныхъ и рукодѣльныхъ познаніяхъ. Не говоря о вися-

ихъ садахъ и подземныхъ подъ Ефратомъ ереходахъ, одно сооруженіе Вавилонскихъ шѣнъ и Вилова Храма доказываетъ уже начительные успѣхи ихъ въ Архитектурѣ. По части же Астрономическихъ познаній Халдейская Сара, или періодъ 223 лунныхъ мѣсяцовъ, чрезъ которые повторяются олнечныя и лунныя затмѣнія, служитъ остаточнымъ удостовѣреніемъ, что Халеи со временъ изъ памяти вышедшихъ пражнялись въ наблюденіи свѣтилъ небеныхъ.

Финикіяне особенно отличились въ кораблестроеніи и мореплаваніи, въ рукодѣліяхъ и промышленности. Въ то время, огда прочіе народы съ трудомъ переправлялись чрезъ рѣки, они безстрашно плали на утлыхъ корабляхъ своихъ по Средиземному морю, имѣя путеводителемъ ну большую медвѣдицу и признаки береговъ. Но что всего болѣе дѣлаетъ чести ихъ обрѣтательному уму, то сіе есть изрѣзаніе буквъ и легчайшій способъ изъяснять оными на письмѣ свои мысли гораздо правильнѣе и яснѣе, нежели египетскими гіероглифами.

Впрочемъ все то, что изобрѣтено сими тремя народами, частію замѣчено въ ихъ Исторіяхъ. Сдѣсь же наиглавнѣйше будемъ говорить о Грекахъ, которые нѣсколько запоздалое образованіе свое вознаградили изящностію вкуса и разнообразною способностію мышленія, и учинились единственнымъ, образцовымъ въ просвѣщеніи народомъ въ древности.